

Нежинский государственный университет
имени Николая Гоголя

Н. В. Папуча, Е. С. Медведь

**НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ.
ОЧЕРКИ**

Монография

Нежин
2020

УДК 159.9:001
П17

Рекомендовано Ученым советом
Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя
(НГУ им. Н. Гоголя)
Протокол № 4 от 26.11.2020 р.

Рецензенты:

Чепелева Н. В. – доктор психологических наук, профессор, действительный член Национальной академии педагогических наук Украины;

Пророк Н. В. – доктор психологических наук, профессор;

Наконечная М. Н. – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя.

Папуча Н. В., Медведь Е. С.

П17 Новые проблемы психологии. Очерки: монография. Нежин: НГУ им. Н. Гоголя, 2020. 171 с.
ISBN 978-617-527-234-3

Монография посвящена анализу современного состояния психологии как науки. Психология сравнивается с другими передовыми науками. Предлагается новый теоретико-методологический подход на основе философских взглядов Б. Спинозы и культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. Основными методологическими звеньями реализации этого подхода стала теория межфункциональных психологических систем Л. С. Выготского и синергетическая парадигма.

Монографія присвячена висвітленню сучасного стану психології як науки. Психологія порівнюється з іншими передовими науками. Пропонується новий теоретико-методологічний підхід до психології на основі філософських поглядів Б. Спінози та на базі культурно-історичної психології Л. С. Виготського. Основними методологічними ланками реалізації цього підходу стала теорія міжфункціональних психологічних систем Л.С. Виготського та синергетична парадигма.

УДК 159.9:001

ISBN 978-617-527-234-3

© Н. В. Папуча, Е. С. Медвідь, 2020

© НДУ ім. М. Гоголя, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Очерк I. Гамлет психологии (что на самом деле сделал Л. С. Выготский)	6
Очерк II. Психология человека: есть ли выход из кризиса?	28
Очерк III. Анализ возможностей междисциплинарного подхода в психологии.....	46
Очерк IV. Идея перехода в творчестве Л. С. Выготского.....	135
Очерк V. Фактор часу в психологічній реальності.....	160

ПРЕДИСЛОВИЕ

Словосочетание «научная психология» в последние годы в нашей стране приобрело пренебрежительно-ироничный оттенок. Так говорят о психологических дисциплинах, читаемых студентам. Так говорят о защищенных диссертациях... И надо признать, чаще всего говорят правду.

По сравнению с передовыми науками (физика, химия, синергетика) психология, действительно выглядит жалкой и несчастной. Абсолютное большинство диссертаций и бумажно-электронной продукции не имеет никакой научной ценности. Они пусты, скомпилированы и делаются только потому, что «так надо».

Надо сказать, что это касается не только нашей страны и не вызвано отсутствием талантливых ученых.

В мировой психологии мы видим очередной ренессанс бихевиоризма и психоанализа, да еще в России упорно хватаются за «непсихологическую» теорию деятельности... Все это дало в свое время очень много, и на основании этих, да еще гуманистических и гештальт-взглядов выросла масса интересных и результативных практик. Однако, это было давно... Сейчас уже ни одно из перечисленных направлений не привносит в науку чего-то нового, а практики стали появляться на своих же, чисто выдуманных якобы методологических измышлениях. И, конечно, опять активизировались биологизаторские и теологические (в виде разных изотерм) направления.

Одним словом, психологии, как и 100 лет назад, необходим теоретико-методологический прорыв. Мы видим его возможность в построении науки на философских основаниях Спинозы (только – его самого, а не разных перепевов), и на теоретико-методологической базе культурно-исторической психологии Л. С. Выготского (только – его самого, а не разных его «последователей»). В общем, это – единое основание, поскольку Л. С. Выготский был точным и очень аккуратным последователем Спинозы (отметим неоченимый вклад в это направление, сделанный Е. Ю. Завершневой).

Мы полагаем, что точная и последовательная реализация данного подхода позволяет продвинуться психологии на принципиально новые рубежи.

В частности, теория межфункциональных психологических систем Л. С. Выготского (вершинная и, увы, конечная точка его творчества) позволяет психологическое явление рассматривать как результат действия самоорганизующихся диссипативных систем.

Не реализован до конца и потенциал психоанализа. Мы приходим к парадоксальному, на первый взгляд выводу, что, оказывается, возможно и даже необходимо специфическое объединение этих столь, казалось бы, противоположных направлений.

Как выразился В. Т. Кудрявцев, психология должна стать «вершинно-глубинной».

Анализу этих и других идей посвящена эта небольшая книжка, как результат наших размышлений, споров и дискуссий.

Формат очерков допускает некоторую повторяемость, противоречивость и разночтение. Большая часть материалов публиковались ранее. Тем не менее, нам кажется, она найдет своего читателя

Н. В. Папуча,
Е. С. Медведь

ОЧЕРК I. ГАМЛЕТ ПСИХОЛОГИИ (ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ СДЕЛАЛ Л. С. ВЫГОТСКИЙ)

Данная статья – попытка доказать, что теория Л. С. Выготского – не исторический памятник, а – психология будущего.

Конечно, высказанное здесь – субъективно, но оно опирается на работы Л.С. Выготского, его учеников и, главное, на философию, которая молча пронизывает всё учение Л.С. Выготского и является его действительной основой – сложнейшая философия Спинозы. Мы старались, как могли, игнорировать многочисленные, часто до бесстыдства доходящие, спекуляции...

И ещё – в работе мало цитат (не следует «выдергивать по нитке» цитаты классиков), но много имён (желающим представляется право самим работать с текстами, вместо проявлений демонстративности).

Одной из наиболее распространенных ошибок оценки творчества Льва Семеновича (мы об этом уже писали) является представление, что он «разбрасывал» драгоценные искорки гениальных идей в разных областях психологии, но так и не успел построить законченную теорию. А ошибка происходит от того, что мы думаем не так, как думал Выготский. Несмотря на все методологические заверения, мы остаемся дуалистами и эмпириками «от Декарта» в реальном деле...

Отсюда возникает еще одна ошибочно поставленная (а потому – нерешаемая) проблема – какой труд Л. С. Выготского считать главным? Неверно поставленная проблема, как известно из диалектики, приводит к появлению целого сонма неверных версий.

А нет такого труда у Льва Семеновича, вернее, все (без исключения) его работы – главные. Потому что все они посвящены рассмотрению одной единственной проблемы – пониманию сути конкретной психологии человека (так названа его ненаписанная книга и теперь ясно, почему она не написана, ведь это – «бесконечная книга»). И здесь же мы встречаемся с фундаментальным философским понятием, без понимания которого Выготского даже не надо пытаться понять. Это понятие всегда и во всем было центральным для него, это понятие, органически соединяющее в себе «теорию» и «практику»...

Это есть понятие «конкретное».

Приходится делать краткий философский экскурс, ибо здесь – ключ ко всей теории Льва Семеновича.

Конкретное в диалектике есть далеко не то же самое, что единичное. Конкретное – единство многообразного, единство сложное, противоречивое, гетерогенное и связанное нелинейной логикой. Единичное передается по некоторым общим и раздельным принципам, одновременно соединяющим и разъединяющим некоторые объекты (человек единичен среди всех людей и общий с ними, в отличие от других объектов – животных, растений, неживых предметов). Единичное может быть чем-то, действительно, одним (простым) или простой суммой разного (сложным). Но сложность эта, если ее разделить по этим случайным признакам, как таковая, реальная сложность, понята быть не может. Потому что она собрана не по истинной природе своей, а по случайному положению-точке, в которой находится наблюдатель. Все зависит от этой точки и от задачи наблюдателя.

Конкретное не зависит от наблюдателя. Оно представляет собой уникальность, но уникальность, естественную для себя, для своей природы. Так понятое конкретное и есть фактически «абстракция абстрактного», т. е. – всеобщее. В отличие от общего (абстрактного), которое релевантно единичному, отдельному. Фактически, диалектика определяет процесс научного познания как движение от абстрактного (единичного, простой случайной суммы единичного) к конкретному в полной и реальной своей уникальности (всеобщему). Именно эта философская истина была ведущей для Выготского, именно на ней он выстроил свою методологию конкретной науки (См. «Исторический смысл психологического кризиса», 1927 (Выготский, 1982)) и придерживался неукоснительно всю свою короткую жизнь.

Собственно, это – главное, что мы хотим сказать: не устроить ликбез по философии познания, а подчеркнуть основное в творчестве Льва Семеновича – он создавал науку, четко опираясь на философию и методологию, не отходя от этого ни на шаг. Это – редкое явление в психологии.

Этот метод «восхождения» пронизывает и объединяет (!) все творчество Л.С. Выготского. Он конкретизирует предмет психологии (сначала отделяет его от «психики», «сознательного», «бессознательного»). Вводятся «единицы анализа». Он четко

придерживается принципа историзма (развития), причем до такой степени четко, что любое психологическое он называет словом «функция», придавая, тем самым, динамизм всем явлениям. Выготский реально внедряет в психологию идею системности, именно в поисках того содержательного конкретного, которое является «клеточкой» психологического. Наконец, он завершает свой путь, принципиально и смело меняя содержание термина «переживание», и, с другой стороны, – заявляя, что центральной проблемой психологии есть свобода.

Рассмотрим это конкретнее.

Писать об Л. С. Выготском очень трудно по ряду причин, главная трудность состоит в том, что психология Л. С. Выготского была, есть и будет ещё долго подлинным узловым пунктом всей психологии. Поэтому анализ его системы невозможен вне знания и привлечения трудов подлинно бесчисленного количества ученых. Далее, следует своеобразно преодолеть марксизм: философия, лежащая в основе психологии Л. С. Выготского – это философия Спинозы плюс те действительно ценные мысли Гегеля, Маркса, Энгельса, с которыми очень аккуратно работал Выготский. Сюда же следует добавить и религию: Л. С. Выготский до революции был глубоко верующим человеком (Л. С. Выготский: начало пути..., 1996), и его «срочное» превращение в атеиста-материалиста, конечно, не могло задеть глубоких слоев его личности... Между тем, он и это поставил на службу психологии.

Очень крупным недостатком работ о Л. С. Выготском в целом, отношения к нему как ученому и практику, является, во-первых, полное забвение того, что он-таки был практиком, более того, он создал систему психологических практик в Союзе¹.

Во-вторых, исследователи, деля эту десятилетнюю жизнь в большой науке на какие-то вымышленные «периоды», совершенно не хотят видеть его науки как системы (которая началась Гамлетом и закончилась им). Нет, на самом деле, никаких «периодов» в этом искрометном творчестве – есть упорная и кропотливая работа создания системы психологии, краеугольным камнем которой

¹ Критикуя недостатки, мы исключаем добросовестные работы Е. Ю. Завершневой и Ван дер Веера, особенно, добротню изданную и компетентно отредактированную книгу «Записные книжки Л.С. Выготского: Избранное».

(«который презрели строители») была практика и философия Спинозы.

В-третьих, слишком вольная и неадекватная трактовка основных положений теории, более того, полное забвение его творчества – забвение реальное, а не на словах. В России любят говорить фразу «Выготский это наше всё». На самом же деле, его творчество знают буквально считанные люди, да и то – по кускам и вовсе не в контексте современной и будущей психологии. Превращать Л. С. Выготского в такой себе памятник – самая худшее, что могло произойти...

Пока этого ещё, слава Богу, нет. Есть нелепые истолкования и спекуляции, и это, как ни странно, лучше, чем «памятник». Спекуляций мы трогать не будем (они – на совести авторов), а вот о нелепостях следует сказать.

О первой уже сказано: вопреки убеждениям многих (особенно, западных) исследователей, Л. С. Выготский марксистом не был. Да, он с уважением относился к Марксу и Энгельсу, но только в рамках своих задач. Есть и необходимые большевикам натяжки, но они прекрасно видны и их очень немного.

Второе. В советской психологии сложилось очень устойчивое мнение о такой себе неразрывной паре авторов теории деятельности: Выготский-Леонтьев. Оно, увы существует и поныне... На самом деле, Л. С. Выготский не был и не мог быть соавтором, тем более, родоначальником, непсихологической теории в психологии. Разрыв с А. Н. Леонтьевым произошёл, как нам кажется, потому, что он (Леонтьев) был-таки вульгарным материалистом и считал, что действие порождает мышление и сознание. Выготский защищал обратную логику и требовал продолжения исследования мысли, речи, значений, смыслов... Разумное действие (свободное), по его мнению, зигзагообразно (по Спинозе (Спиноза, 2019)): аффект (потребность) порождает неразумное, неосмысленные действие, которое встречается с объектом, изучает («ощупывает») его и возвращается в виде рефлексии, превращается в разумное, т.е. осмысленное, порождает смысл, т.е. фактически мысль первична. Это еще очень грубо, и Выготский это понимал, и решил проблему. Он никогда не говорил о «ведущей деятельности», наоборот, в частности, об игре он написал, что это не ведущая деятельность дошкольника, а главная форма его активности

(Выготский, 2001). Нет у него ничего и об учебной деятельности etc. В общем, неправильная трактовка касается не только деятельности и имеет во всех проявлениях свой корень, об этом чуть позже.

Необходимо, для понимания творчества Выготского, актуализировать философию отношения абстрактного и конкретного. Э. В. Ильенков писал: «Термин «конкретное» в его первоначальном латинском значении означает попросту «нечто сложное, составленное, сращенное, смешанное» (Ильенков, 2019, с. 32). Он посвящает диалектике абстрактного и конкретного самую большую (и ключевую) свою работу. Показывает, как в истории получилось, что термин потерял своё значение и стал означать нечто простое и отдельное; что абстракция лежит не в конце мыслительной деятельности, а в начале её. Работа так и называется «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Мы не можем здесь анализировать весь ход мыслей видного философа, отметим только, что работа эта должна быть обязательным введением в обучении любого исследователя, особенно сейчас (Будем вести речь, конечно, о психологии). Парадоксальное состоит уже в том, что Э. В. Ильенков приводит Марксово определение конкретного как «единства многообразного» и пишет: самое важное в этом определении заключается в том, что «конкретность» оказывается прежде всего чисто объективной характеристикой объективной реальности, предмета познания, абсолютно независимого от тех эволюций, которые имеют место в субъекте теоретического познания» (Ильенков, 2019, с. 29).

И ещё одна принципиально важная мысль Э. В. Ильенкова: «предмет сам по себе, «в себе», конкретен независимо от того, познаётся ли он мышлением или воспринимается органами чувств» (Ильенков, 2019, с. 29).

Конкретность предмета не создается его восприятием в сознании ни чувственной степенью познания, ни рационально-логической. Но мы-то знаем, что воспринимаем не единичное, а именно конкретное! Как это происходит? Э. В. Ильенков отвечает: «Естественно, что единственной логической формой, в которой человек может осознать объективную конкретность, оказывается не абстрактное единство, не абстракция, выражающая лишь «общее» в явлениях, а только единство многообразных определений, т.е. система абстракций, сложная совокупность абстракций. Система

абстракций и оказывается единственно возможной формой существования истины в сознании человека. Сознание должно быть столь же сложным, сколь сложен предмет» (Ильенков, 2019, с. 29) (выделено нами – Н. П.).

В целом, это было центральная «точка» и Спинозы, и Маркса, и Ильенкова – сложность сознания, адекватная сложности конкретного предмета или явления. Это была и «точка» Л.С. Выготского, осложнённая тем, что в виде «конкретного» здесь выступило само сознание, сама психика человека. И от этой точки Лев Семёнович не отошёл ни разу. Что реально получается? «Субстанция» Спинозы конкретна или абстрактна? Безусловно, она вполне конкретна... напомним, что философия Спинозы – это не только чистая диалектика, но и чистый же монизм. Спиноза постулирует существование единой и бесконечной (добавим, – бесконечно сложной) субстанции, которая имеет бесконечное же число тоже вполне конкретных атрибутов и модусов. Из бесконечного количества атрибутов, считает Спиноза, мы знаем только 2 – мышление (душа) и протяжённость (тело), которые являются, фактически ключевыми свойствами единой природы человека. А сам человек, как и все другие тела, есть модус, один из бесконечного количества модусов субстанции. (Субстанция, Бог, Природа – для Спинозы это синонимы). Поскольку душевное и телесное – не две разные субстанции, а всего лишь два свойства одной субстанции, «собранных» в модусе, то ни о каком дуализме, ни о каком сверхъестественном не может быть и речи – они суть одно и, следовательно, сущность их одна... Выготский сразу увидел, как просто исчезает навязывая в зубах «психофизиологическая проблема» (справедливости ради, отметим, что это увидели и Фрейд (Фрейд, 2000), и Юнг (Юнг, 1996)).

Нас интересует, познаваема ли субстанция?

До конца – нет, – ответ Спинозы однозначен (Спиноза, 2019). Но на уровне модуса – вполне познаваема. Но, всё-таки, конкретна или абстрактна субстанция? Конечно, абстрактна, ибо она – всё (в том числе и то, что содержится «в голове человека»)... Вот – мы дали два противоположных ответа, и оба – правильные.

Как быть?

Речь идет не просто об «удвоении термина». Нам непосредственно дана абстракция (формально-логические значения и обобщения). При этом задана конкретика, как абстрактно-всеобщее исходное (и – «снятое»!) противоречие («клеточка», «зёрнышко»), разворачивание которого позволит получить конкретно-всеобщее в его действительном значении (см. Л. С. Выготский (Выготский, 1982, 1983, 2001, 1987, 2015), Спиноза (Спиноза, 2019), В.В. Давыдов etc).

Почему Л. С. Выготский сразу и во всех случаях настаивает на анализе по «единицам»? Потому, что «единица» (в отличие от элемента) содержит в себе в доступной для изучения, наипростейшей форме всё то, «разворачивание» чего (мысленное, на основании научных фактов полученное) позволяет получить истинно конкретное знание. У Спинозы это третья, наивысшая форма истинного знания, которую он называл интуитивной и доступной далеко не всем. Работа Л. С. Выготского с «единицами» показала доступность этого познания (В. В. Давыдов). Правда, следует отметить, что позитивизм современного научного знания отбрасывает эту логику. В психологии и в психологических практиках это привело к поистине катастрофическим последствиям.

Чтобы действительно оценить поистине гигантскую работу Л. С. Выготского по поиску «единиц» анализа, необходимо еще немного философии.

И. Гете (для которого Спиноза был настоящим кумиром) поддерживает монизм весьма своеобразно: «человек природен – этим еще не сказано ничего, но без этого ничего не может быть сказано» (цит. по: Свасьян, 1989, с. 127). Говоря о научном познании живого (и – занимаясь этим реально), Гете приходит к интересным выводам: анализ, по его мнению, не может быть началом исследования, ибо он всегда произведен, вторичен и обусловлен. Анализ разрушает живое, справедливо считает Гете:

Во всём подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать (Гёте, 1997).

Поэтому анализу предшествует созерцание живой жизни: «смотри, он проходит мимо, прежде, чем я это увижу, и изменяется,

прежде, чем я это замечу» (цит. по: Свасьян, 1989, с. 139). Гете прав стопроцентно, и мы это сейчас покажем. Но вначале – еще один штрих из Гете. Он считает, что живой орнализм отличается от любого механизма тем, что идея последнего находится вне его (в голове автора, в чертеже etc). Поэтому их можно изучать раздельно. А идея живого – в нем самом, неразрывна с ним (монизм Спинозы), и изучать их раздельно бессмысленно. Принцип живого – само оно как целое (ну, и конечно, он психологичен). Если учесть, что созерцание для Гете – не пассивно-отдыхательный процесс, а активная исследовательская деятельность, в которой я наблюдаю, как можно скрупулезнее и специально, удерживаю себя от анализа и быстрых выводов, мы имеем дело с самым современным способом познания в наиболее развитых науках (И. Пригожин пишет, что мы можем лишь отслеживать жизнь диссипативных систем, не трогая ее, не нарушая).

Очень важно это «удерживать себя» – этим достигается объективность позиции, и здесь уже должна вестись речь о коллективном созерцании (но это далеко выходит за рамки нашей темы).

Фактически, у Э. В. Ильенкова мы находим ту же позицию, но как бы о-современенную.

Во-первых, в статьях о воображении и эстетической природе фантазии Э. В. Ильенков четко определяется – результатом созерцания есть конкретное, т.е. – всеобщее, и, в этом смысле, оно (созерцание) аналогично теоретическому обобщению, а теоретическое понятие (не эмпирическое) и ясный наглядный образ – это одно и то же (Ильенков, 2020а, 2020b). И это – верно! (Наверное, гений Л. С. Выготского не зря начинал с анализа искусства!)

Во-вторых, говоря фактически о второй фазе познания – собственно анализе, Э. В. Ильенков весьма строг. Он обращает внимание на то, что «многообразные определения есть... по своему объективному содержанию, также отражением предмета, но только односторонним его отражением» (Ильенков, 2019, с. 30) (отметим, что Л. С. Выготский считал, что определение должно быть не в начале исследования, а завершать его. Именно из-за односторонности). «Поэтому, – пишет Э. В. Ильенков, – «абстракция», «абстрактное» – в противоположность «конкретному» – это прежде всего категория, обозначающая

одностороннее знание. При этом, естественно, безразлично, в какой субъективно-психологической форме это знание осуществляется» (Ильенков, 2019, с. 30); и «...нет ничего ошибочнее различать «абстрактное» и «конкретное» с точки зрения субъективно-психологической формы его выражения» (Ильенков, 2019, с. 30). «Только анализ знания по его содержанию может показать – имеем ли мы дело с «абстрактным» или с «конкретным» знанием. И здесь субъективно-психологический угол зрения на вещи должен быть строго отставлен в сторону» (Ильенков, 2019, с. 30). Здесь стоит задуматься: мы можем получить объективно-всеобщее (конкретное) знание, только отбросив субъективно-психологическую позицию... А мы этого сделать не сможем, потому как – субъекты и наделены психикой. Возникает вопрос, а есть ли вообще объективное знание, особенно в психологии, если кругом одна субъективность? Некоторые авторитеты, идя еще от Гуссерля и Дильтея, всерьез считают, что – «нет». Л. С. Выготский сказал, что – «да». Но мы описали ситуацию, с которой он столкнулся и ее разрешение представляется весьма проблематичным. Но тем не менее... Надо немного вернуться к Спинозе. Его субстанция – конкретна или абстрактна, объективна или субъективна? Никаких «или», – заявляет авторитетный А. Ф. Лосев. В диалектике нет «или», есть – «и». Субстанция одновременно и конкретна (а значит, всеобще-объективна), и абстрактна (значит, односторонне субъективна). Именно это – позиция Л. С. Выготского, который знал и любил (и понимал) Спинозу с юношеских лет. Но как же ее изучать, тем более изучать психическое?! Его «Гамлет» показывает, как мечется мысль молодого Л. С. Выготского. Трагедию эту кто только не изучал и как только не оценивал (от «непонятого взлета гениального Шекспира» – до самой неудачной его пьесы). Последняя оценка принадлежит не кому-нибудь, а Л. Н. Толстому. Объединяет всех критиков признание слабости, слабохарактерности (и даже – «бесхарактерности») главного героя, который нечто задумал (мечь), но так на нее и не решился... Л. С. Выготский понял Гамлета как просто умного человека и любящего сына, в котором соединяются абстрактное (односторонне-образное) и конкретное (всеобще человеческое). Объединяются, благодаря гению Шекспира, особенно остро, до трагичности. Встретившись с этой экспликацией Шекспиром драматизма жизни

человека, Л. С. Выготский мог понять, что изучать внутренний мир людей, раскладывая его на искусственно «назначенные» элементы (отдельности), т.е. – абстрактно, – не имеет никакого смысла. И он, видимо, под влиянием этих двух мощных факторов (трудов Спинозы и Шекспира), приходит к необходимости поиска содержательных единиц анализа. Ведь любая наука обязательно разделяет изучаемую реальность. Важно, что является реальным объектом анализа. Так Л. С. Выготский приходит к идее «единиц анализа» психики.

И снова немного Спинозы. Познаваема ли Субстанция (она же – Природа, она же – Бог), или – непознаваема? (и снова уберем «или», заменив его на «и»). Субстанция и познаваема, и непознаваема. Она познаваема, так сказать, по определению, поскольку имеет одним из атрибутов мышление (т.е., мощный инструмент познания). Кто же познает? Познает человек, как один из модусов субстанции, но модус особый, обладающий двумя атрибутами субстанции – мышлением (душа) и протяженностью (тело). Что такое модус? Это наименьшая содержательная частица всей субстанции («единица»), вмещающая в себя каким-то невероятным образом всю субстанцию, т.е. вообще ВСЁ. Есть, кроме человека, и другие модусы, но лишь человек (во всяком случае, пока известно только это) активен («аффектирован», – говорит Спиноза). Эта аффектированность есть исходный источник познания, развития etc. Что же познает человек? Только субстанцию, жестко говорит Спиноза (Спиноза, 2019). Как вне, – так и внутри себя. Таким образом, приходим к единственно правильному выводу: в лице и с помощью человека субстанция познает саму себя (ибо больше познавать просто некого и нечего). Здесь противоречие: может ли, в таком случае, субстанция быть познана окончательно? Нет, говорит Спиноза, ибо она бесконечна и бесконечно-многообразна, «соткана» из противоречий и находится в вечном развитии, т.е. – изменении. Но, замечает Спиноза, все в мире происходит по законам субстанции (Природы) (Спиноза, 2019). Мы их просто не знаем и до конца не узнаем никогда. Отсюда следует, что и культура (совокупность артефактов), созданием которой мы так гордимся, создана по законам Природы, а не человека. Вот это всё – природно (субстанциально) есть главным, чего мы не хотим, не умеем

актуально понять уже 400 лет. (Все намного усложнится, если добавить, что Спиноза утверждал, что Субстанция имеет не два, а бесконечное количество атрибутов, из которых нам, пока, известны только два). Открывается бездна и исчезают иллюзии... Вот в этом смысле субстанция – непознаваема.

Однако, необходимо оставить уникальность Спинозы и его философии (хотя и жалко). Л. С. Выготский понял Спинозу как никто другой. И, в частности, понял, что человек – «единица» субстанции с особыми «полномочиями», а «единица» есть в любом объекте, и только «выйдя» на неё, мы можем что-то содержательно об этом объекте узнать. Другими словами, познание конкретно-всеобщего должно опираться на методологему о конкретном как содержательной единице объекта познания.

Итак, общий путь понятен – философско-методологическое представление об объекте (абстрактное) – созерцание – анализ – нахождение конкретно-всеобщего – практика – новая методология и т.д. – спираль познания.

Изучение всех доступных работ Л. С. Выготского и его аналитиков и интерпретаторов (снова подчеркнем содержательность, добросовестность и важность работ Е. Ю. Завершневой) позволяет предположить следующее. Задача (сверхзадача) – построение (разворачивание) конкретной психологии человека как модуса («единицы») субстанции. «Конкретной» – означает – «вырастающей» из собственной «единицы» (как конкретно-всеобщего). Всё, что делалось Л. С. Выготским реально, работало на решение этой задачи. И дело не в хронологии. Дело в проблемах, с которыми он сталкивался на этом пути и которые решал (и решил!)

В начале надо было научиться думать и понимать в логике Спинозы. Это трудно. И Л. С. Выготский вводит в группе, как сам он пишет, «монастырский режим», при котором некоторое время все факты и работы других ученых анализируются только в этой логике. В частности, следовало глубоко осознать монизм Спинозы и на деле его реализовать (это, однако, удалось только самому Л. С. Выготскому, и то в самом конце его недолгой жизни). Хотя по сути его работы сами выстроены на этой логике. Ее, кстати, принять очень трудно и сейчас – принять, что душа и тело – это не две разные субстанции, а всего лишь два (из многих) свойства

одной субстанции – современным психологам не удастся. Это потому, что приходится буквально повернуть всю психологию на 180 градусов, т.е. поставить с головы на ноги... Не хочет наша мысль смириться с этим. Ведь это означает, что надо просто выбросить как ирреальную, «вечную» психофизическую проблему, а, скажем, психосоматику считать просто синонимом конкретной психологии человека... В-общем, надо все подвергать серьезнейшей реконструкции. Первая попытка Л. С. Выготского в этом направлении – работа «Психика, сознание, бессознательное» (Выготский, 1982). Исследователи считают главным в этой работе признание Л. С. Выготским бессознательного (и его благодарность Фрейду) и развенчание «психофизической проблемы» как надуманной. Нам кажется, что названное важно, но главное для Л. С. Выготского здесь было другое (то, что не захотели заметить и не хотят до сих пор). Он разводит понятия «психика» и «психология», но не в общеупотребимом смысле (первое – объект изучения, а второе – наука, изучающая этот объект). Л. С. Выготский пишет здесь о «психике» как о чем-то ирреальном, т.е. не существующем, пусть оно называется «душа» или еще как-либо. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский очень жестко ставит этот вопрос – если что-то не может быть изучено, значит его нет... (Выготский, 1982) «Психология» – понятие, объединяющее два атрибута (дух и тело), и реально представляет собой единство идеального (психического) и материального (физиологического). Именно это единство потом будет названо «психологическая жизнь человека» – как предмет конкретной психологии человека. Иными словами, изучаться должно единство «мышления и протяженности» – души и физиологии. Л. С. Выготский не изучает психологию так, но идет к этому через введение понятия межфункциональных психологических систем. Лишь в самых последних работах он вернулся к этой идее и реализовал ее, чему предшествовал длительный период практической работы с аномальными детьми. Увы, это направление получило продолжение только в медико-психологической школе А. Р. Лурии. А между тем – это и есть настоящий ключ к конкретной психологии человека. А.Ф. Лосев жестко сформулировал это: «душа всегда должна иметь тело. Или есть душа, тогда есть и тело; или тела нет, тогда нет и никакой

души» (Лосев, 1991, с. 124) (выделено Лосевым). Мне самому еще трудно «ухватить и удержать» эту совершенно новую (неизведанную) науку, азы которой открыл Л. С. Выготский. Он знал. Он вовсе не зря написал в двух больших работах («Исторический смысл психологического кризиса» (Выготский, 1982), «Диагностика и педологическая клиника трудного детства» (Выготский, 1983)) об особых требованиях (и обязательных!) к профессиональным психологам (неважно, «теоретик» ты или «практик»). Это требование – диалектически мыслить: сначала видеть факт в существующих «в голове» парадигмальных рамках и формально обобщать (абстрактное), затем – созерцать, анализировать и обобщать теоретически, получая в итоге абсолютно новое знание об изначальном факте (конкретно-всеобщее). Честно признаться, в психологии я наблюдаю такое мышление только у Л. С. Выготского, З. Фрейда и (отчасти) В. В. Давыдова. Это, конечно, спинозизм чистой воды, но такими спинозистами были Фихте, Гегель, Маркс, Бергсон и многие другие интереснейшие философы (среди более современных отечественных можно назвать А. Ф. Лосева, Э. В. Ильенкова).

Если вдуматься, речь идет о совершенно непривычном для человека способе мышления. Поэтому начинания Л. С. Выготского не имели и не имеют продолжения.

Поиск этой «клеточки», т.е. конкретного как абстрактно-всеобщего, касался всей психологической реальности человека. Поэтому Л. С. Выготский и захватил все области психологии, оставив везде действительно гениальные идеи. Но он вовсе не метался и не разбрасывался – он шел к цели, «продираясь» через обыденность в психологии (путь Гамлета?).

Важна и терминология. Так, в связи с упоминаемой работой, мы поддерживаем точку зрения Е.Ю. Завершневой о том, что издатели неверно употребляют в работах Л. С. Выготского термины «психическое» и «психологическое». Ведь Л. С. Выготский определился: изучается, а не психическое (дух). Значит – психологические процессы и явления, психологические системы и свойства etc. (Наверное, с этим надо еще работать).

Обратим внимание, также, на то, что Л. С. Выготский настойчиво употребляет словосочетание «психологические функции» – не свойства, не явления, а именно функции. К чему бы это? Нам

представляется, Л. С. Выготский глубоко убежден: выражения «изучать не как вещь, а как процесс», «понять сущность факта (функции) можно, лишь изучив его в развитии» – не общие, расхожие сочетания, а то, на чем реально и жестко должна строиться конкретная психология человека. Тем самым, спиновское понимание вечного развития становления становится даже не принципом – самой тканью предмета исследования. И это не только фило- и онтогенез, развитие идет всегда и так появляется представление о бесконечном и сиюсекундном развитии (последние работы о системах). Сейчас это называют актуалгенезом, но не знают и не учитывают это, самую суть, ни в научных исследованиях, ни в практике.

...Да, Л. С. Выготский не успел написать второй том о Спинозе. Но он успел ответить на ключевой вопрос любой науки – «как?» Спиноза был непростым философом (Э. В. Ильенков писал, что Спиноза и философия – эти слова уже стали синонимами). Спиноза думал и излагал, оставляя обширное поле деятельности специальным наукам. Чуть ли не мистическое было в том, что он излагал верные мысли, но решать вопрос, как это происходит, он не собирался (да и прожил он очень мало, и в этом – трагическое сходство его с Л.С. Выготским). Что получилось?

Спиноза говорит о вечном движении, изменении, развитии Субстанции (Природы, Бога), – Л. С. Выготский делает развитие не принципом (как считают методологи), а самой тканью, объектом исследования.

Спиноза говорит о единой (а не двух, как Декарт) субстанции, Л. С. Выготский превращает монизм в краеугольный принцип науки о психологическом.

Спиноза говорит (очень хитро и путано) о детерминизме (вернее, его отсутствии) Он пишет так – любой модус субстанции испытывает воздействия других модусов, которые, в свою очередь, испытывают воздействие «третьих» и так до бесконечности. Итог – субстанция детерминирует саму себя, и уже ничто другое ее не детерминирует (его просто нет). Л. С. Выготский находит и превращает в принцип науки то, что психологическое детерминирует само себя (психологическая детерминация, аутостимуляция, индетерминизм, он же – свобода). Л. С. Выготский так и пишет, что главная проблема всей психологии – свобода. И

показывает на эмпирическом материале, что представляет собой свободное действие. Так возникает второй общеметодологический принцип психологии как науки – принцип индетерминизма или свободы. Спиноза действительно абсолютизировал свободу, заявляя, что модус «человек» имеет два полярных вида состояния: раб и свободный.

...Мы должны оговориться. Конечно, у Л. С. Выготского нет специальных работ, посвященных разработке принципов психологии. То, что у нас получается – результат нашего анализа. Оно даже не может, а должно стать предметом дискуссии, и мы сознательно на это идем...

Л. С. Выготский, на пути от абстрактного к конкретному, реализует еще одно содержательное высказывание Спинозы. Речь – о взаимопереходе проблемы в постулат и обратно. Л. С. Выготский абсолютно верно замечает, что психологи склонны превращать проблему в постулат, и это закрывает путь и лишает смысла многие исследования (такое же положение и в современной психологии; например, проблема сознания превращена в постулат и исследованием сознания просто не занимаются).

Итак, Л. С. Выготский работает в направлении все большей конкретизации всеобщего. И закономерно возникает проблема систем (первая работа об этом – в 1930 г., «О психологических системах» (Выготский, 1982)). Почему именно она возникает, видно из записных книжек Л. С. Выготского (Записные книжки..., 2017). Он понимает, что два атрибута упорно продолжают восприниматься как две субстанции, два начала, и это обрекает психологию или на вульгарный биологизм, или на вульгарный же теологизм... Для него это недопустимо. Следует диалектическое разрешение антиномии. Есть третье, заявляет Л. С. Выготский, это третье – системы. Конечно, системы Л. С. Выготского – это вовсе не так называемый системный подход в советской психологии. Это нечто совершенно уникальное, и очень сложное (это понял, кажется, только А. Р. Лурия).

Нам представляется, работа 1930 г. «О психологических системах» (Выготский, 1982) есть краеугольный камень, интегрированное начало завершения глобального поиска Л. С. Выготского. Мы склонны считать ее фундаментальной (и этим – отличной от других содержательных работ, которые – только

«ступеньки»). Идея остается – поиск единства природы психологического. Это единство видится в сложнейшей взаимосвязи биологического и психического атрибутов и связей внутри самого психологического. Глобальность задачи действительно захватывает. Появляется третий, завершающий элемент проблемы систем и психологии в целом – взаимодействие с социальным окружением (культурно-историческим).

Л. С. Выготский здесь-то и пишет, что психологи давно знают о том, что отдельные психологические функции взаимодействуют между собой, с биологическими функциями и с культурой, но эти знания просто постулируются и не исследуются должным образом, а в них-то (связях) – всё дело (видны проблески будущих проблем единства аффекта и интеллекта, но до этого еще много будет сделано). К этому времени проблема взаимосвязи психики и культуры как аспект глобальной проблемы была уже решена (но лишь как аспект, полностью она не решена и сейчас).

Л. С. Выготский говорит: «...то, что я собираюсь сообщить, превосходит по сложности систему понятий, с которыми мы оперировали до сих пор... мы чрезвычайно упрощаем проблему исключительной сложности. Я хотел бы напомнить, что это движение ко все более и более сложному пониманию изучаемых нами проблем не случайно, а заключено в определенном пункте нашего исследования» (Выготский, 1982, с. 109). Нам кажется, мы адекватно поняли этот пункт (исходное конкретно-всеобщее), и Л. С. Выготский этой фразой сказал (молча) о том, что он уже знает, куда и как надо идти. Необходимым этапом продвижения является изучение межфункциональных психологических систем (МПС).

Мы не будем здесь тщательно анализировать учение Л. С. Выготского о межфункциональных психологических системах; тем более, что это в науке еще вообще не анализировалось. Отметим лишь главное (с нашей точки зрения) в движении описанной логики. Межфункциональными психологическими системами Л. С. Выготский называет «те сложные связи, которые возникают между отдельными функциями в процессе развития и которые распадаются или претерпевают патологические изменения в процессе распада» (Выготский, 1982, с. 110). Речь идет о постоянном движении, настолько постоянном, что даже понятие

Л. С. Выготский рассматривает как межфункциональную психологическую систему (в записных книжках он говорит о понятии как о мелодии). Л. С. Выготский здесь говорит и об онтогенезе и об индивидуальных различиях, признаваясь, что это – основанная мысль, «которую я несколько лет вынашивал, но не решался до конца высказать» (Выготский, 1982, с. 131). Выходит – мы правы, он строил эту психологию...

И, наконец: «Мне кажется, что системы и их судьба – в этих двух словах для нас должны заключаться альфа и омега нашей ближайшей работы» (Выготский, 1982, с. 131).

Итак, решимся сказать, что мы правильно поняли позицию Л. С. Выготского. Ему системы нужны были не сами по себе. Ему были важны две вещи: доказать что высшая психология устроена именно так, и сделать шаг к обнаружению все-таки исходной конкретно-всеобщей единицы. И он это сделал.

Вообще, если сравнить анализируемую работу с работами 1934 года (4 года!) – поражает и восхищает (ошеломляет) работоспособность и гениальность мышления Л.С. Выготского.

В итоге оказывается, что межфункциональные психологические системы включают в себя не только составляющие высших психических функций, но и натуральные функции, биологические и культурные, т.е. – все, что входит в понятие «психологическая жизнь человека». Систем много, но они объединены между собой, и с появлением мышления в понятиях образуют смысловую динамическую систему (СДС).

Системы постоянно в динамике, устанавливаются и разрушаются связи, изменяется само содержание этих связей, в каждом возрасте, в каждом событии в системах возникает адекватное центральное звено. Все это (поразительно) доказано с помощью эмпирического материала. Но в наше время главным является другое. Системы (по Л. С. Выготскому) саморазвиваются «сами» (иногда вопреки воле человека), выбирают направление движения, само-организуются, проходя этапы относительно спокойные и кризисные, и, главное, они самодетерминируются. Вот это все, с одной стороны, подтверждает полностью учение Спинозы о субстанции, а с другой, приближает смысловые динамические системы к диссипативным системам синергетики и современной физики. При жизни Л. С. Выготского о таком устройстве мира еще никто не

знал. И вот именно здесь он опередил время и реально превратил конкретную психологию в естественную науку. Естественную не в смысле – биологическую, а в смысле того, что психологическая жизнь была объяснена из себя самой и не нуждалась больше ни в каких оккультных объяснениях. Более того, Л. С. Выготский создал учение о локализации смысловых динамических систем в мозге (биология), теперь уже навсегда похоронив «психофизический параллелизм». Очень жалко, что ученики и «последователи» прошли мимо систем, психология сейчас могла быть совсем другой. Но есть еще время: «Кость еще не брошена», – сказал И. Пригожин.

Таким образом, определился еще один фундаментальный принцип психологии – принцип системности. Но это было еще не все: для нахождения искомого конкретного необходимо было разобраться в содержании связи аффекта и интеллекта. Л. С. Выготский, вопреки расхожему мнению, это сделал.

Но здесь опять следует начинать со Спинозы. Среди многочисленных последователей и интерпретаторов философии Спинозы лишь единицы решались объяснить учение его об аффектах, хотя сам он придавал этому решающее значение. Вообще, Спиноза, пожалуй, единственный из крупных философов, затронул тему аффекта, пытаясь объяснить суть существования человека. Остальные ограничивались «экскурсами» в мышление и сознание, предпочитая не трогать «тонкую материю». Так эмоция и стала «Золушкой» психологии.

Спиноза это сделал.

Вначале – о терминологии. Слово «аффект» во времена Л. С. Выготского (как, впрочем, и Спинозы) обозначало единство мотивационной и эмоциональной составляющих психологической жизни человека, а не отдельное эмоциональное состояние, как теперь. И это было, на наш взгляд, весьма продуктивно, т.к. сфера действительно одна, а единого термина так и нет. Мы здесь будем придерживаться традиции Спинозы и Л. С. Выготского.

Почему об этом возникает вопрос? Потому, что Л. С. Выготскому явно не хватало звена в психологии человека, которое завершило бы всеобщую искомую конкретность. Это – звено, оживляющее человеческое существо: оно – движущая сила,

чувствительность и самоосознание «в одном лице». Это-то недостающее звено и есть аффект.

Спиноза постулирует исходное наличие у человека состояния «аффектированности», имея в виду единство источника активности и чувствительности (Спиноза, 2019). Мы тут не претендуем на исчерпывающий анализ, но, кажется, именно этого понимания не доставало аналитикам. Итак, аффектированность – состояние аффекта, порождающее активность, в которой он разрешается. Но, конечно, поскольку аффектированы все модусы субстанции (в данном случае, люди), одновременно идет процесс роста аффектированности, вызванного активностью других людей. Итак, аффект – вечен (для человеческой жизни). Отсюда двойная динамическая сущность человека – потенция и претерпевание. Обе они порождают действие. По Спинозе, действие – это образ вещи, с которой сопряжен образ действия. Здесь, конечно, сразу возникает масса именно психологических проблем, но мы их оставляем, как не входящие в нашу цель. Нас интересует аффект как сущность существования модуса «человек» (не забудем, что аффект – подлинное единство мотива (потребности) и эмоции).

Спиноза отбрасывает понятия «сознание», «добро и зло». Первое он справедливо считает иллюзией и предпочитает ему мышление. Добро и зло он опять-таки справедливо считает пустыми и ложными абстракциями, навязанными церковью. Спиноза предпочитает им конкретно-человеческое «плохое» и «хорошее». Все аффекты он разделяет на плохие и хорошие. Первые порождают страсти (страдание, уныние, страхи etc), вторые – чувства (радость, восхищение, активность).

Индивид, – считает Спиноза, – это, прежде всего сингулярная сущность, т.е. – степень могущества.

Такой сущности соответствует характерная связность (структура личности, – сказали бы мы сейчас).

А такой степени могущества – определенная особенность быть аффектированным (мотивированным). Эта особенность описывается как готовность.

Спиноза описывает два типа аффектов: первый порождает действия, которые объясняются самой природой аффектированного индивида и проистекают из его сущности; второй порождает страдания, которые порождаются извне. Это

очень важно! Встреча двух индивидов (двух разных связностей), связности которых максимально подходят друг другу – есть сотрудничество, дружба, любовь. И это способствует продуцированию изнутри позитивной аффектации и новых действий. Если же связности слишком разные, возникают (извне!) конфликты и страдания. В этом – гуманизм Спинозы – всё плохое (страсти и даже смерть) приходит извне. Человек же сам внутри аффектирован добром. Здесь очень важна встреча. Отметим, что очень близко подошел к этому К. Роджерс (Роджерс, 1994).

И наконец, Спиноза ставит вопросы и дает на них ответы:

– Как добраться до радостных проявлений страстей и свободных чувств, если Природа (в его понимании) дает нам скорее негатив?

– Как мы умудряемся сформировать адекватные идеи, из которых и появляются активные чувства?

– Как стать сознающим себя, Бога (Природу), смиряясь с наличием необходимости?

Ответ Спинозы однозначен – с помощью мышления (осмысления). Страсти побеждаются и преобразуются интеллектом и становятся хорошими и разумными.

Эту связку увидел и подхватил Л. С. Выготский. Он уже в первой работе об искусстве (а также в реферате о Гамлете) пишет об «умных эмоциях». Видит он и обратную связь – «как идея становится страстью» (Записные книжки..., 2017).

В учении Спинозы заложена идея укорененного драматизма человеческой жизни, и Л.С. Выготский почти в каждой работе об этом вспоминает («драма развития» etc). Драма (трагедия) была и в самом начале («Гамлет»).

Это был завершающий шаг в открытии конкретного всеобщего в психологической жизни человека. В последней напечатанной работе об умственной отсталости Л. С. Выготский, полемизируя с К. Левиным и не замечая еще этого, делает важнейшее открытие – содержания отношения аффекта и интеллекта. Это отношение охватывает всю личность, оно постоянно изменяется по содержанию и оно-то и есть главный ключ к пониманию человека. Он показывает, как это работает. «Это» было совсем новым (динамическая, вечно движущаяся и независимая единица) и требовало названия. Л. С. Выготский в последней своей учебной лекции

назвал эту «единицу» – переживанием. Здесь же, на полутора страницах он раскрыл основные его особенности: оно находится на «границе» внутреннего и внешнего мира человека, оно предметно, соединяет в себе сознание и бессознательное, одновременно постоянное (у нас в любой момент есть какое-то переживание) и дискретное (переживания – разные). Переживание есть миг, в котором напряженно-драматически соединяется всё содержание психологической жизни человека и освещается смыслом...

Таким образом, антиномия «аффект – интеллект» разрешается в смысле. Последний мы понимаем как единство всех явлений сознания и бессознательного, актуализирующихся в данном событии.

Таким образом, смысл (единство аффекта и интеллекта) и есть то всеобщее конкретное, которое диалектически открыл Л. С. Выготский как суть психологической жизни. Смысл, в таком его понимании, можно считать завершающим принципом психологии как науки.

...Гамлет ищет смысл происходящего. Он аффектирован, но хорошее и плохое (терминология Спинозы) сплелись в один противоречиво-трагичный ком... Смысла нет. Он настолько напряжен, аффектирован и сосредоточен на решении внутренних противоречий, что столкновение его связности (Спиноза) с другими связностями приводит к их гибели. Количество смертей растет, виноват ли он в этом? Гамлет переживает. Он христианин и не должен верить в привидения, но языческие корни еще остались и заставляют верить. В итоге, он не знает – верить или не верить Тени... Он любит и ненавидит мать одновременно. Он, как все, боится убийства и жаждет мести. Он ищет и не находит... Переживание извне (!) прерывает смерть...

Последние слова Л.С. Выготского перед кончиной – «Я готов»... Мы не можем судить о том, что он сказал. Но как ученый он сказал, что понял, и успел это донести до нас...

Дальнейшее – молчание. Увы...

Литература

Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – С. 56–79.

Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

Выготский Л. С. Трагедия о Гамлете, принце Датском, В. Шекспира // Полное собрание сочинений: в 16 т. Т.1. – М.: Левь, 2015. – С. 77-306.

Гете И. Собрание сочинений. – М., 1997. – 337 с.

Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Е. Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. – М.: Канон, 2017.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении // Собрание сочинений. Т. 1. – М.: КАНОН+, 2019. – С. 23–353.

Ильенков Э. В. О воображении // Собрание сочинений. Т. 3. – М.: КАНОН+, 2020а. – С. 185-206.

Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Собрание сочинений. Т. 3. – М.: КАНОН+, 2020б. – С. 84-135.

Л. С. Выготский: начало пути: Воспоминания С. Ф. Добкина о Льве Выготском [Публикация, редакция, предисловие и комментарии И.М.Фейгенберга]; Ранние статьи Л. С. Выготского. – Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996. – 108 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21-186.

Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / [Пер. с англ.]; Общ. ред. и предисл. Исениной Е. И. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.

Свасьян К. А. Иоганн Вольфганг Гете. – М.: Мысль, 1989. – 186 с.

Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 336 с.

Фрейд З. Толкование сновидений: Сб. произведений / Пер. с нем. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 608 с.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / А. М. Боковиков (пер.). – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 331 с.

ОЧЕРК II. ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА?

«Мне кажется, что системы и их судьба – в этих двух словах для нас должны заключаться альфа и омега нашей ближайшей работы».

Л. С. Выготский

Слова Л. С. Выготского, приведенные в эпиграфе, были озвучены еще в 1930 году (страшно подумать как давно). Они были по-настоящему услышаны лишь А. Р. Лурией, который всю оставшуюся жизнь в науке посвятил их реализации и был весьма успешен – созданная им уникальная наука нейропсихология очень многое открыла и очень многих людей спасла... Но Л. С. Выготский говорил вовсе не о мозге, он говорил о дальнейшем движении психологии, и только он один реализовал что мог за оставшиеся три с половиной года жизни. Между тем, психология после двух титанов – Л. С. Выготского и Фрейда, как наука, осталась стоять на месте, и стоит и падает до сих пор.

Мы говорим о психологии как науке. И З. Фрейд видел и изучал психическое как систему, и Л. С. Выготский в последние годы делал то же самое (только, как бы, с другого конца), но предвидение и предсказание Гения осталось втуне.

Вообще, наша статья не посвящена историческому анализу (тем более, что мы уже писали об этом [8]). Кто хочет понять, что происходит в современной психологии, просто должен внимательно прочесть работу Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [2]. Написанная в 1926 году, она не только предельно точно отражает тогдашнее положение дел, но и... она – про нас, про психологию сейчас. Только сейчас еще хуже... Мы не будем здесь и анализировать творчество Л. С. Выготского, хотя это необходимо абсолютно, особенно после выхода прекрасной книги под редакцией Е. А. Завершневой и Р. ван дер Веера [6]. Мы будем исходить из той, увы, фантастической мысли, что каждый кто называет и считает себя психологом – это творчество знает (другие нас интересуют мало, и если захотят – вполне могут прочитать). Мы, как нам кажется, стоим на позиции

теории Л. С. Выготского (трудно сказать, что поняли его до конца), и попробуем сделать маленький шаг от того места, где он поставил точку.

И все же, хоть мы намерены изучать объект, а не мнение о нем, мы не умаляем значение тех, кто сотни лет пытался объяснить психическое. Мы глубоко уважаем и ценим их труд и полностью разделяем позицию Л. С. Выготского: «Мы не хотим быть Иванами не помнящими родства, мы не страдаем манией величия, думая что история начинается с нас; мы не хотим получить от истории чистенькое и плоское имя... Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него» [2, с. 428]. Л. С. Выготский дал шанс психологии превратиться из невероятного хаоса мнений и теорий в настоящую науку. Увы, мы этим шансом не воспользовались. Сейчас, не смотря на увеличивающийся хаос и небывалое самомнение «психологов от житейскости», психология опять имеет шанс: к тем двум ресурсам, о которых говорил Л.С. Выготский и которые, надеялся он, вытянут психологию из болота невежества, добавляется еще один мощный ресурс. Ресурсы Л.С. Выготского («камни, которые стали во главу угла») – практика и философия. Новый ресурс – достижения современных точных наук, в частности физики неравновесных систем, и совершенно уникальная стыковка их с диалектикой. Мы попробуем рассмотреть это, но, к сожалению, придется начать *ab ovo*, так как тысячу раз прав Л.С. Выготский – психология такова, что каждый раз необходимо заявлять о своих ключевых позициях (развитые науки уже давно миновали этот период инфантильности)

Главное и ключевое: мы рассматриваем психологию как науку (Л.С. Выготский: «или психология наука, или вообще нет никакой психологии»). Наука, как известно, не единственный способ познания, она ограничена бесконечностью самого процесса научного знания, и, кроме того ограничена рамками, за которыми она бессильна. Но наука – самый эффективный из способов познания. Наука изучает объекты (а не субъективные переживания, отраженные кем-то в чем-то). Тем самым, основной проблемой научной психологии является отказ от «изучения» субъективных переживаний (это преодоление «постулата непосредственности (субъективности) было главным для Л.С. Выготского, а сейчас это

только обострилось). Послушаем Л.С. Выготского (он называет субъективное – «призраком»): «Невозможна никакая наука только о субъективном, о кажимости, о призраках, о том чего нет. Чего нет – того нет вовсе, а не полунет-полуесть. Нельзя сказать – в мире существуют реальные и нереальные вещи – нереальное не существует. Нереальное должно быть объяснено как несовпадение, вообще отношение двух реальных вещей; субъективное – как следствие двух объективных процессов. Субъективное есть кажущееся, а потому его – нет» [выделено Л. С. Выготским, 2, с. 415]. Казалось бы, все ясно, но ведь мы изучаем сейчас именно субъективное, т.е. – призрак! Возникает вопрос – а кто же должен (и может ли?) изучать субъективное? Этот вопрос стоял и перед Выготским, мы далее попробуем наметить путь к ответу. И еще одна чрезвычайно важная мысль Л. С. Выготского, которая свидетельствует о его абсолютном неприятии «теории отражения» (хотя советская психология пыталась сделать его чуть ли не основателем этой «теории» в психологии). «Никакая наука о зеркальных призраках (отражении) невозможна... Загадка психологии решится не путем изучения призраков, а путем изучения двух рядов объективных процессов, из взаимодействия которых возникают призраки как кажущиеся отражения одного в другом. Само по себе кажущееся не существует». [2, с. 416]. Позиция очень ясная. Обратим внимание, что Л.С. Выготский говорит здесь о двух объективных явлениях. Он нигде не объясняет этой мысли, а она, на наш взгляд, очень важна. Вернемся к ней чуть позже.

Итак, психология – наука, если объективно изучает объективное, имеет свой особый научный аппарат, делает теоретические обобщения на основе эмпирических фактов, а не их субъективного переживания и т.д. Но какая это наука? На это можно ответить, зная объект познания. Прежде, однако, еще об одном «призраке», с которым столь же яростно, как и с первым сражался Л.С. Выготский. Это – как бы обратный (отраженный) первый призрак: это бихевиоризм (он же российская рефлексология, он же наука о поведении). Здесь все, действительно, как в «зазеркалье»: нет ничего спиритического, магического, есть четкий эксперимент, точнее объективные данные – в общем все как в любой уважающей себя науке. Что не устраивает? Одна маленькая заглазочка:

изучается ответ на стимул и он регистрируется, а не анализируется (анализировать нельзя по определению, ведь там, глубже, – душа, а это в объект никак не входит). Эксперимент, которым так гордится до сих пор психология, остался лишь на уровне технического приема и ничего принципиально нового в психологию, увы, не принес. Это признал даже сам автор – Вундт. Получается замкнутый круг, который сейчас стал еще «круглее». Но Л.С. Выготский настаивает: психология – наука, причем исключительно естественная наука. Мы тут просто поверим ему (тем более, что он очень доказателен в своих работах). Одно только замечание Л. С. Выготского: естественная – не значит биологическая, понятия «естественная» берется в его ближайшем, фактическом значении: «... от математики и реально-математических наук надо строго отличать науки, имеющие дело с вещами, реальными предметами и процессами, с тем, что действительно существует, есть. Эти науки можно поэтому назвать реальными или естественными (в широком смысле этого слова) [2, с. 417]. «Я убежден, – заключает Л. С. Выготский, – что распространение термина «естественный» на все, что реально существует, вполне рационально» [там же]. Итак, поскольку психика реально существует, есть, ее должна изучать естественная наука. Но что она должна изучать? Л.С. Выготский отвечает уже в гораздо более поздних работах: «Психология – наука о психической жизни человека» [5]. Значит психическая жизнь человека – объект познания психологии (Боже, сколько копий сломалось на этом, чего только не предлагалось...) Л. С. Выготский различает «объект познания» (гносеологическая категория) и «предмет исследования» – те конкретные явления и процессы, которые изучаются в каждом конкретном исследовании и есть (часто, благодаря различным техническим приемам) вполне ощутимыми, видимыми и т.д. Между этими двумя категориями весьма сложные отношения, но, главное – исследование результативно, когда предмет и методы адекватны исходным теоретико-методологическим убеждениям исследователя, что и образует, соответственно, объект познания (это в нашей психологии не соблюдается, в принципе).

Что же такое «психологическая жизнь человека»? Л.С. Выготский объясняет частично: «Жизнь не в биологическом смысле, а в смысле биографии – жизнеописания – ведь не дыхание и

кровообращение составляет предмет биографии, жития, драмы, романа; а события человеческой жизни, т.е проблема конкретной психологии выдвигается на первый план [6, с. 477]. Чтобы окончательно определиться с объектом, присмотримся к слову «конкретный». Речь тут идет об очень важном. Уместна вполне аналогия с мыслями В.И. Вернадского. Его идея – жизнь не может изучаться конкретной наукой биологией. Жизнь это категория для философии, религии etc. Биология как конкретная наука изучает не жизнь как таковую, а отдельные живые организмы и их взаимодействие. Точно так в психологии – психика – категория философов и теологов. Конкретная наука не может изучать психику как таковую. Она изучает психологическую сторону живых организмов, обладающих этой психикой. Нам кажется это принципиальным. И еще, психологическая жизнь человека, при всех «родственных связях» настолько отличается от психологической жизни других живых существ Земли, что есть смысл говорить о психологии человека как отдельной науки. И именно из этого мы здесь исходим. Конкретность достигается тем, что анализу логическому мы намерены противопоставить анализ психологический. «Наука, – писал В. И. Вернадский, отнюдь не является логическим построением, ищущим истину аппаратом. Познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью» [1, с. 54]. И, наконец, мы не намерены создавать концепцию, это и невозможно в науке. «Научное построение, как правило, не есть логически стройная, во всех основах сознательно определяемая разумом система знаний. Она полна непрерывных изменений, исправлений и противоречий, подвижна чрезвычайно, как жизнь, сложна в своем содержании: она есть динамическое неустойчивое равновесие... Система науки, взятая в целом, всегда с логически-критической точки зрения несовершенна» [1, с. 53]. Логически стройными могут быть лишь метафизические и теологические построения. В этой мысли В. И. Вернадского для нас главным есть следующее: результатом любого добросовестного исследования в любой науке является некая «идеальная модель» – обобщение, распространяемое на все объекты данной области, но вовсе не учитывающие массу индивидуальных нюансов (то, что в психологии называют «индивидуальными вариантами развития»). Так, что, если наш объект – психологическая жизнь взрослого человека, это вовсе не

означает, что мы намерены получить абсолютно полную нюансированную картину конкретного испытуемого.

Важно отметить и еще одно – мы заявили о наличии для психологии мощного ресурса в виде достижений современной физики и синергетики. Конечно, психология – наука и объединена (обязана быть объединена!) едиными принципами с другими науками. Но это не значит, что данные принципы могут использоваться напрямую, без предварительной психолого-методологической «переплавки». Здесь очень важна осторожность и компетентность.

Современную физику объединяет с теорией Л. С. Выготского, понимание динамических систем. Поскольку мы заявили, что наши исходные – это основные положения Л.С. Выготского, остановимся на этом понятии. Изучая онтогенез психики человека с помощью специально разработанного им метода (исключающего как стимул-реактивные условия, так и любой спиритизм), Л. С. Выготский совершил открытие высших психических функций, и всесторонне описал их построение и динамику. Не будем здесь об этом – т.к. это – азбука науки. Сразу же он понял, что открыл не просто отдельные явления собственно человеческой психики, а целую систему функций, охватывающую и делающую невероятно продуктивной и гибкой всю психику человека. Эта система давала начало сознанию, но одновременно включала в себя и бессознательное, и вообще все элементарные («низшие») психические процессы и явления. Здесь необычайно важно акцентировать – все перечисленное было открыто (и затем обобщено) в процессе экспериментальной, собственно, эмпирической работы ученых (вот та точка, которая объединяет Л.С. Выготского и З. Фрейда!). Чрезвычайно важно отметить и еще одно принципиальное сходство позиций Л.С. Выготского и З. Фрейда: имея очень разное мышление и убеждения, они, между тем были настоящими диалектиками от Спинозы: настоящими, т.е. мыслили и, получая данные, трактовали их сугубо диалектически, никогда и ни в чем не изменяя диалектике в самом своем мышлении, хотя были очень эрудированны и знали много других систем. И неспроста Л.С. Выготский написал в дневнике в конце жизни: «Мы с Фрейдом шли из разных концов: он старался показать как из бессознательного рождается сознание, мы – наоборот, как возникает сознание человека в культуре и как оно может становиться бессознательным. Сейчас мы пришли к

одной точке из разных направлений» [6]. Только эти два ученые в психологии были очень компетентны и строги в области методологии. Поэтому только они сделали реальные открытия (а не родили интересные сентенции), и только они дали в конце путь в будущее своим теориям и открытиям... Была соблюдена ключевая для науки вещь: нельзя прямо от философии переходить к конкретной науке. «Нужна методология, т.е. система посредствующих, конкретных, применимых к масштабу данной науки понятий» [2, с. 419]. Добавим – она нужна не только в начале пути, а на протяжении всего пути – именно это даст научные факты, новые видение проблем и новые методы и идеи. При анализе важно не то, как и о чем написал ученый (это может быть данью стилю его времени, моде, идеологии, личным отношениям etc), а то, как он реально мыслит и во что в действительности (в какую проблему) упиралось это мышление. Мысль Фрейда и Л. С. Выготского уперлась в одну проблему – как возникает сознательная психика (психика человека?). Здесь только о Выготском... Осознав всеобщий, «всеохватывающий» характер высших психических функций (ВПФ), он провел ряд блестящих исследований и анализов, и установил, что ВПФ, на самом деле, являются чрезвычайно сложными, очень подвижными и изменяющимися системами, Л. С. Выготский назвал их – межфункциональные психические системы (МПС). Системы включают в себя практически все психические функции. Нам важно следующее:

1. МПС динамичны и связаны многообразными нелинейными (т.е. – не поддающимися анализу в рамках математической логики) связями; МПС гетерогенны и в своей совокупности образуют то, что принято называть сознанием. При этом, гетерогенность также означает, что в составе МПС содержатся и натуральные (врожденные, натуральные) психические функции (так называемые – «низшие»). Л.С. Выготский тщательно исследовал связь ВПФ с НПФ в системах и показал, что она сложна и многообразна, но не иерархична (ВПФ не надстраиваются над НПФ и не управляют ими); они – сопряжены. Это открытие было прозрением гения – в его время ни физики, ни синергетики, ни другие учения еще вплотную не занимались неравновесными системами, а лишь в середине XX века было строго математически показано, что

«сложное» и «простое» в диссипативных системах образует не иерархию, но именно сопряженность

2. Главное: вводя в психологию человека понятие МПС, Л. С. Выготский фактически ввел в науку категорию времени. Ни до, ни после него, время как реальное образование («часть предмета исследования») психики не рассматривалась. Оно всегда как бы предполагалось, имелось в виду, и не более. В МПС Л. С. Выготского время оказалось вплетенным в динамику психической жизни. Его присутствие, действие меняет состав и работу МПС как в онтогенезе, так и в актуалгенезе. Было, в частности, показано, что на разных этапах онтогенеза роль центральной, системообразующей функции, которая образует различные МПС играют разные психические функции: в раннем детстве такой функцией является ощущение, чуть позже – восприятие, мышление etc. Это и определяет специфику поведения в онтогенезе. И, однако, наиболее интересные превращения времени происходят именно в актуал-(микро)генезе. Это мы рассмотрим позже. Здесь отметим, что введение параметра времени в психологическое исследование как реальной переменной (а не некой условной константы, как это делалось всегда и делается сейчас) позволило Выготскому совсем по-иному увидеть и представить нам психологическую жизнь, хоть он сам этого не отрефлексировал, да и не мог в те годы... Нам важно пока отметить, что временное измерение позволяет говорить если не о тождестве, то об эквивалентности психики как системы МПС с известными сейчас диссипативными самоорганизующимися системами.

3. Подтверждается еще один теоретический тезис Л.С. Выготского об автостимуляции (в его терминологии), или по-нашему, психической детерминации, о чем он много писал, особенно в «Проблемах возраста» [5]. Л. С. Выготский настаивает весьма жестко на идее само-развития, т.е. процесса, не детерминированного снаружи (как из социума, так и со стороны биологии). Что же движет этим «неуправляемым» процессом? Сейчас мы можем констатировать правоту Л. С. Выготского, рассматривая систему МПС как «сильно неуравновешенную» систему (И. Пригожин). Возникает идея аттрактора как конечной точки развития, к которой стремится система. Но аттрактор отнюдь не детерминирует, а лишь способствует, обуславливает развитие

(чуть ниже мы попробуем это объяснить на языке, понятном психологии)

4. Для Л. С. Выготского было совершенно очевидным, (об этом свидетельствуют многочисленные дневниковые записи) что открытие системы МПС принципиально изменяет взгляд на психическую жизнь человека, а, следовательно, и на представление о содержании и структуре научной психологии. Во-первых (в противовес гештальт теории), психика – не структура (или много структур), а функциональная динамическая система, т.е. – весьма сложный процесс («понять психическое как процесс», – ключевая много раз повторенная формула Л. С. Выготского) Означает ли это, однако, что в психической жизни нет ничего стабильного? Конечно, нет. И та же диалектика учит, что если есть что-то текучее (процесс), значит должно быть и нечто стабильное. Мы считаем, что структура – это остановленный (замерший) в пространстве и времени процесс, одновременно упорядоченный и хаотический. Это образование существует некоторое время (часто довольно долгое), но при этом все же движется, оставаясь частью общего движения систем. В конечном счете, оно так же переходит в процесс. Описанное очень хорошо (как, надеемся, понятно специалистам) объясняет весьма многое в поведении и во внутреннем мире человека. Более того, в свое время мы утвердили тезис, что структурирование есть важнейшая функция развивающейся личности и настаиваем на этом. Во-вторых, теория систем Л. С. Выготского требует построения науки, которая будет адекватно отображать психическую жизнь человека в системе не логического, а психологического анализа. Это очень просто: в жизни человека мы никогда не наблюдаем и. в процессе интерпретации, не получаем данных о чистом, отдельном явлении: чистом ощущении, восприятии, мышлении etc. Мы их хирургически отсекаем от живого и изучаем, а самое главное – их реальная жизнь при этом пропадает. Деление оказывается чисто логическим, мертвым и ничего действительно психически живого мы не получаем (такое деление, возможно, подошло бы для учебника школьников, но не студентов). Л. С. Выготский четко, буквально на каждой странице, доказательно показывает – работает вся система, «все можно заменить» [6, с.168]. Это, опять же реализовал А. Р. Лурия. Смешными и наивными кажутся попытки

современной науки преодолеть этот выдуманный житейский атомизм, вводя как предмет такие вещи как: «эмоциональное мышление», «осмысленное восприятие», «когнитивно-поведенческий подход» и т.п. Интересно, кто-нибудь наблюдал в норме не-эмоционального мышления, не-осмысленного восприятия, поведения без когнитивных процессов или наоборот? Психология проигнорировала открытие Л. С. Выготского и теперь пытается что-то придумать, иногда, совсем невразумительное... это уместно, и то лишь отчасти, в патологии.

5. Л. С. Выготский часто повторяет, что взаимоотношения между отдельными функциями в психологии известно уже очень давно. Новым является представление о единстве психической жизни как мета-системы, состоящей из отдельных МПС и, главное: отношения между функциями в системах есть и они – неконстантны, а постоянно изменяющиеся: этого психология не знала, не учитывала и, увы не учитывает и сейчас. В этой связи Л. С. Выготский подходит и к решению двух кардинальных проблем: о роли и месте эмоций в мета-системе МПС и о развитии МПС (а, значит, психической жизни человека). Тоже, вроде бы, известные вещи, но в науке они как-то не приживаются. Эмоции (эта «золушка психологии») по природе своей (даже нейропсихологически) есть неотъемлемая составляющая МПС – они активируют их возникновение, поддерживают динамику и, в конечном итоге, завершают МПС собою. Л. С. Выготский говорит, в частности о том, что даже на уровне нейропсихологии эмоции связаны с наиболее древними, низкоорганизованными отделами мозга и, в тоже время – с наиболее молодыми, высшими его участками [5]. Решающей является их роль в развитии МПС. Мы не будем излагать и комментировать известную каждому студенту (по крайней мере, так должно быть) теорию Л. С. Выготского о развитии высшей психики. Отметим лишь важное в контексте данной работы. Активное выявление жизненного естества ребенка, встреча этого выявления с близкими людьми, радость от этого и возвращение его естества опять к ребенку уже в преобразованном, знаково-оформленном виде (т.е. – в человеческом виде) – так это можно описать в одной фразе. Здесь важно отметить, что психика ребенка уже изначально (до этого первого выявления), безусловно, представляла собой упорядоченно-хаотическую систему. И, безусловно, были и есть

аттракторы к которым двигалась эта система. Но... это лишь гипотеза, об этом мы, видимо, узнаем нескоро, т.к. ребенок в это время не осознает себя. Однако наша гипотеза кажется продуктивной. Во всяком случае, ее принятие означает признание отсутствия изначальной, нулевой точки отсчета во времени. Конечно, возникновение в системе низших (натуральных) психических функций ВПФ – это скачок. Но диалектика именно это и предполагает.

Завершая краткую характеристику учения Л. С. Выготского о МПС отметим: уже в таком, незавершенном виде положенная в фундамент психологии, эта теория позволила бы нам совсем по-новому понять психическую жизнь, в частности, жизнь сознания. Но... не хотим учиться, хотим придумывать.

Уже общий взгляд говорит о том, что теория не завершена, что отсутствует ключевое для человеческой психики звено... Л. С. Выготский это понимал, и хотя теория открывала ему прямой путь к изучению сознания, он ограничился указанием на его структурно-смысловое строение и создал метод для изучения этого, назвав его «семическим». Но он не стал заниматься этим, понимая, что сознание распахнуто в мир и является лишь инструментом... Чьим инструментом? – ключевой вопрос. И ключевая фраза: «мы всегда в опосредствованных процессах в скрытом виде привлекали личность. Системы – путь к личности. Личность, во всяком случае, состоит не из функций, а из систем... это единство нового вида и высшего порядка» [выделено нами, 6, с. 185]. Итак, личность. Система замкнулась. Л. С. Выготский буквально в последние месяцы создает систему научных взглядов на личность и – успевает завершить эту теорию. Это очень важно: похоже Л. С. Выготский остался верен своему тезису: «психология как наука о сознании принципиально невозможна; она вдвойне невозможна как наука о бессознательной психике [2, с. 349]. Есть психическая жизнь человека, – пишет Л. С. Выготский, – и это реальный факт, «психика есть только как психическая жизнь» [6, с. 438]. Очень верно, нам кажется характеризуют этот этап творчества Л. С. Выготского Е. Завершнева и Р. Ванн дер Веер: «Л. С. Выготский понимает, что исследования сознания *per se* является ограниченной задачей, поскольку сознание разомкнуто в мир и немислимо вне разнообразных связей с миром и личностью и

именно это отношение должно исследоваться в первую очередь... Теория сознания остается на уровне эскиза. Л. С. Выготский «перешагивает» через нее и начинает разработку теории смыслодинамических систем (СДС) [6, с. 20–21]. В качестве интегральной «единицы изучения психики в единстве ее личностных и средовых моментов Л.С. Выготский вводит понятия переживание» [6, с. 20]. Отметим вначале: и понятие смысловых динамических систем, и понятие переживание в его совершенно новом для психологии смысле, были не придуманы Выготским, а родились из реальной необходимости решить новую проблему и на основании аналитически обработанного теоретического и эмпирического материала. Чтобы понять эту последнюю концептуальную новизну взгляда Л. С. Выготского на психическую жизнь человека, необходимо выяснить, что понимал Л. С. Выготский под смыслом, и какое содержание вложено им в старый термин «переживание».

Все дальнейшее – наша попытка ответить на концептуальный вопрос Л. С. Выготского: «как наглядно воспринимаемое становится смыслом?» [6, с. 156]. Мы обращаемся здесь к творчеству Л. С. Выготского, т.к. его понимание смыслового поля и смысла, хоть и не было завершено, отличается от всех других своей «психологичностью» – это не феноменология, а реальная наука, тем более, построенная на результатах практической (а не только исследовательской) деятельности ². В целом, мы согласны с анализом данной проблематики Е. Ю. Завершневой и остановимся на нем (поскольку, относительно творчества Л. С. Выготского он наиболее профессиональный). При этом цели у нас разные: Е. Ю. Завершнева делает центром именно анализ. А для нас главным есть не он сам по себе, а то, что он дает в движении к пониманию предмета. Согласимся с Е. Ю. Завершневой, что эти понятия были завершающей точкой творчества Л. С. Выготского, но одновременно давали направление дальнейшего движения. Согласимся и с тем, что понятия эти далеко не до конца проработаны, но все же, они достаточно ясны, чтобы на них опереться (почему это не сделано за сотню лет – вопрос другой).

² Л.С. Выготского с Фрейдом объединяет еще и это – огромная работа с пациентами, страдающими теми или иными проблемами (правда, у Л.С. Выготского это были, главным образом, дети, а у Фрейда – женщины).

Нам представляется (осмелимся «реконструировать» ход мысли Л. С. Выготского), что для Л. С. Выготского в ряду понятий «смысл», «смысловое поле», «смысловая динамическая система» (СДС), именно последнее имеет ключевое значение. С его помощью, нам кажется, он хотел «завершить» внутренний план психики человека (личности). И «единицей» тут выступило переживание (в новом содержании, которое успел ему сообщить Л. С. Выготский). Свое убеждение: «системы – путь к личности» Л. С. Выготский материализовал. Это правда, что остается много вопросов о смысле, смысловом поле и самих СДС, но главным было – завершить круг психологии человека З. Мы согласны с Е. Ю. Завершневой, что в трактовке понятия «смысл» Л. С. Выготский представляет два аспекта – смысл как логос(1) и смысл как отношение (2) [6]. Важнее сейчас самое общее представление – под смыслом Л. С. Выготский понимает «совокупность всех явлений сознания, вызываемых словом (знаком – Н.П.) [3].

Фактически это и есть то «малое уплотненное», что отличает человека от других, известных нам живых существ. Только человеку дано «отыскать смысл» (В. Франкл). И, однако, понятно – чтобы объяснить это, надо понять, как оно возникает, т.е. обратиться к онтогенезу и натуральным психическим функциям. Интересно, что и они составляют и работают как системы. Л.С. Выготский: «что такое система. Психология пришла к ложным выводам относительно элементарных функций, ибо они работают только в системах» [6, с. 222]. Переходя от критического к позитивному изложению, напомним основной тезис – мы пытаемся мыслить диалектически и учитываем что современная наука, в частности физика (особенно в области изучения неравновесных самоорганизующихся систем) удивительным образом строго-научно подтверждает самые смелые абстрактные положения диалектической философии. Конкретно это означает отказ от привычного житейского, или, наоборот, спиритуалистического картезианского представления о психической жизни как чем-то

³ Просим уважаемых коллег простить нам эту импровизацию, но именно так, интуитивно, но опираясь на известный по документам и публикациям контекст последних лет жизни Л.С. Л.С. Выготского, мы понимаем финал его творческого пути

внутренне скрытом, имеющим некое «ядро» и управляющимся неким таинственным (Божественным) духовным «Я», и поэтому – вообще не поддающемся научному познанию. Именно потому, что это представление глубоко «въелось» в сознание ученых и в нем срослось с психологией как наукой, именно поэтому актуальными остаются слова И. П. Павлова, сказанные почти сто лет назад: «миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда, законов душевной жизни – мы до сих пор не имеем» [1, с. 105]. До сих пор! – акцентируем это.

Л. С. Выготский все время говорил о динамических системных связях (отношениях), выделяя «связи первичные» (между натуральными психическими функциями (НПФ)), «вторичные» (МПС+НПФ) и «третичные» (СДС). Последние он практически наполнял тем содержанием, которое для нас имеет термин «личность», «Я» [4]. Конечно, это только гипотеза, но – открывающая путь к естественно-научному (не биологическому) изучению психологической жизни человека. Здесь, во-первых, центральным становится природа и жизнь СДС и, во-вторых, появляется инструмент познания – теоретические и эмпирические результаты и выводы современных наук, имеющие дело с системами.

Необходимо понять, что психологическая жизнь человека есть конкретное и единичное; развившиеся из всеобщего единства субстанции (Спиноза), т.е. – никаких Высших сил (третьих) не предполагается. Б. Спиноза: «кто имеет тело, способное ко многому, тот имеет душу, наибольшая часть которой вечна» [10]. Э. В. Ильенков: «логика, ставшая диалектичной является не только наукой о мышлении, но и наукой о развитии всех вещей, как материальных так и духовных» [7].

Не говоря об этом (а может и не зная этого), современные развитые науки просто стали диалектикой. Этого, конечно, не ожидал никто... Но это совершенно естественно с точки зрения самой диалектики. Наука – одна из форм познания. Она безгранична и, одновременно, ограничена. Безгранична т.к. открытая сущность начинает быть и рассматриваться как явление, которое, оказываясь, тоже несет в себе сущность, уже более глубокую и это бесконечно (в этом, кажется, истинный смысл мысли Е. Ю. Завершневой о том, что нам надо начинать

психологию с того места, где Л. С. Выготский поставил точку. Эта точка есть открытая им сущность – как это работает? [6] Наука, с другой стороны, ограничена своей методологией, системой методов, способами интерпретации и обобщения. Есть иные, тоже крайне необходимые способы познания. Один и тот же объект (явление) – человек – познается не только наукой (его хотят познать философия, религия, искусство). Эти формы познания построены на совершенно других принципах, у них свои методы, они по-своему получают и трактуют данные. Все формы познания «идут» к сущности разными путями и, вроде бы, тут открывается возможность получения абсолютного, единого знания, но это только возможность, т.к. взаимодействуя и обогащая друг друга – ветви эти, все же не сходятся, а расходятся и находятся в состоянии острейшего противоречия (горе тому исследователю, который пытается у себя « в голове» получить некое всеобщее знание о человеке. Тут надо выбирать. Нас, повторимся, интересует только научное познание психической жизни человека.

И еще об одном. Психологи как-то привыкли считать свою науку совершенно особенной и небывало сложной. Понятно, что на фоне весьма незначительных достижений это – своего рода защита собственной самооценности. Между тем, психология лишь одна из наук, причем, поскольку человек – существо живое, одна из естественных наук (на этом принципиально настаивал Л. С. Выготский, и мы полностью с ним согласны). С признания этого факта надо начинать, т.к. он означает очень многое. Главное – он означает, что все глобально-методологические представления о мире и человеке, сложившиеся к нашему времени, должны распространяться и на психологию (гениальность Л. С. Выготского и З. Фрейда в том еще, что они, не имея этих качественно новых взглядов, ввели в свои системы изучения психической жизни человека, и дальнейший прогресс естественных наук только подтверждает их правоту). Что мы имеем ввиду конкретно?

Картина мира от Ньютона постулировала стабильность и неизменность этого мира. В котором все, что движется – двигалось равномерно и прямолинейно. И так – вечно. Таким образом, пространство и время (т.е. мир, в котором мы живем) представлялись константными и не учитывались науками вообще. Все это циклически повторялось, и сами циклы были неизменными.

Человеку (и только ему), с его способностью выстраивать поведение по своим законам, в этом застывшем мире места не находилось. Только частично он вписывался в эту картину на уровне простейших актов поведения (почему и обладает такой силой бихевиоризм, переживающий, увы, и сейчас свой ренессанс). Т.е. это существо (человек) как бы было «лишним». Но поскольку он хотел познавать не только мир, но и себя, и не собирался покидать этот мир, был грубо без анализа привлечен абсолютно не-научный по тогдашним меркам фактор (дух, Господь etc) которым объясняли эту «уникальность» человека. Научное познание оказалось бессильным (дух, Господь непознаваем, и мы разделяем это мнение и сейчас), и удовлетворилось жалкими потугами и фантазиями, существующими у каждого, в том числе и у исследователей (так и стал каждый сам себе психолог, а миллионы страниц, о которых упоминал Павлов – просто квазисамоописания). Никаких законов здесь не установишь... Фактически путь для научной психологии был закрыт понимаемой глобальной картиной мира от Ньютона. В конце XIX века и в течении XX века все это стабильное, привычно и равномерное, оказалось неправдой. Мир оказался совсем другим и человек (как его составная часть) – тоже. К сожалению, психология этого еще не осознала – ну боимся мы естественных наук, ну боимся кардинальных изменений – что поделаться? Все люди таковы. Но все же есть истина. Истина, а не фантастический роман (их мы любим за то, что они фантастические сказки). Каков же, на самом деле, наш мир? Изменяет ли это отношение и представление о психической жизни человека, и причем тут теория Л.С. Выготского? Мир, в котором мы живем принципиально другой (и до такой степени другой, что психологу и подумать страшно, – знаю по себе). Мы приведем здесь авторитетное мнение В. И. Вернадского, высказанное еще в 1931 году. «Устойчивость системы мира Ньютона давно представлялось загадкой... На наших глазах в два-три последних года, т.е. в мгновение, сейчас коренным образом меняется тысячелетнее научное мироздание. Изменения вносятся не гипотетическими построениями фантазий или интуиции, не великой научно-философской концепцией, как мировые вихри Декарта, а точным эмпирическим научным наблюдением реальности, научными фактами [выделено нами, 1, с. 255]. Далее, В. И. Вернадский

утверждает: «Мы стоим на границе величайших изменений в познании мира, оставляющих далеко за собой эпоху создания новой науки в XVII веке» [там же, с. 255]. Может ли это не коснуться науки психологии!? А ведь почти и не коснулась... В.И. Вернадский отбрасывает представление о якобы кризисе науки. Наступает «эпоха не кризиса, а величайшего научного расцвета. Этот научный перелом отражается и в понимании времени [выделено Вернадским]. В этом В.И. Вернадский видит «великое освобождение человеческой личности от уз философии и религии XVII века» [там же].

И наконец: «мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетие, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков. Может быть нечто подобное было в эпоху зарождения эллинской научной мысли, за шестьсот лет до нашей эры» [там же].

Мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить» [там же]. В.И. Вернадский считает, что только сейчас мы «начинаем сознавать непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы Homo Sapiens, человеческой личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впереди. Оно этим переломом нежданно быстро к нам придвигается» [там же]⁴. И этот перелом состоялся. Что из этого должна была взять психология как наука о психической жизни человека? (это был период наибольшей плодотворности творчества Л.С. Выготского – между прочим). Главное: психическая жизнь человека протекает не в равновесном, стабильно-равномерном пространстве Ньютона-Декарта, а в постоянно движущемся, непредсказуемо-неравновесном мире. В мире, где время (исчисляемое от неимоверно малых десять в минус тридцать четвертой степени) до мегаединиц и пространство не есть константами, которыми можно пренебречь, «вынеся за скобки»), есть главными параметрами существованиями сущего и, соответственно, предметом научного исследования. Это, согласимся, совсем другая жизнь. В. И. Вернадский пишет об этом:

⁴ Это написано в годы большевицкого прессинга, который абсолютно не принимал В.И. Вернадского во всех его проявлениях – от философии марксизма до реальных действий диктатуры

«Этот мир не стационарного, но текучего пространства – времени», здесь «не работают» такие единицы измерения как секунда и сантиметр. ««мир нами вскрывается», как неустойчивое, находящиеся в несложившемся состоянии волнения». «Мир взрывающийся... но вновь приходящий в равновесие» [1, с. 254]. Если уж человек – хоть и «особая», но часть мира, то – он таков же! Наши самые коренные, въевшиеся представления о психической жизни оказываются абсолютной ложью, такой же как ложь Ньютона-Декарта. Что же (если более конкретно) происходит в мире и с миром (а значит и с человеком), и от чего оттолкнуться психологии? Что необходимо знать психологу о мире, в котором протекает психическая жизнь человека? Может ли это знание реально помочь становлению психологии как науки? Ведь ученые сейчас «под влиянием новых вскрывшихся фактов, заходящие за пределы всех ранее бывших, за пределы самых смелых и фантастических идей и построений философского мышления» [1, с. 256]. пересматривают чуть не еженедельно фундаментальные понятия о времени, пространстве, энергии, жизни и т.п.

Литература:

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: собр. соч. Т. 1. С. 291–436. – М. Педагогика, 1982.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь: собр. соч. Т. 1. С. 291–436. – М. Педагогика, 1982.
4. Выготский Л. С. История развития высших психических функций: собр. соч. Т. 1. С. 291-436. – М.: Педагогика, 1982.
5. Выготский Л. С. Проблемы возраста Собр. соч. Т. 4. – М. Педагогика, 1984.
6. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под общей ред. Е. Завершневой и Рене ван дер Веера. М., 2017. – 608 с.
7. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. – Политиздат, 1984.
8. Папуча М. В. Научный факт в психологии. – Теоретичні та методологічні проблеми сучасної психології: збірник наукових матеріалів. Ніжин; Київ, 2018. С. 88–92.
9. Пригожин И. Конец определенности. – М., 1997.

10. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его блаженстве. Л.: Прибой, 1929.

11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

ОЧЕРК III. АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ

В предыдущей статье были поставлены вопросы, часть из которых мы затронем в данной публикации. Мы считаем психологию естественной наукой и опираемся на положение Л.С. Выготского: «Науки классифицируются и обозначаются не по объекту их изучения, а по принципам и целям изучения» [3, с. 349]. Можно добавить и сходный тезис В. И. Вернадского о том, что науки классифицируются и возникают не по объекту, а по проблемам. И эти проблемы, по мысли ученого, наиболее остры и, одновременно, продуктивны на стыках традиционных наук [3]. Психология должна изучать природу психологической жизни (цель) и руководствоваться диалектическими принципами мышления. Наиболее острым и продуктивным сейчас является «стык» психологии, биологии, квантовой физики и синергетики (мы не говорим здесь о «стыках» с философией, религией etc). Но мало заявить об этом, главное (и самое трудное) – реализовать в конкретно-научном исследовании. И здесь на первое место выходит своеобразная закрытость и боязнь психологами других наук. Не будем это анализировать, попробуем сделать маленький

шаг к указанным наукам... (достаточно заметить, что еще У.Джемс в блестящем анализе показал, что ничто не заставляет нас принимать факт существования сознания, как чего-то отдельного от мира). Вся разница между психикой и миром только в контексте явлений «Субъективных состояний самих себя – вне пространства и времени – не существует» [3, с. 58]. Значит, заключает Л. С. Выготский, не может существовать и наука, их, якобы, изучающая.

И еще одно. Л. С. Выготский писал: «Выделить мы хотим не свою школу из науки, а науку из ненауки, психологию – из непсихологии. Этой психологии еще нет, ее придется создать» [3, с. 436]. Наша задача намного скромнее: мы хотим показать, во первых, что «эта психология» есть (по крайней мере, фундамент ее заложен) и во-вторых, какой она может стать в современной системе наук. При этом весьма важно исходить из того, что «Наука о психологической жизни – дает то, что Bergson, Фрейд – жизнь против мертвенной психологии абстракций» [9, с. 261 – выделено Л. С. Выготским].

В предыдущей статье мы гипотетически представили путь, пройденный Л. С. Выготским после открытия им ВПФ. (ВПФ – МПС - СДС). Есть необходимость вернуться к этому, т.к. сам термин «система» не трактуется в психологии по-Выготскому (об этом упоминает Т. В. Лифанова). Собственно, это – ключ: если опираться на Л. С. Выготского, но если понимать «системы» (МПС, СДС) не «по-нему», дальше ничего не получится.

На вопрос, как понимал Л.С. психологические системы, не так просто ответить. Он сам, в работе 1934 г., сказал, что «точное определение не принадлежит к начальному моменту научного знания» [9, с. 602]. Л.С. Выготский безусловно прав, но обратим внимание – он считал началом изучение систем, а жить ему оставалось 1,5 месяца. Чуть раньше, в работе 1930 г., Л.С. признается, анализируя работу психологических систем: «У меня не хватает теоретической силы все это объяснить» [3,с.131]. Признание Выготского дорогого стоит. Ну и конечно, после его ухода ни у кого (кроме А.Р. Лурия) не хватило ни сил, ни желания это объяснять, легче было не заметить. Между тем Выготский в последних работах [5] писал только об этом. У него был набран огромный эмпирический материал. Этому вопросу придавалось

исключительное значение – ведь речь шла, ни много ни мало – о сущности психологической жизни человека. Мы полностью согласны с авторитетным мнением Е.Ю. Завершневой и Ван дер Веера, что этот последний период творчества Л.С. Выготского проходил под знаком идеи Спинозы о динамическом тождестве телесных и душевных процессов. «Эта идея исследования психики с точки зрения ее динамики, подкрепленная в дальнейшем изучением работ К. Левина привела Выготского не только к теории динамических смысловых систем, но и косвенно сыграла свою роль в разработке теории хроногенной локализации высших психических функций» [9, с. 267].

Оказывается, Л.С. Выготский изучал и понимал психику динамически (как, кстати, и Фрейд) и оказывается, дело не только в системах и смыслах, но в орбиту исследований «втягивался» мозг, и тогда отчасти понятно, что «не заметили» – ведь как огня боялись физиологической редукции в психологии (боялись правильно, но не поняли, что Л.С. Выготский подошел к этому совсем не так).

Мы берем на себя ответственность заменить в тексте термин «психическое» на «психологическое». Мы опираемся на работу Л.С. «Психика, сознание, бессознательное» [7], где он проводит четкую грань – «психическое» есть дух и никакая естественная наука его изучать не может; «психологическое» есть система психического и биологического и психология изучает именно психический аспект, но только не забывая о «биологическом радикале». Нам кажется, что Л.С. Выготский имел в виду в своих последних работах именно «психологическое», особенно если учесть, какое внимание в них уделено проблеме локализации ВПФ.

Л.С. Выготский так определяет систему: «Возникновение таких новых подвижных отношений, в которые ставятся функции друг к другу, мы будем называть психологической системой» [3, с. 110]. Определение кажется слишком общим и абсолютно непризнанным с точки зрения формальной логики: действительно, Л.С. Выготский называет системой (т.е. в привычной логике, нечто уже существующее и оформленное) – возникновение новых отношений. Кажется, идея хронотопа уже заложена, но ученый мир не может принять, что система – это нечто движущееся, это скорее процесс. Это определение Л.С. Выготского, честно, вызывает восхищение, по крайней мере, сейчас, когда мы знаем о существовании

диссипативных систем... На самом деле Выготский берется за задачу, невыполнимую и сейчас – он объясняет не некую остановленную и рассеченную абстракцию, а саму жизнь, не прерывая ее течение. Но как же это трудно...

Более того, сама (каждая) ВПФ и есть система и еще интереснее: «построение высших психологических функций есть процесс образования психологических систем» [8, с. 604]. И этот процесс идет всегда: Л.С. Выготский показывает это на примере онтогенеза и патологий. А.Р. Лурия, Т.В. Ахутина – на примере актуалгенеза.

Отметим здесь, что считаем неграмотными упреки Л.С. Выготскому, якобы он не уделял внимание природным, «низшим» ПФ. По крайней мере, в этих последних работах, любое упоминание об МПС содержит указание на то что они образуют сложное и подвижное единство не только с НПФ, но и с биологией мозга. Так что заявления о том, что человек таков, каким его сделала культура – такое заявление никакого отношения к Выготскому не имеет.

Сложное и противоречивое единство всех ВПФ как систем (произвольное внимание, опосредованное запоминание, воля, отвлеченное мышление etc,etc) представляет собой динамическую метасистему – МПС. Сложность (и гениальность Выготского) здесь состоит в том, чего нельзя описать – эти системы и все МПС есть одновременно и стабильными (их центры всегда соединены постоянной связью), и в то же время они все время в динамике, отношения элементов изменяются буквально каждый миг (как внутри одной системы – ВПФ, так и между системами). Последнее высказано Л.С. в дискуссии с К. Левиным [9]. Ухватить это в нашей обычной логике невозможно, и, однако же, это представление основывается на вполне надежном эмпирическом материале, полученным Л.С. Выготским и его сотрудниками (образовалось два направления: во-первых исследовалось формирование ВПФ в онтогенезе, а во-вторых, – распад ВПФ в случаях патологии). Оказалось, кстати, что формирование и распад идут разными путями, но мы не будем на этом останавливаться, мы и так излагаем вроде бы давно известные банальные вещи. Но ведь они остаются до сих пор невостребованными.

В связи с открытием МПС перед Выготским встало два кардинально важных вопроса. Первое, необходимо было изучить и понять, как локализованы ВПФ в мозге, а второе – что же дальше,

т.е. есть ли метасистема МПС тем, что принято называть сознанием или МПС – только этап в становлении сознания и личности. Без ответа на эти вопросы, считал Выготский, «психология человека не только не оформилась в качестве роста подлинной науки, но, наоборот, это представляется совершенно исключительным до тех пор, пока психологи будут идти по двум основным направлениям: спиритическому, с одной стороны, и натуралистическому – с другой» [8,с.601]. (В который раз должно отметить гениальное предвидение – современная (наша) психология и идет этими путями, не заметив, что проскочила «узловую станцию», которая указала совсем иной путь). Решение проблемы локализации было важно для Л.С. Выготский по соображениям принципиальным: во-первых, он стремился получить научные эмпирические надежные факты, подтверждающие диалектико-монистическую идею Спинозы о единой субстанции – человеку, имеющей два свойства – «протяженность» (тело) и душевность.

Во-вторых, этого знания настоятельно требовала практика, и, в-третьих, нужно было, грубо говоря, «найти место» мозгу в системе высшей психики (это делается до сих пор – по той же причине – не заметили). Поэтому, считал Л.С. Выготский, «всякое психологическое учение требует своего продвижения в области локализации» [8, с. 608]. Верно и обратное: трудности проблемы локализации «проистекает из отсутствия в современной психологии адекватного психологического анализа высших психологических функций» [8, с. 611]. Круг замкнулся. И, однако, Л.С. Выготский находит выход, буквально двигаясь «по лезвию бритвы». Он пишет, что «те огромные материалы» (эмпирические) позволяют сделать два важных предположения: «С одной стороны, мы глубоко уверены в специфическом характере ряда мозговых структур и в специфическом отношении внешних психических функций к ряду систем мозговой коры... С другой стороны, мы не можем согласиться и с тем, что неспецифическая функция каждого центра является эквивалентной для всех участков мозга» [8, с. 612]. Это, нелегкое для понимания современных психологов, положение, много лет спустя четко представил А.Р. Лурия: «локализация высших психических функций не может быть понята иначе, чем хроногенная, что она есть результат психического развития, что

отношения, которые характерны для отдельных частей мозга, осуществляющих высшие психические функции складываются в процессе развития и что человеческий мозг обладает новыми локализационными принципами, по сравнению с мозгом животного» [13, с. 123]. Все это означает следующее: каждая ВПФ является сложной системой отдельных функций, она складывается в процессе интериоризации и «включает» (каждая – свои) специфические центры мозга, расположенные в разных участках коры. Работа системы этих центров, а также ближайших – неспецифических, теперь обуславливает деятельность ВПФ. Во времени (онтогенез, актуалгенез) эти связи могут меняться, что и отражается на психике и в поведении, но основные (исходные) связи специфических центров нарушаются лишь в патологических случаях. А. Р. Лурия, на основании сказанного создал вместе с соратниками целую новую область – нейропсихологию. Были найдены и исследованы центры и их системы для каждой ВПФ, и практика показала правильность подхода (хотя бы по количеству излеченных людей). Были даже установлены системы центров, отвечающих за возникновение мотивов. Что это дало науке? Она получила реальные доказательства развития и функционирования ВПФ как системы (чем наука не воспользовалась до сих пор), и, главное, с точки зрения методологии – была решена проблема соотношения мозга и психики (чем опять же психология воспользоваться не хочет). Между тем, именно здесь скрыт огромный потенциал психологии и решение целого ряда острейших проблем. Но и это еще не все: Выготский и Лурия поняли и объяснили не только движение «вниз» – к биологии мозга, но и путь «вверх» – к сознанию. Здесь мы возвращаемся к проблеме смысла и смысловой динамики. Две оговорки: первое, смысл за долгие годы после Л.С. изучался очень много и по-другому. Мы здесь будем придерживаться понимания смысла Выготским, что нам кажется вполне логичным. Второе, не надо понимать соотношение ВПФ – МПС – СДС как последовательно-хронологическое. Выготский показывает много раз и очень четко, что в онтогенезе ВПФ возникают сразу на СДС, то есть возникает сознание в целом как смысловая динамическая метасистема, и уже эта целостность дифференцируется внутри себя на отдельные системы. Он показывает, как это происходит, доказывая не натуральную, но культурно-

историческую природу высшей психики, которая, возникнув, изменяет и натуральную основу (кору мозга). Но изменяет не морфологически, а через установление многообразной и упорядоченно-неупорядоченной сети связей (выражение – «психическое явление не может поколебать ни один атом мозга» – излюбленное выражение Льва Семеновича). Вопрос «как возникает» мы оставим – это уже совсем азбука, хотя ни одно исследование этого «как» не учитывают и сейчас. Единственное, на чем остановимся – на сути знака и знакового опосредствования, т.к. именно здесь и скрыта «тайна» смысловой динамики.

Л.С. Выготский отмечает, что «есть знак, и есть обобщенный знак», именно о последнем и пойдет речь. Таким знаком является, прежде всего слово, но далеко не только оно (узелочек на платочке – также обобщенный знак). И этот обобщенный знак есть смысл т.е., по Выготскому, «все многообразие психических явлений, возникающих в сознании», при его «попадании туда». Почему обобщенный знак есть смысл и как это понять (добавим сложность – этот смысл тоже обобщенный, а в сознании он индивидуализирован)? В реальной жизни знак всегда создается и передается человеку Другим, и именно поэтому он есть смысл. Это может быть реальная ситуация или опосредованная и разделенная во времени, и в этом случае, Первый ищет (и находит) в чем-либо знак (обобщенный смысл), подразумевая, что это сделано другим, а не взято невесть откуда. Именно поэтому в жизни человека история столь же бесконечна, сколь и природа: мы ищем и находим смысл в древних письменах, предметах, любых артефактах и как-то сразу узнаем, что это артефакт... Как и почему? Здесь есть и другое – человек ищет и часто находит знак (смысл) в том, в чем его нет, но ведь находит же! Там рождается ИНОЕ (об этом ниже). Что значит вполне реальный осязаемый предмет сделать знаком (смыслом)? Выготский как-то написал: сколько ума, знаний, эмоций нужно «дикарю», чтобы сделать зарубку на дереве «для памяти»! И Л.С. опять прав: я завязываю узелок (для Другого или для Себя-Другого), создавая (передавая) смысл, т.е. всю ту совокупность... А именно – я знаю, что могу (или Другой может) забыть, я «вливаю» в этот узелок содержание того, что надо вспомнить, я знаю когда надо вспомнить, я знаю, боюсь, что могу забыть, и не хочу чтобы это случилось. И более того, я ведь «вкладываю» в него не один

факт, а целое событие и, таким образом, речь уже идет не о слове, а о целом повествовании – будет нарратив, который я сейчас создаю в этом узелке. И ведь это простенькое действие становится настоящей драмой. Это, конечно, «азы», однако обратим внимание: в знаке-смысле теснейшим образом переплетены настоящее, прошлое и будущее. И второе: человек превращает вполне материальную вещь в идеальное, т.е. он идет по грани материальное-идеальное... Вот эта реальность, названная Выготским «смысловым полем» и есть реальность нашего существования – внешняя и внутренняя. «Облако» в метафоре Выготского, изливающееся каплями дождя (слов), не есть, как он думал, мышлением, оно есть всей нашей высшей психикой. А ведь образуется облако за счет испарения влаги и... круг замыкается. Таким образом смысл (обобщенный знак) создается людьми для людей и есть фактически, в своей многообразной неповторимости, системой сознания. Почему эта система динамична, понятно: связи и отношения смыслов все время изменяются, возникают новые системы, хотя «старые» каким-то образом, не исчезают и могут актуализироваться. Важно, что СДС, в отличие от отдельных ВПФ не имеют своих специфических мозговых центров. Они охватывают всю кору. Выготский пишет: «Если обобщить то, что известно из области патологии смысловой стороны речи, то можно сказать, что при этих страданиях мы имеем более или менее общее страдание всех специфических сторон человеческих функций» (выделено нами – авт.).

По абсолютно надежным данным Е. Ю. Завершневой, Л. С. Выготский только начинал работать над проблемой сознания и планировал начать большую книгу [9]. Но...спешил и, как пишет Завершнева, «перешагнул» проблему сознания, поняв, что сознание распахнуто в мир и является «лишь инструментом» существования человека в мире. Он «соединил» разрыв, но эта проблема далеко выходит за тему нашей работы. Сейчас важно ответить на вопрос, почему же психология все же не пошла по столь продуктивному пути Выготского. Мы можем обобщить написанное. Есть две сложнейших метасистемы – головной мозг (а точнее и правильнее – весь организм человека) и, вторая метасистема – высшая психика (СДС). Есть еще уникальный и удивительно-загадочный фактор, который мы называем Я и про

который совсем ничего не знаем. Эти системы существуют одновременно и как отдельные, и как всецело связанные, образуя мега системы. Они существуют по своим, неизвестным нам законам. Мы знаем только, что системы – открытые, самодетерминируемые, с очень высокой степенью неупорядоченности. Знаем, что при этом они обеспечивают высокоупорядоченное поведение здорового человека. Системы связаны с натуральной психикой (опять же по своим законам). Есть еще нечто, о чем мы ничего не знаем и называем ЭТО бессознательным... Кстати, тут подтверждается диалектичность мышления Фрейда, ведь диалектика учит, что если есть нечто, то обязательно должно быть и нечто другое, ибо как же мы иначе определимся с этим нечто...

Наконец, история психологии показывает, что «единицей» изучения и, значит, начинания психики человека, есть не отдельный процесс, а система. И это последнее есть ответ на поставленный вопрос: психология не умеет, не может изучать такие (диссипативные) системы. Т.е. дело не в том, что не хочет, а не может. Нет методологии, нет метода, нет техник. Выготский очень опередил время, «упершись» в проблему систем. Между тем, мы убеждены, что он прав и именно «Судьба систем» есть «альфа и омега» психологии как науки. В этом случае, мы убеждены, есть смысл обратиться к тем наукам, которые изучают подобные сложные диссипативные системы, имеют развитый исследовательский аппарат и серьезные достижения. Подчеркнем, мы вовсе не хотим редуцировать психологическое знание к знанию физическому, биологическому или синергетическому. Мы также вовсе не хотим заимствовать научный аппарат и слепо переносить на психологическую почву. Мы хотим освоить путь познания открытых самоорганизующихся систем с высокой неопределенностью и нелинейностью, для того чтобы психология могла исследовать «свои» системы, сделав шаг вперед от жесткого детерминизма, от Р. Декарта с его «двумя субстанциями» и от спиритуализма. И мы хотим, наконец, еще раз доказать верность и продуктивность теории Выготского для развития психологии как науки, особенно в части хроногенности. А без решения этих проблем любая «психологическая помощь» человеку будет

непрофессиональной, т.к. мы не знаем, что внутри объективно, а знаем, что об этом думает и сказал кто-то (не важно, кто).

В наше время любая наука не может идти вперед, сама, закрыто от других. И. Г. Бейтсон не зря пишет о «взаимодействии идей» [1], а Н. Бор о том, что «истина требует разных языков».

Мы, в сущности, хотим открыть некую тайну, которую почувствовали в теории Выготского. Мы отдаем себе отчет в том, что подлинную тайну человека, его души – не открыть никогда... Но это не значит, что не надо пытаться. Вот три авторитетных мнения: Л.С. Выготский:

1. «Тайну надо принять как тайну. Разгадывание – дело профанов. Невидимое – вовсе не синоним непостижимого: оно имеет другие ходы к душе. Невидимое, иррациональное воспринимается неразгаданными доселе чувствилищами души. Таинственное постигается не отгадыванием, а ощущением, переживанием таинственного. «Остальное» постигается в молчании. В этом тайна...» [3, с. 107]. (Это Выготский-студент. В последующее десятилетие он все сделал для развития науки, но – ТАЙНУ не трогал...).

2. А. Эйнштейн: «Ни один продуктивно мыслящий человек не думает таким бумажным образом... Эти мысли возникли не в какой-то вербальной форме. Я вообще очень редко думаю словами. Приходит мысль, а потом я могу попытаться выразить ее словами... Я не уверен, можно ли действительно понять чудо мышления» [3, с. 263]. Отметим, что Л. С. Выготский в Гомельский период жизни читал лекции об Эйнштейне [3]. Он предвидел, куда надо идти психологии.

3. В. Соловьев: «Бесплодна та теория, которая только подмечает и обобщает в отвлеченных формулах фактическую связь явлений: это простая эмпирия лишь одною ступенью возвышающаяся над мудростью народных примет. Истинно теория, понимая смысл факта, т.е. его соотношение со всеми, что ему сродно, тем самым связывает с неопределенно восходящим рядом новых фактов, и какую бы смелою не казалась нам такая теория, в ней нет ничего произвольного и фантастического, если только ее широкие построения основаны на подлинной сущности предмета, открытой разумом в данном явлении или фазе этого предмета» [11, с. 32].

И мы подходим к теории систем, имея тот неопровержимый факт, что психологическая жизнь человека есть существование мегасистемы и только таковою ее можно изучать дальше. Как учит диалектика: если что-то есть, то оно именно что-то, т.е. – отдельное от другого; связанное с ним в одном целом; имеет отношение к человеку; оно существует объективно и субъективно одновременно; оно вовсе не обязательно материально (идея, «идеальная форма» Выготского etc). Это единство объективного и субъективного – вечно, как вечна природа, как вечен человек в истории: оно постоянно, но одновременно – изменчиво; вне человека (без субъективной составляющей) это существовать не может, т.к. мир нам не дан, а задан как конструктивная возможность; оно имеет свое внутреннее и внешнее, связанное сложными противоречивыми способами; оно существует в движении, т.е. – во времени; оно соединяет в себе антиномию реального и ирреального; наконец, если это есть – его можно «поймать» в опыте и изучить. Мегасистема психологической жизни точно есть. Психология сейчас ее не знает. Но может изучать, если обратится к тем областям знания, которые подобные мегасистемы «поймали» и изучили.

Главное: открытые высоконеупорядоченные диссипативные системы не подчиняются принципу детерминизма, кредо их существования – *causa sui*. А поскольку все системы, в конечном счете, таковы, мы должны отказаться от причинности как принципа существования мира вообще и мегасистемы «человек», в частности. Что происходит в этих системах и как они самоорганизуются (саморазвиваются)? По принципу неопределенности, считал И. Пригожин, чья последняя переведенная на русский язык книга так и называется: «Конец определенности» [14]. «Играя словами», мы бы сказали, что этот «конец» должен стать концом неопределенности психологии и определить-таки ее дальнейшее движение.

Мы, конечно, понимаем, что предположение о том, что СДС и, в целом, мегасистема «Человек» есть по природе своей диссипативными самоорганизующимися системами аналогичными открытым в естествоведении. Понимаем мы и то, что действительное раскрытие природы человеческой души не охватывается описанием жизни этих систем. Это лишь гипотеза. Но она

представляется нам вполне обоснованной и продуктивной. Да и вообще, дело науки и состоит в том, чтобы выдвигать и доказывать (или опровергать) гипотезы. По крайней мере, наша гипотеза вызывает мысль и направление дальнейшего движения психологии, которая вот уже скоро как сотню лет топчется на месте. В целом же мы считаем так: то, о чем пойдет речь с традиционных точек зрения необъяснимо, с нашей точки зрения – вполне объяснимо. Значит мы правы.

Фактически, с точки зрения философско-психологической, речь пойдет о неразрешимом противоречии, указанном Выготским: «психология – естественная наука о неестественных вещах» [3, с. 381]. В диалектике оно разрешимо и необходимо. Вот о нем – дальше... И нас не смущает тот факт, что физические явления мы будем понимать и объяснять с помощью повествования: современная физика, как ни странно, пришла к тому, что объяснение жизни системы на определенном уровне невозможно с помощью формул – физике нужна повествовательность. Это очень важно! Это те границы – за которыми заканчивается материя и начинается психика. Это та граница, которую гениально предвидел Спиноза... но не философской, а с позиций чисто позитивной (не позитивистской) естественной науки. Это действительно странная встреча естественной науки и философии, и эта странность – закономерна!

Л. С. Выготский отмечал, что «психические процессы развиваются в неразрывной связи со всеми остальными процессами в организме и подчинении точно таким же законам, как и все остальное в природе» [5, с. 42].

Итак, наши исходные. Психологическая жизнь есть явление, одновременно и объективное, и субъективное. Но науку интересует действительное, а не придуманное соотношение. Л. С. Выготский: «Никакая наука о зеркальных призраках (отражении) невозможна. Загадка психического решится... не путем изучения призраков, а путем изучения двух рядов объективных процессов, из взаимодействия которых возникают призраки как кажущиеся отражения одного в другом. Само по себе кажущееся не существует... психология может быть только естественной, но не биологической наукой» [3, с. 416–417]. (Л.С. явно имеет в виду, что второй ряд (то,

что мы называем субъективным) есть преобразенное в психике объективное).

Психика человека возникает из сложнейшего взаимодействия человека как естественного существа с другими людьми с их культурно-биологическим, по природе своей, опытом. Центральную роль здесь играет обобщенный знак (смысл), именно потому психика человека возникает сразу как сложнейшая смысловая диалектическая система в сложном и неоднозначно-хроногенном единстве с системой натуральной психики и мозгом (и всем телом) как биологической системой. Эта мегасистема живет и развивается по своим законам, оставаясь открытой к взаимодействию с окружением. Динамичность, нелинейность и неопределенность систем порождает те внешние особенности, которые мы хорошо знаем: единство стабильного и изменчивого, актуалгенеза и сохраняемого опыта непредсказуемости и предсказуемости etc. Мы надеемся, что данные, полученные в области изучения диссипативных систем (физика, химия) помогут нам понять механизмы указанных противоречий человеческой психологической жизни и его поведения. Ключевым при этом мы считаем фактор времени, поскольку только в психике человека мы встречаемся с уникальными явлениями, когда время может «остановиться» и система на какой-то период «застынет» в пространстве и времени, превратясь в структуру, которая снова может обрести динамизм. Только в психике можно перенестись в будущее и в прошлое, причем, не обязательно произвольно (персеверации), а во время сна время вообще действует совершенно вне линейной логики и тем самым открывает человеку мир ИНОГО. И все это – не главное. Главное мы постараемся понять лишь познакомившись с работой диссипативных систем.

Мы позволяем себе говорить об аналогии жизни СДС и диссипативной системы (не о тождестве!), т.к. это уже практически доказано физиками и является, по нашему твердому убеждению, очень продуктивным для научной психологии. При этом мы попытаемся избежать соблазна, о котором предупреждал А.Ф. Лосев, говоря, что существует целый ряд интересных теорий психического, но почти все они «страдают болезнью гетерогенных привнесений, заменяя анализ самого понятия выставлением собственного отношения к этому понятию» [12, с. 141].

Парадокс детерминизма (и, соответственно, парадокс времени) в существовании мира известен очень и очень давно. Если мир существует в границах детерминистических, и «время не содержит в себе различия между прошлым и будущим» [15], то как нам объяснить совершенно справедливую фразу Аристотеля, что живые существа не подчиняются никаким законам, а их деятельность обусловлена автономными внутренними причинами? И еще, «как понимать новое, играющее центральную роль, в мире, управляемом детерминистическими законами?» [15].

Мы дальше не будем упоминать о гипотетическом представлении, что СДС в своей структуре и существовании аналогичны гетерогенным самоорганизующимся системам с высоким уровнем нелинейности – будем употреблять просто термин «системы». Эти системы, в целом, неравновесны, но в их жизни есть разные периоды. Мы уже упоминали о том, что система может «замираться» на какое-то время, оставаясь при этом той же системой. Здесь мы согласуемся с М. А. Холодной, которая отмечает, что не надо понимать все достаточно примитивно, и целое видеть «большим», которое содержит в себе, охватывает все части. Да, оно, действительно, есть целым, но относительно психики является «маленьким», свернутым, сингулярным [16, с. 79]. Последнее понятие в физике трактуется как некая максимально свернутая точка, дальнейшее поведение которой не поддается никаким расчетам (астрофизический пример сингулярности – «черная дыра»). «Свернутость» ВПФ отмечал Выготский и его ученики. Правда, лишь, отмечал (гений предвидел), но сейчас можно говорить, что сингулярность – временное состояние ВПФ, в котором времени (в нашем обычном представлении) нет. Это состояние СДС максимально упорядоченное и готовое в любой момент развернуться, не подчиняясь никаким законам (мысль, образ воображения etc). Выходит, мы сейчас лишь пытаемся втиснуть этот процесс в какую-то логику, а никакой нашей логики там нет, по определению. Здесь требуется, прежде всего, поиск логики самого процесса (если она есть). Интересны факторы, вызывающие и «прекращающие» сингулярность. Но особенно интересны сами переходы и роль времени здесь. Сейчас мы можем лишь предположить, что сингулярное состояние системы это есть чистый смысл, который каким-то невообразимым образом содержит в себе «все явления

сознания» [7]. Так оказывается, что система (вернемся несколько назад) есть образование, содержащее в себе «несопоставимые вещи»: «Структура – это локализованный в определенных частях пространства и времени процесс» [10]. Иначе говоря, это процесс, который имеет определенную форму, способный, к тому же, перестраиваться (переструктурироваться) и перемещаться (!) в этом пространстве. Таким образом, структура есть процесс, или пятно процесса, которое мигрирует в пространстве» [7]. Уже одно это понятие (сингулярность) задает совершенно новый и неожиданный ракурс рассмотрения психологии человека (во всяком случае начинает проясняться парадокс «текучесть-стабильность», и мы знаем, что искать). Например, можно предположить, что в «состоянии сингулярном» системы (они тут являются структурными) каким-то образом и отчасти контролируются Я. Однако, при ослаблении контроля (или при очень резких раздражителях) начинают разворачиваться в систему (процесс), часто неожиданный и странный. Это можно связывать и со сновидениями, когда эти «разворачивания» разных точек являют человеку совершенно иную действительность (у Выготского и Лурия от Леви-Брюля есть красивая гипотеза, что магия, вера в ИНОЕ, в том числе и религиозная вера, имеет своим началом осознание человеком сновидения: значит ЕСТЬ ДРУГОЙ мир и, главное, у каждого свой, и самое главное – он ЕСТЬ, ведь видел же, был там... [6]). Поразительны факты пренатальной психологии, что уже за несколько месяцев до рождения ребенок видит сны! [6] Очевидно, необходима иная (не психоаналитическая и не физиологическая) трактовка сна и сновидений. Научная, а не абстрактно-лирическая. Так постепенно оформляется направление, основанное Выготским, о котором (направлении) хорошо сказала М. В. Холодная: «природу любого явления нельзя понять на уровне описания его свойств. Объяснить природу той или иной реальности означает вскрыть ее структуру (она же – система. – авт.), ведь структура является основой ее жизнедеятельности» [16, с. 78].

Как же живут и развиваются открытые самоорганизующиеся системы? В науке показано: что быть таковыми (т.е. – открытыми и саморегулирующимися) могут только «системы, далекие от равновесия, системы в состоянии неустойчивости способны спонтанно организовывать себя и развиваться» [15, с. 13]. Сложность

системы, по Пригожину, определяется количеством элементов в единице пространства. Ясно, что во внутреннем мире человека она очень высока. Гетерогенность означает, что структурные (системные – авт.) единицы являются различными, неоднородными. Отсюда (плюс спонтанность) – высокая нелинейность, то есть высокий процент связей, которые не подчинены формальной логике [15]. Описанное, как видим, точно совпадает с положениями Выготского о ВПФ-СДС и вовсе не противоречит нашему знанию себя и других.

Жизнь и существование эскизно описанных систем оказывается удивительной и неожиданной, и, в то же время, проливающей свет на наш собственный внутренний мир.

Существование и развитие таких систем спонтанно, и, значит, не детерминировано никакими внешними для системы факторами. Оно вообще не детерминировано, а вероятностно конечно, с этими внешними для себя факторами система взаимодействует, но они никогда не играют решающей роли, т.е. – не нарушают вероятностное самодвижение). Чем не подтверждение идеи Выготского о психологической детерминации психологического же?

И. Пригожин отмечает, что рассматриваемые здесь динамические системы (диссипативные) принципиально «нитегрируемы и взаимодействия в них не могут быть исключены» [15, с. 12]. Добавим – эти взаимодействия в мегасистеме «психология человека» не могут быть также учтены и прогнозируемы. Изучение таких систем не может сводиться к изучению отдельных функций. Такие системы Пригожин называет хаотическими и замечает: «Эволюция хаотических систем во времени требует вероятностного описания» [15, с. 12]. Однако, по его мнению, наука и сейчас не может описать приближение хаотических систем и упорядочивания (представляется, что в этом интереснейшем вопросе психология могла бы помочь науке).

В целом, «решение парадокса времени, равно как и других парадоксов, возможно только потому, что пространство становится «темпорализованным», поскольку прошлое и будущее играют не одну и ту же роль» [15, с. 15]. Представляется, что СДС создает именно такое пространство, и мы намерены показать, что именно здесь может решиться общий парадокс времени в целом. Во

всяком случае, здесь оно «перестает быть данным; оно не заложено нынче в настоящем» [15, с. 19].⁵

Здесь мы хотим обратиться к читателям, используя слова И. Пригожина: «Мы глубоко убеждены в том, что существует страстное стремление лучше понять наши отношения с природой и подвергнуть их более глубокому анализу – так, как это делает современная наука». Именно читателям, проникшимся этой высокой страстью, и предназначен наш текст» [15, с. 20. – у Пригожина фраза заканчивается – «наша книга»].

И. Пригожин кратко анализирует А. Бергсона и приходит к выводу, что, когда наука «пыталась описать созидательную силу времени, возникновение нового, она неизбежно терпела неудачу» [15, с. 23].

В этом смысле самое замечательное касается мысли Бергсона, цитируемой Пригожиным: Мотивируя написание труда он пишет, что хотел «показать, что Целое имеет такую же природу, как и Я, и что мы постигаем Целое путем все более глубокого постижения «Я» [15, с. 23]. Эту глубокую мысль мы интерпретируем лишь в двух аспектах: во-первых, Бергсон здесь утверждает свою близость к Спинозе, что отвечает и нашему ракурсу рассмотрения проблем; во-вторых, кажется, на первый взгляд, что мы намечаем противоположный путь – обращаясь к естественным наукам, продвинуться хоть немного в поимании Я. Однако, это лишь кажется – ведь естественные науки делают люди! Таким образом, обращаясь к их опыту, мы познаем Я.

Анализируя работы ученых и философов XIX–XX вв., Пригожин приходит к очень важной мысли: достижения биологии и физики были связаны с отказом от исследования отдельных тел (живых или неживых), и с приходом к изучению групп и систем явлений. Выготский много ссылался на Дарвина, особенно, в конце жизни и теперь понятно, почему: он ведь тоже старался понять психологическую жизнь не отдельного индивида, а человека в культуре и просто не мыслил человека иначе. Мы обязаны заявить об этом, т.к. об успехах биологии и физики на этом пути известно очень многим, а вот об успехах Выготского (настоящих успехах)

⁵ Одна эта мысль Пригожина переворачивает научную психологию – она формировала принципиально неверный взгляд на развитие (исключения – те же Выготский и Фрейд, отчасти, философия А. Бергсона)

знают очень немногие... Добавим также, что и психику отдельного человека он, как мы уже не раз отмечали, изучал не по-элементно, а как целостную метасистему (СДС). В этом смысле, несколько перефразируя Пригожина, отметим, что «представляется весьма странным», что выводы и результаты, к которым пришли Л.С. Выготский и сотрудники – о том что высшая психика (психология) являет собою самоорганизующуюся сложнейшую мегасистему, не вызвали достойного отклика в науке и практике. «Контраст с реакцией на теорию Эйнштейна поразителен, и он тем более разителен, что теория Эйнштейна опрокинула понятие абсолютной одновременности двух событий, разделенных большим пространственным интервалом, – понятие, имеющее для жизни человека далеко не первостепенное значение» [14, с. 37]. В отличие от этого открытия Выгостского принадлежат к числу тех, корни которых глубоко уходят в опыт повседневной жизни человека. Представляется, что дело не только в идеологии, но и в изначально косном отношении человека к своему внутреннему миру («ну система так система, ну и что?»). А между тем возникла ведь нейропсихология Лурии... Физики, видимо, были несколько другими, более гибкими и интересующимися. Даже Ньютон, которому приписывают абсолютно косный взгляд на мир, по словам Пригожина, писал, «что каждое спонтанное действие человека или какого-нибудь другого живого существа приносят в наш мир новое движение, необъяснимое в терминах причин в их действиях» [14].

Поэтому, видимо, именно в физике возник такой метод как «мысленный эксперимент», метод, для нас очень важный... В целом, настоящее исследование в психологии возможно, если оно – не просто интеллектуальная игра, и не только «слуга» практики, а тогда и только тогда, когда человеком (ученым) движет страстное стремление познать истину и вера, что ее познать можно (даже в такой сверхсложной действительности, каковой является душевный мир человека).

Здесь возникает вопрос объективности познания. В этом смысле весьма показателен диалог А. Эйнштейна и Р. Тагора, который описывает И. Пригожин. Идеал Эйнштейна – чистая истина без вмешательства наблюдателя. Но он, сознавая, «что доказать

«сверхчеловеческую» объективность научной истины не удастся никогда».

По Тагору же «истину надлежало понимать как открытый диалог, идеал которого состоит не в достижении независимой реальности, а в достижении согласия между «универсальным» человеческим разумом (т.е. совокупность проблем, интересов и мнений, на которые реагируют или могли бы реагировать человеческие существа) и «индивидуальным» разумом, выражающим ту или иную точку зрения. Наверное, поэтому Эйнштейн считал познаваемость мира чудом.

На самом деле, действительное движение научного знания сейчас обязано тому, что противостояние между идеалом знания «объективность которого устанавливается полным отсутствием какой бы то ни было ссылки на познающего объекта» и что субъективным, внутренним (а значит – интроспективным) знанием, «стало достоянием прошлого» [14].

Эта точка, этот центр, который «ухватывался» и Л.С. Выготским, но не был достаточно четко эксплицирован им – оказывается принципиальным и порождающим. Совершенно неразумные, анти-профессиональные требования современных академических инстанций к тому, чтобы психологические знания максимально материализовались (а, значит, абстрагировались в смысле «другой абстракции» Гегеля, и тем самым становились якобы независимыми от человека-исследователя) губительны для психологии и ведут ее в тупик, делая все более непонятной, скучной, ненужной наукой да и наукой ли вообще. Нам представляется, что психологии надо еще идти к разрешению парадокса, решенного науками естественными. Путь очень нелегкий и системы – единственное направление и единственная веха на этом пути (когда я уже сейчас пытаюсь с помощью идеи СДС объяснить свои собственные состояния, я, как человек, понимаю себя совершенно не так, как это было до применения этой идеи).

В целом, идея И. Пригожина весьма продуктивна (и особенно – в психологии, а не в физике), потому что в законченном и кратком виде она звучит так: мы никогда не сможем до конца описать суть явления или процесса, представить его возникновение и спрогнозировать будущее поведение в парадигме детерминизма, опираясь

на любой сложности математический аппарат. Познание возможно только вероятностное, а значит – не точное, и значит – бесконечное. И нам следует с этим как-то внутренне согласиться и как-то с этим жить, не открывая очередных «абсолютов». Кстати, Выготский был очень тонок и осторожен в выражениях: реально создав совершенно новую науку, он всегда подчеркивал, что это лишь начало, и это возможно не единственно правильный путь. Нам представляется, наиболее точно в современной психологии этот путь увидел и попытался реализовать Г. А. Балл, создав так называемый рациогуманистический подход, в котором пытался соединить в новой логике два извечных полюса психологии – абсолютный объективизм и абсолютный же субъективизм. Вместо детерминанты при этом действует то, что еще Лейбниц назвал «достаточным основанием». Этот конструкт задает возможность свободы поведения объекта и вероятностное его описание. И. Пригожин по этому поводу пишет: «Если мы не можем точно определить мотивы нашего действия или считаем, что действовали без какой-либо рациональной мотивации, то это потому, что то, что мы называем мотивами, относится к нашему знанию, к тому, что мы можем мыслить «отчетливо». Никакой прогресс этого знания не сможет умалить значения нашего живого опыта свободы: мы никогда не достигнем предела бесконечной серии актов определения, произрастающих из нашего индивидуального опыта» [14, с. 44]. Однако, в частности, в психологии, это должно означать не пределы научного знания, а, наоборот, его безграничность, но вне математической логики.

Психология, если она хочет быть наукой, должна впитать в себя новые знания и новые понятия современной науки. В частности, речь идет о становлении, диссипативных системах (структурах), самоорганизации, хаосе, фрактале etc. Мы с некоторым удивлением обнаруживаем, что все они легко и органически вписываются в теорию СДС Выготского, не «сбивая с толку», не как простая тяга к эквилибру новыми словами, а делая ее понятнее и строже. Так происходит с явлением становления (Выготский определил его как «единство бытия и не-бытия»). Л.С. Выготский настаивал, чтобы этот принцип (его еще называют принципом развития или принципом историзма) пронизывал всю психологию и во всех ее ипостасях – от методологии до

методического исследовательского и коррекционного приема. Психология и правда, задекларировала этот принцип фундаментально. Но – лишь задекларировала: разве мы учитываем в работе микро(актуал)-генез? Разве мы понимаем, что системы (СДС) развиваются – изменяются всегда, изменяется отношение между ними и внутри них – точно также, как постоянно разрушаются и возникают атомы, электроны и все элементарные частицы. Разве мы можем определить вероятностно возможные направления и само содержание становления систем, их жизнь и судьбу, которые всегда – в становлении? В диалектике А. Ф. Лосев объяснил явление становления и современная физика подтвердила его объяснение и «взяла на вооружение». А психология... продолжает забывать и выбрасывать из конкретной реакции и практики... Так же и концепция самоорганизации с учетом динамики неустойчивых хаотических систем приводит к глубокому изменению нашего отношения к предмету психологии человека, который и есть сложная совокупность этих (таких) систем. Каждая из них (и все они как мегасистема) имеют две противоположно направленные тенденции – к разрушению (хаосу) и к упорядочиванию. Мы опишем дальше, как взаимно действуют эти тенденции, и в конце покажем на простых моделях, что реально дает нам (психологам) физика диссипативных систем.

Возникает проблема нового: если следовать старым законам физики и современным закономерностям психологии (исключив Выготского, он – новый!), само возникновение чего-то нового в строго детерминированном упорядоченном мире является чудом (не зря А.Ф. Лосев написал, что «личность – это чудо», ведь она – кладезь и носитель бесконечной новизны[12]). Однако, это чудо мы и не пытались понять в самих его механизмах. А вот современная наука не считает новизну чудом и дает нам – психологам инструмент познания процесса возникновения нового. Инновации в системах и должны определяться тремя минимальными требованиями» [14, с. 47].

Первое требование – необратимость, выражающаяся в нарушении симметрии между прошлым и будущим: новая система (структура), возникшая в СДС уже никогда не возвратится к своему прежнему состоянию (этот парадокс хорошо известен практикам –

клиент, обращаясь к психологу, на самом деле, хочет чтобы все стало по-прежнему – привычно и комфортно. И как же трудно привести его к пониманию того, что по-старому уже не будет никогда). Любая МПС всегда движется только в будущее, даже если она деградирует. Последнее, кажется, очень плохо усвоено психологами. Второе. Для того чтобы возникло новое нужно вовсе не противоречие как думают психологи, заучивая курс «Психология развития». На самом деле, необходимо событие. «По своему определению, – пишет И. Пригожин, – события не могут быть выведены из детерминистического закона, будь оно обратимым или необратимым во времени: событие, как бы его не трактовали, означает, что происходящее не обязательно должно происходить [14, с. 47, выделено авт.]». Обратим на это внимание особо. Если событие – не обязательно, значит, во-первых, развитие той или иной системы тоже – случайно (и следует забыть о выражении «формирование личности целенаправленно» – при этих попытках никто ведь не знает и даже не интересуется, что же на самом деле происходит с СДС); во-вторых, описание события и его последствий может быть только вероятностным («не было гвоздя – подошва пропала» и т.д. – кто не знает этой истории, а ведь здесь – чистый случай, событие как случай). Именно исходя из этого, И. Пригожин формирует кардинально важный для психологии тезис: «История стоит того, чтобы о ней поведать, только в том случае, если хотя бы некоторые из описываемых в ней событий порождают какой-то смысл. [14, с. 47]. Это – особая, поистине, ключевая точка, в которой сходятся и становятся одной теорией Выготского и Пригожина. Выготский показал, что лишь присвоение значений (т.е. событий) приводит к появлению смысла и СДС как совокупности всех явлений сознания, им, событием, вызванных. И. Пригожин, идя совсем с другой стороны, показал, что новое в системе возможно лишь при условии, что какое-то событие имеет для нее (системы) смысл. Конечно, оба – метафоричны, но суть определена. После этого мы бы рискнули назвать описываемое «теорией Выготского-Пригожина».

Наконец, третье требование, которое прямо созвучно с Выготским: «некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции (развития). Иначе говоря, эволюция (развитие) должна быть нестабильной, т.е. характеризоваться механизмами, способными делать некоторые события исходным пунктом нового

развития, нового глобального взаимообусловленного порядка» [14, с. 48]. Пригожин поясняет это, используя в качестве модели теорию эволюции Дарвина, но, нам кажется, только потому, что не знает Выготского. Ведь развитие психики в онтогенезе с его кризисами – идеальная модель. Речь идет о том, что Выготский описывал как «воронку Шеррингтона» – психика – система, которая открыта широко для «впускания в себя» массы факторов, раздражителей, но события она отбирает сама – это и есть «другая» часть воронки и это есть саморазвитие» [3].

Событием может стать идея, возникшая в диалогическом общении нескольких людей и поэтому, используя терминологию Бахтина, мы можем сказать, что событие «разрывает пропасть» между человеком и миром, человеком и Другим. В целом, мы сейчас уже можем высказать гипотезу о механизме возникновения и психологической сути смысла. Событие (в высказанном смысле), изменяет СДС и мегасистему «психологическая жизнь человека», переструктурирует ее, включая и переструктурирование мозговых систем, и вот сам процесс этого переструктурирования и связанные с этим психологические явления – вот что и есть новый смысл. А поскольку событие (как и вызванные им перестройки связей) есть явления случайные (не-детерминированные) и постоянно происходящие, становится, наконец, понятной загадочная фраза Л.С.: «Нет абсолютных неизменных отношений! Это к дальнейшему: ключ ко все проблемам... нет единой формулы для всех отношений» [9, с. 257]. И поэтому новый смысл появляется (случайно!) после события как изменившаяся СДС. В общем, это и есть «конец определенности» для психологии и, одновременно это есть точка, от которой следует начинать удивительно новый, но адекватный взгляд на особенности высшей психики – т.е. психологии человека. Мы нигде и никогда не найдем здесь математических детерминистских закономерностей (как, впрочем, не найдем их и в мире – можем только придумать, выстроить процессы под заранее сформированную логику. Но она – не будет логикой явлений, она будет нашей логикой, возникшей не в мире, а в голове исследователя). И с этим надо жить. И здесь, как видно, «совершим мы немало открытий, иногда не желая этого». Установив, в общем, родственность диссипативных систем со смысловыми динамическими системами, открытыми Выготским, мы вправе

ожидать, что основные процессы жизни обеих систем являются общими, а значит, имеющиеся в естественных науках данные, могут, в принципе, быть обнаружены и в психологии человека.⁶

В общем, нам необходимо понять механизм существования систем в том их состоянии, когда добавляется смысл и они становятся – СДС. Л. С. Выготский настойчиво проводит мысль, что и понятия, и переживания и сама мысль являются СДС. С этим теперь нельзя не согласиться. И, в то же время, это подкрепляет ту нашу позицию, что поняв жизнь сложных, открытых, самоорганизующихся диссипативных систем с высоким уровнем гетерогенности и нелинейности, мы что-то новое и неожиданное узнаем о психологии человека.

Мы уже отмечали, что такие системы случайно (но обязательно) в своей жизни проходят два противоположных состояния – порядок и хаос. Отмечалось также, что это движение определяется (запускается) событием, порождающим смысл (в психологии).

И. Пригожин отмечает, что система эволюционирует сама к равновесному состоянию. Однако, при определенных условиях этот путь может быть нарушен, и система сама придет к так называемому стационарному состоянию, не зависящему от внешних факторов, в том числе и от времени [14, с. 49]. Здесь же отмечается, что состояние равновесия – это частный случай (что для психологии имеет колоссальное значение). Пригожин объясняет относительность порядка и беспорядка на многих примерах, в том числе и социальных. Мы можем здесь указать на то, что в психологии эта относительность – есть конституирующий принцип психологической жизни человека: например, ясная, жесткая точка зрения на что-либо, обязательно соседствует с массой хаотических переживаний, поскольку наш мир устроен так, что он не терпит и не приемлет абсолютной безоговорочной точности. И человек, за эту жесткость, дорого платит – ведь все мы

⁶ Для скептиков. Может показаться, что, пытаясь найти закономерности жизни СДС, мы лишаемся очень многого – таких вещей, как нежность, ласка, любовь и т.д. Но разве нам мешает ласкать и любить то, что мы знаем как работает у живых организмов пищеварение, выделение, кровообращение etc? Мы хотим научных знаний, которые никогда и никому не помешали любить. Эти рамки – для специалистов.

дети этого мира и все равно вынуждены жить по его законам – законам неопределенности.

В этой связи поднимается проблема сложности. Пригожин отмечает, что физики не могут решить сейчас вопрос, что более сложно и упорядоченно – огромная, по меркам мира и строго упорядоченная молекула ДНК или наименьшая из известных элементарных частиц – барион. Приводится пример мозга человека как противоречивого сложнейшего единства упорядоченного и хаотичного (мозг состоит из 10^{11} степени нейронов и бесконечно меняющихся связей между ними (это уже показали Выготский и Лурия)). По Пригожину, и порядок, и беспорядок являются неотъемлемыми составными частями и продуктом коррелированных эволюционных (развивающихся – авт.) процессов [14].

Важно подчеркнуть мысль Пригожина, что «открытие диссипативных структур (систем – авт.) т.е. структур существующих лишь постольку, поскольку система диссипирует (рассеивает) энергию... было совершенно неожиданным» [14]. И далее: «Под названием «диссипативные структуры» принято понимать организованное поведение, которое может при этом возникнуть (но может и не возникнуть – авт.), знаменуя поразительную взаимосвязь двух противоположных аспектов равновесной термодинамики: диссипации, обусловленной порождающей энтропией активностью и порядка, нарушаемого согласно традиционным представлениям, этой самой диссипацией» [14]. Это – прямо про психологические системы. Более того, мы привели эту цитату с не-психологическими терминами, желая таким образом отметить, как же прав был, на самом деле, Фрейд, который единственный ставил серьезно вопрос об энергетике психосоматической жизни. Жаль только, что вопрос пока там и стоит, как его поставили...

Очень важно для психологии то, что описанные процессы в системе проходят самостоятельно, без какого-либо вмешательства извне. Взаимодействие, таким образом, принадлежит самому поведению систем (т.е. Выготский опять-таки был прав). Это поведение в физике описывается корреляциями (особыми математическими приемами). Нам интересно следующее: система в состоянии равновесия (порядок) характеризуется очень малыми расстояниями между составляющими ее элементами (порядка 10^8 санти-

метра). В неравновесной системе эти расстояния могут увеличиваться до сантиметра). Если это интерполировать на мозговые системы и связи, мы получаем пульсирующий объект, что весьма значительно влияет на поведение и психику: с увеличением расстояния в «орбиту» системы попадают новые центры и тогда возврат к упорядочиванию (сингулярности) будет не «зеркальным», а новым, обогащенным иными состояниями и качествами «втянутых» элементов и, в целом, других систем. В общем, мы тут доказали (с помощью Пригожина), что время не симметрично в психике – любое событие (аффективная вспышка, идея, инсайт etc), заканчиваясь, делает породившую систему другой.

Необходимо отметить, что при этих переходах элементы систем, в них действуют удивительно согласованно (при кажущейся хаотичности). Все описанное происходит в мгновения т.е. этого нельзя видеть: приведем метафору Пригожина «демон, который мог бы наблюдать мгновенное состояние системы, не был бы в состоянии отличить его от равновесной системы... демон увидел бы одинаково запутанное движение молекул, «спешащих» по всем направлениям» [14].

Тут уместно вводится понятие «вихрь». Отметим, что нам также как и пригожинскому «демону» не дано различать порядок и хаос, но, касаясь своей психики, дано хотя бы частично этим управлять. Установлено, что сильно неравновесные нелинейные реакции (а таковы все реакции психического, могут приводить к появлению совершенно новых связей и зависимостей (корреляций)). При определенных условиях, влияющих на равновесия (а таковы – все условия существования психического), стационарное состояние может стать неустойчивым и система «скачком перейдет в новую моду организованной активности» – так называемый «структурированный» вихрь.

Таким образом, утверждает Пригожин [14], сами «сильно неравновесные необратимые процессы ... могут быть источником, т.е. самим условием образования огромного множества типов структурированного коллективного поведения». Таким образом, научно доказывается тот очевидный и, при этом, так и не объясненный психологией факт, что действительным источником поведения и переживания является само же поведение и переживание,

благодаря высокой неравновесности и нелинейности (непредсказуемости)... Мы долгие годы (века) искали источники и объяснения совсем не там, где они находятся. Мы возьмем на себя смелость предположить, что именно к этому пришел ЛС. Выготский, если б знал... Отметим также, что диссертационном исследовании нашей сотрудницы было показано, что конфликтное поведение человека вызывается исходным (т.е. – до) представлением его о том, что взаимодействие будет конфликтным [Кошевая]. Получены и более сложные знания, о которых ниже.

Сейчас важно то, что в результате научного анализа, Пригожин приходит к необходимости «пересмотреть понятие «системы». Он пишет: «Если в состоянии равновесия или вблизи равновесия поведение, по крайней мере по истечению достаточно долгого периода, полностью определяется краевыми условиями, то вдали от равновесия ситуация коренным образом изменяется. С одними и теми же граничными условиями оказываются совместимыми множество диссипативных структур. Это – следствие нелинейного характера сильно неравновесных ситуаций. Малые различия могут приводить к крупномасштабным последствиям. Следовательно, граничные условия необходимы но недостаточны для возникновения структуры. Необходимо также учитывать реальные процессы, приводящие к «выбору» одной из всевозможных структур. Именно поэтому... мы и приписываем таким системам определенную «автономию» или «самоорганизацию» [14, с. 58–59].

Итак, мы ясно видим, что Пригожин, исследуя сильнонеравновесные системы в физике и в химии, приходит, фактически, к людям. Он «приписывает» точно полученные в эксперименте факты этим системам, он вынужден приписывать ибо автономия и саморегуляция это, в общем, параметры психологической жизни человека. Итак, Пригожин через чисто научные исследования приходит к таким системам, с которых начал Выготский, конечно, не имея этого эмпирического материала, которым обладает Пригожин.

Именно сильно неравновесные связи (т.е. связи в МПС в нашем случае) являются непременным условием самоорганизации, но «самоорганизация, в свою очередь, изменяет роль и смысл связей» [14, 59]. Можно подумать, что Пригожин читал Выготского... Если перевести это на язык психологии, получим

«антипедагогику»: чтобы система (СДС) начала самоорганизовываться (человек развивающийся) нужно как можно больше спонтанных форм поведения, его разнообразие – ведь только в этом случае увеличивается неравновесность и увеличивается количество связей. С другой стороны, самоорганизация предполагает свободный выбор как внешний (поведенческий), так и внутренний. Из

этого положения делается весьма серьезный вывод о том, что «именно неравновесные системы становятся чувствительны к факторам, которые оказывают вблизи равновесия пренебрежимо малое воздействие» [14]. Интересно, что в этой фразе, говоря о физико-химических системах, Пригожин берет в кавычки слово «чувствительность»: это означает еще один шаг физико-химии и психологии. А мы этих шагов боимся, хотя написанное о чувствительности диссипативных систем к слабым воздействиям хорошо известны нам даже из жизненного опыта. Чувствительность систем оказывается, по Пригожину очень важным показателем (а ведь это – не физический термин). «Чувствительность связывает то, что физики традиционно разделяли – определение системы (ее составом, отношением с окружающей средой...) и вычисление активности системы в зависимости от ее удаленности от равновесия» [60]. Оказывается, степень удаленности системы от равновесия определяет то, как нам описывать ее отношения со средой и другими системами. Нам представляется, что не учет именно этого положения привел к полной беспорядочности в попытках психологии описать и понять отношения: «человек-среда», «человек-человек», «человек-внутренний мир» (и что уж говорить об описании отношений между отдельными процессами: здесь полная безграмотность и отсюда – отсутствие интереса к этой сфере, а ведь она в психологии – определяющая...)

Любая МПС может (обязательно, но нерегулярно и недетерминировано) находиться в состоянии, близком к равновесию и далеком от него. В первом случае система контролируема, прогнозируема, и даже флуктуации (всплески движения) могут поддаваться управлению и описываться в линейной логике (это – собственно – определенность, с которой мы играемся сейчас, пытаясь что-то понять в психологической жизни человека с помощью линейной логики). Другой логики психология не знает, и это приводит ее к беспомощности и словоблудию.

Потому что чаще (и это убедительно показывает теория систем) такие системы находятся в состоянии, далеком от равновесия, и понять их с помощью математической логики нельзя.

Однако, и в равновесном состоянии мы не можем наблюдать и ожидать моменты столкновения элементов системы, и спонтанного возникновения вихря (хаоса). «Системы, в которых неконтролируемые флуктуации могут усиливаться и играть решающую роль, мы не можем управлять по своему усмотрению. К числу таких систем относятся и сильно неравновесные системы» [14]. Добавим – к числу таких систем относятся все МПС и, в целом, СДС человека. Очень важна следующая мысль Пригожина: «неустойчивость означает, что флуктуации перестают быть просто «шумом» и превращаются в фактор, направляющий глобальную эволюцию системы» [14]. Эта особенность нарушает линейную связь события с изменениями системы и, пишет Пригожин, «привносит в физику некий повествовательный элемент» []. Одно и то же событие, флуктуация может пройти незамеченными в равновесной системе и наоборот, стать ведущим и непрогнозируемым фактором в диссипативной системе. Пригожин говорит о необходимости повествовательности, во-первых, потому что этот вихрь нельзя описать с помощью формул, во-вторых, нельзя прогнозировать направление и все последствия, и в-третьих, потому что это – живой процесс. Т.е., несколько утрируя, скажем – Пригожин говорит о психологических системах. Функции, пишет Пригожин, не могут описывать неконтролируемые системы. «В точках бифуркации, т.е. в критических пороговых точках, поведение системы становится неустойчивым и может эволюционировать к нескольким альтернативам... В этом случае мы можем иметь дело только с вероятностями и никакие «... знания» не позволят детерминистически предсказать, какое именно качество и направление изберет система» [14, с. 61]. Может показаться, что это – приговор психологии и всем МПС. Остается только хорошо испытанное старое – поведение, бессознательное, и, в общем-то все. И это все сейчас круто замешано на феноменологии. И еще – молчаливый уговор – не замечать тех отклонений, поведение которых не вписывается в построенные нами логические схемы... Мы не считаем это приговором. Наоборот, синергетика объяснила гениальные прозрения Выготского и Фрейда. Психология может

быть только естественной и только вероятностной наукой. Ведь в точке бифуркации система имеет как минимум два альтернативных пути движения к очередному равновесному состоянию (на самом деле, путей много больше). И по какому «идти» решает только сама система. И никакие детерминистские умозрения здесь не помогут. Это гениально предвидел Л.С. еще в «Педагогической психологии», когда писал, что воспитание детей должно состоять не в навязывании им (в любой форме) тех или иных способов поведения и переживания, а в создании условий их проявления и помощи приспособить их, не подавляя, к культуре. И. Пригожин, говоря о физико-химических системах, подчеркивает, что «точка бифуркации соответствует ситуации, когда некогда устойчивое состояние становится неустойчивым и симметрично возникает в будущем несколько «возможных устойчивых состояний» [14].

Это есть нарушение детерминистического поведения. Существует один шанс из многих возможных «найти систему за точкой бифуркации» в какой либо форме и активности. «Исход буржуазии также случаен как бросание игральной кости» [14]. Далее, Пригожин пишет, что мы можем нарушить описанный свободный процесс, введя мощный искусственный фактор, который обеспечивает квазидетерминистское поведение системы и его предсказанию. «Но тогда... никакой точки бифуркации не существует: точку, соответствующую бифуркации, система теперь может проходить непрерывно (движение по кругу, вынужденность, отсутствие развития – авт.). Таким образом, восстановить детерминизм можно, не увеличивая наше знание, а существенно трансформируя саму систему» [14]. Это центральный тезис. Если мы перейдем к психологии, считая, вслед за Л. С. Выготский, что высшая психика (психика человека) есть СДС и, по природе своей это система диссипативная, получаем следующее. Сейчас и всегда (исключения все те же – Л.С. и Фрейд) мы не изучаем (увеличиваем знания) о психике как высоконеравновесной и потому – свободной системе, а навязываем ей фактор, ликвидирующий ее свободное существование и развитие (фактор, по Пригожину, ликвидирующий бифуркации и все, что с ними связано). Мы самолично навязываем системе детерминизм, и потому-то не получаем новых знаний о ней, а лишь регистрируем факторы ее «ответа» на вмешательство.

Т.е. знаний, новых знаний – и не должно быть. Особенно в этом преуспевает бихевиоризм, теория деятельности, в том числе (при всем глубоком уважении авторов к Д. Б. Эльконину, В.В. Давыдову и В.В. Репкину) и теория учебной деятельности. А также большинство т.н. коррекционных техник. Все должны понять: внедряя в систему сильный детерминирующий фактор, мы убиваем ее как живую и само-развивающуюся. Каков выход? На этот вопрос дает ответ синергетика (см. далее). Но на него дали ответ Фрейд своей практикой без пристрастно постигать внутренний мир человека. На этот вопрос дал ответ и Л.С. Выготский, правда тут несколько сложнее. Л.С. предложил создавать ситуации, вызывающие развитие (1) и предлагающие множество вариантов этого развития (т.е., по Пригожину, он предложил искусственно создать условия, в которых бифуркации и флуктуации происходили естественным путем но – могли регистрироваться). При этом он предупреждал, что данные, полученные здесь не обязательно есть такими же, как без эксперимента. Но гения просто неправильно поняли... Формирующий эксперимент – вот настоящий демон, с помощью которого дети вынужденно (у них никто не спрашивал) в строго детерминируемую ситуацию, и, поэтому, говорить о их развитии весьма затруднительно. Правда, проблема глубже. Л.С. Выготский понимал, что роль культуры как фактора жизни и развития МПС очень сложна и противоречива. С одной стороны, без присвоения культуры высшая психика вообще бы не возникла, а с другой, культура, все-таки, ограничивающий фактор. Это противоречие, вернее его решение намечено в последних записях Л.С. Выготский и к этому мы еще вернемся. Сейчас интересно, что предлагает Пригожин для «увеличения знаний» о жизни систем без детерминизма.

Претензии «классической науки», по Пригожину, были основаны на достигнутых ею успехах в описании изменяющихся объектов в терминах неизменяющихся законов. О зрелости науки судили по тому, насколько близко они подходили к этому идеалу. Но открытия, сделанные в XX веке (явления бифуркации, теория катастроф Рене Том) буквально взорвали ситуацию: сильно неравновесные системы оказалось невозможно описать в рамках стабильных теорий – они им не подчинялись. Было открыто

необычайное разнообразие ситуаций, возникающих вдали от равновесия [14, с.62]. Отмечается, что «при уходе системы от состояния равновесия она может пройти через несколько зон неустойчивости. В каждой из них поведение системы качественно изменяется» [14, с. 62]. Система может «перейти в хаотическое» состояние, в котором её поведение лучше всего символизирует то новое, что привнесла в концепции порядка и беспорядка сильно неравновесная физика: оба состояния – и порядка и беспорядка – когерентны и оба состояния непредсказуемы» [14, с. 62]. Таким образом, науки, ищущие стабильные закономерности за реальным поведением системы, оказались несостоятельными. К ним относится и психология. Пригожин пишет: «Перед нами скорее вызов, требующий расширения сложившихся представлений о научной рациональности [14, с. 64]. И далее он утверждает, что особенно это важно осознать наукам о человеке. «В еще большей мере сказанное относится к наукам, изучающих человека, язык которого делает его «чувствительным к существованию множества прошлых и будущих и порождает разнообразие интерпретаций настоящего... наш духовный мир, ландшафт нашей дифференцированной чувствительности находится в состоянии постоянной эволюции. Как же мы можем в таком случае априори решать, что человек «стал», как мы можем определить его тождество, если уже о тождестве любой физико-клинической системы может быть определено только относительно ее активности» [14, с. 64]. По Пригожину: «Классически идеал науки – открытие умопостигаемого мира, лежащего вне времени, и, следовательно, лишенного памяти, лишенного истории – напоминает кошмары, рожденные фантазией Кундера, Хаксли или Орзулла... Мы не считаем более допустимым обосновывать подавления памяти или сковывание фантазии ссылками на «идеализацию» как на законную цену научной рациональности. И то, и другое мы должны принимать за то, чем они являются на самом деле, – за искажения, разрушающие именно то, на познание чего они претендуют [14, с. 64] (выделено автором)⁷. В общем, мы

⁷ Обширное цитирование оказывается необходимым. Нам известно много работ психологов, пытающихся «опереться» на достижения современной физики систем. Однако, в них, как правило, «выхватывается» отдельные куски этой теории и «стык» получается чисто механическим и поэтому непродуктивным. Это другая наука и здесь нужна точность, а она постигается только в развернутом

видим – положения Пригожина в полной мере соответствуют учению Выготского о МПС и поэтому есть смысл познакомиться с конкретикой физики высоконервных систем.

Прежде всего определяется точка зрения на простое и сложное. Конечно, это – полюса, и на самом «сложном» полюсе, по Пригожину, находится человек. Однако, не это главное. Классическая наука идет путем разделения сложного на более и более простые составляющие, надеясь там (среди них) найти тайну сложного. При этом устанавливается некая иерархия, наверху которой и находится сложное. Еще Л.С. Выготский предупреждал об ошибочности такого пути, вводя понятие «единица анализа», а также о том, что натуральные и высшие психические функции сосуществуют одновременно и взаимодействуют «на равных» (т.е. никакой иерархии не может быть) [3].

Пригожин также пишет об этом: «В действительности ситуация более деликатна: простое и сложное сосуществуют, не будучи связаны между собой иерархически» [14, с. 65]. При исследовании того, как простое относится к сложному «мы выбираем в качестве путеводной нити понятие аттрактора, т.е. конечного состояния или хода эволюции диссипативной системы [14, с. 65]. Понятие аттрактора «связано с разнообразием диссипативных систем [там же]. Мы попробуем показать, что понятие аттрактора в указанном смысле может очень многое объяснить в развитии психической жизни, увидеть её совершенно новой точки.

В целом, аттрактор описывается как равновесно-размерно-однородное состояние, к которому движется система. Можно сказать, что это – смерть системы как диссипативной (кстати, Л.С. Выготский упоминал о смерти в работе «Исторический смысл психологического кризиса», сетуя на то, что изучая жизнь с ее начала, наука не изучает смерть ни на каком уровне. В «раннем Гамлете» много интуиций Выготского по этому поводу. С того времени кое-что изменилось, но весьма незначительно, а в психологии – вообще ничего – тема почему- то закрыта).

Однако здесь, мы сталкиваемся с острым диалектическим

материале. Кроме того, для гармонического альянса необходимо «ухватить» сам язык другой науки, поэтому мы считаем недостаточным просто отсылки читателя к источнику.

противоречием, которое, как ни странно, современная физика систем решила. О развитии А.Ф. Лосев говорит, анализируя творчество В.Л. Соловьева: развиваться «это значит, во-первых, быть чем-то во все моменты своего развития, а во-вторых, это значит, что каждая точка развития приносит с собой какое-то новое качество, которого не было раньше» [11, с. 99]. Но это не простое сопоставление точек – все они должны быть в развивающемся «уже с самого начала в нерасчлененном виде». И вот только тогда, когда развивающееся содержит в себе в потенциальном все то, чем оно станет в последствии... только тогда и возможно развитие в собственном смысле слова... это развитие должно быть жизнью, а это развивающееся должно быть организмом или существом». И – вывод: «несовершенство жизни можно установить только в результате знания ее совершенства» [11, с. 100].

Приведенное – это как бы половина идей Лосева. В других работах он обращает внимание на относительность понятия «совершенство» и на то, что развитие (становление) есть одновременно и отмирание, смерть. Что главное привносит физика систем в эту диалектику? Здесь открыто, что на полюсе наивысшей сложности (психологическая жизнь человека) живет не одна система, а ансамбль диссипативных систем, и в его жизни полной мерой описанный диалектические закономерности (об этом ниже). Сейчас важно отметить, что взгляды И. Пригожина касаются пока одной диссипативной системы, и, значит, мы еще очень далеки от понимания СДС как их ансамбля...

Вернемся к аттракторам, поскольку это весьма важно. Пригожин пишет; «конечная точка – аттрактор – представляет собой финальное состояние любой траектории в пространстве» [14, с. 66]. По его мнению, подкрепленному расчетами, «не все диссипативные системы приходят к одно единственной точке. Некоторые сложные системы приходят не к точке (смерти), а к устойчивому периодическому режиму, который может быть описан линией (т.е., как мы понимаем, система не умирает, а продолжает жить, но в особом устойчивом, ньютоновском режиме, и ее можно всегда спрогнозировать). Однако и этот режим оказывается устойчивым только в макроизмерениях. Пригожин пишет, что наше «воображение бессильно представить мириады и мириады

молекул, взаимодействующих через столкновения», приводя систему, опять-таки, на грань диссипативности.

Третьим видом аттракторов (для более сложных систем является поверхность или даже объем (отметим, что, конечно, Пригожин «работает» с физико-химическими системами, однако, не так уж трудно найти аналоги в психологии, напр., образ, мысль и т.п.). Но самым интересным, загадочным (и самым важным для нас) является четвертый, так называемый, «странный аттрактор» – фрактал. И. Пригожин: «Полной неожиданностью стало открытие аттракторов, не относящихся к столь простым геометрическим объектам – так называемых, – странных аттракторов». В отличие от линии или поверхности, странные аттракторы характеризуются не целыми, а дробными размерностями. Они являются «фрактальными объектами []». Этот термин был впервые введен в науку Бенуа Мандельбротом, который впервые идентифицировал этот новый класс объектов.

«Как может размерность быть нецелой, т.е. фрактальной?» – вопрос Пригожина. Как и какая система может двигаться в сторону не единства и предсказуемости, а дробности и неупорядоченности? Почему эта дробная неупорядоченность является все же – целостностью? Это вопросы больше для психологии... Фрактал странный аттрактор, потому что он – неопределенность и упорядоченная беспорядочность, которая, к тому же, может изменяться, жить по своим собственным, неясным для нас законам. Фрактал интересен еще и тем, что это – единственный вид неопределенности, который имеет вполне наглядную репрезентацию...

Напомним здесь, что аттрактор (любой из 4-х) это не детерминанта, не импульс и не движущая сила – это одно из (аттракторов много, всех 4-х типов) будущих состояний системы, к которому она идет сама, исходя из законов собственной жизни, если, конечно, не вмешивается очень сильно внешняя детерминанта (см. выше). Итак, фрактал бесчисленно неразмомерен. Размерность определяется количеством переменных. В психологических системах этих переменных бесконечно много и они бесконечно разнообразны. Так появляется дробная размерность, которая, при этом, может поддаваться исчислению. Пригожин отмечает, что открытие фрактальных объектов «позволило по-новому взглянуть на удивительный мир форм,

существующих в природе» [14]. Оказывается, ми и не замечаем, что большинство этих форм не являются правильными геометрическими формами, «но могут быть охарактеризованы дробными размерностями» [14]. Пример – облака, формы морских побережий etc. Сейчас получены, благодаря компьютерной технике, искусственные фракталы (то, чего в природе и культуре Земли мы не наблюдаем). И. Пригожин: «В настоящее время фрактальные объекты часто используются для синтеза изображений и позволяют нам с поразительной легкостью и удивительным правдоподобием строить формы, не поддающиеся ранее глазу и руке искусного мастера» [14].

Очень важно замечание Пригожина о том, что открытие аттракторов с фрактальными размерностями открывает перспективы перенесения исследований «из пространства форм на пространство поведения объектов во времени». Фрактальный аттрактор «обладает необычайно тонкой структурой», которая обуславливает «очень сложное временное поведение».

До этого открытия понятие аттрактора было синонимом устойчивости и воспроизводимости – «выхода на то же самое» при любых начальных условиях», то фракталы порождают такие типы поведения, которые невозможно ни предсказать, ни воспроизвести» [14]. Любой фрактал имеет невообразимо сложную структуру, связанную, к тому же, со временем. «В результате, начальные условия, сколь угодно близкие, но не совпадающие порождают различные эволюции» [14]. Самое незначительное различие в начальных условиях или «Малейшее возмущение не затухает, а усиливается аттрактором. Аттрактор определяет режимы, чувствительные к начальным условиям» [14].

В целом, изложенное сейчас это как гимн новой психологии. Очень предварительно и осторожно на этом этапе нашего анализа, мы можем высказать предположение, что аттракторами психологической жизни человека СДС являются фракталами (чувствительность к начальным условиям и возмущениям, непредсказуемость, адетерминированность, разнообразие разветвлений от точки бифуркации etc.). Однако, это действительно лишь предварительно. Благодаря искусственно полученным фракталам они (без знания сути, как, к сожалению бывает слишком часто в психологии) начали использоваться в психиатрии и психотерапии.

И были, естественно, получены прямо противоположные результаты – психиатры доказывают, что длительное восприятие фракталов негативно влияет на психику, психотерапевты же, наоборот, считают, что они (фракталы) дают позитивный эффект, что для психотерапии стало уже почти общим – там все дает позитивный эффект)⁸. Мы же рискнем сделать еще одно предположение. Можно представить, что рафинированная красота искусства (в отличии от действительности) имеет качественно отличное влияние на человека именно потому что она – человечески фрактальна. Аттрактор (фрактал) который определял создание произведения – человеческий аттрактор, и он имеет какие-то точки соприкосновения с аттракторами каждого из нас и во все времена...

Нам же сейчас важно определиться – не психологическая жизнь человека (СДС) есть фрактал, а фрактал есть аттрактор, к которому она «идет» (у каждого – по-своему). Это очень схоже с последними мыслями Л.С. Выготского о характере – для него характер определяется не прошлым, а будущим. Мы бы сейчас сказали – фракталом. Л.С. Выготский назвал это будущее – «идеальной формой». [] Вообще, понятия «аттрактор» и «идеальная форма» могут синонимизироваться, если понимать их соответственно, как Пригожин, и как Л.С. Выготский. Это доказывается уже самим определением, которое Л.С. Выготский дает понятию идеальной формы: «В среде существует идеальная форма, или конечная форма, которая взаимодействует с начальной формой ребенка и в результате приводит к тому, что известная форма деятельности становится внутренним достоянием ребенка, функцией его личности» [3]. Совпадение поразительное, можно было бы думать, что Л.С. Выготский сейчас (в наше время),

⁸ В целом, ситуация похожа на анекдот, приведенный А.Ф.Лосевым: «Один писатель рассказывает о некоем медике, которому пришлось однажды лечить портного от горячки, так как больной очень просил, при смерти, ветчины, то медик, видя, что уже спасти больного нельзя, дает ему ветчины. Больной покушал ветчины и – выздоровел. Врач тщательно занес в свою записную книжку следующее опытное наблюдение: «Ветчина – успешное средство от горячки». Через несколько дней тот же врач лечил от горячки сапожника. Опираясь на опыт, врач приписал больному ветчину. Больной умер. Врач, на основе правила записи фактов, как они есть, не примешивая никаких умствований, прибавил к прежнему наблюдению следующее: «Ветчина – средство, полезное для портных, но не для сапожников.» [11, с. 29-30]. Не таков ли наш опыт в современной психологии? И не так же ли точно мы этот опыт используем?

опираясь на теорию Пригожина, формулирует сущность психологической жизни человека: здесь и «начальное», и «конечное» существование, движение, развитие. Но главное – Л.С. Выготский совершенно вне детерминизма: идеальная форма не дана, а задана. Причем она – многообразна, она не определяет, а взаимодействует, предполагает себя и путь к себе. Наш анализ показывает, что именно эта идея, это видение было главным для Л.С. Выготского, и именно поэтому его последние заметки посвящены свободному действию человека, и он пишет, что проблема свободы – есть самая главная проблема в психологии человека [9]. (Мы далее будем использовать термин «фрактал» и «идеальная форма» как синонимы в отношении психологии человека).

Ансамбль психологических систем человека (МПС), конечно развивается в направлениях разных (из 4-х известных) аттракторов. Но специфически человеческим (СДС) является «странный аттрактор» – фрактал (идеальная форма). И главное здесь: аттрактор этот одновременно и конечный путь, и, в то же время, сам представляет собой неупорядоченный порядок, дробную постоянно меняющуюся целостность, т.е. – он, в конце концов – не конечный пункт, он – пункт бифуркации (это касается только МПС человека). Так развитие человека, оказывается можно объяснить с позиции современной физики систем, – как бесконечный и бесконечно разнообразный процесс – жизнь. Жизнь здесь понимается, как такое становление, в котором находится и исходное становящееся и то новое, что возникает в каждый момент становления [11]. Что происходит при грубом и резком вмешательстве в этот тонкий деликатный процесс, мы уже писали: система все равно не подчиняется ему, не детерминируется, она переориентируется на более простые аттракторы: точку (и тогда система умирает), линию или поверхность (и тогда она становится равновесной и абсолютно предсказуемой. Не развивается, а идет по кругу (розовая мечта всех авторитарных лидеров – от императоров до диктаторов, мечта «воспетая» в фантастических романах-кошмарах, например – Джордж Оруэлл «1984»). И это уже не интересно, хотя и грустно. На самом деле, «что касается систем, чувствительных к начальным условиям («начальная форма», – Л. С. Выготский), то они не допускают грубого или

операционального описания в терминах детерминистической причинности, для них невозможно определить класс «сходных ситуаций», в которых сходные «причинности» (т.е. сходные начальные условия) влекут за собой сходные следствия [14, с. 70].

Система представляет собой не точку, а некоторую область пространства, содержащую много составляющих (точек), которые движутся хаотично т.е. – непредсказуема. Это – «принципиальная схема» систем, но если это даже одинаковые системы, но «чувствительные к начальным условиям», они претерпевают не одну и ту же эволюцию. Системы движутся по траекториям, которые со временем расходятся. Таким образом, утверждает Пригожин, – «фрактальные аттракторы приводят нас к необходимости пересмотра самого смысла причинности» [14, с. 71]. суть пересмотра – в замене общей детерминистической связи между причиной и следствием качественными различиями между устойчивыми и хаотическими режимами [там же]. Хаотический режим характерен для системы с фрактальным аттрактором. Пригожин определяет хаотический режим системы, когда ее элементы «разбегаются» по системе непредсказуемо и с беспредельным увеличением скорости. Таким образом, в физику диссипативных систем вводится важнейшая переменная – время. Хаос, при этом, оказывается «кажущимся» беспорядком. Как мы понимаем, именно увеличение скорости беспорядочного движения частиц приводит к «уплотнению» времени и... возникает новый порядок. В психологии множество таких явлений. Однако, нам оказывается очень важным введение времени как переменной. Вводится понятие «внутренний масштаб времени» и для хаотических систем, т.е. «интервал времени», в течении которого выражение «два одинаковые» («одни и те же») системы, соответствующие одним и тем же начальным условиям, сохраняет смысл (допускает в определенной мере предсказание) [14, с. 72]. это – очень малый интервал. Для психологических систем, особенно с учетом актуалгенеза, это – МИГ. Если Пригожин доказывает, что для увеличения этого интервала необходимо как можно более тщательное изучение начальных условий, то в психологии это верно лишь отчасти. Во всяком случае, в настоящее время изучить начальные условия жизни МПС представляется проблематичным, а значит, о прогнозе можно говорить лишь

метафорично. Тут уместна мысль Пригожина, высказанная относительно физико-химических систем: чтобы увеличить в десять раз продолжительность интервала времени, в течении которого эволюция системы остается предсказуемой, нам пришлось бы увеличить точность задания начального условия в 9^{10} раз [14, с.71]. Для психологии степень должна быть, как минимум, на порядок выше, что вообще-то, невероятно. Вместе с тем, отметим, что исходя из теории Выготского-Пригожина для психологии особенно важным является изучение начальных условий жизни (развития) системы, как в онто-, так и в актуалгенезе.

Временной горизонт хаотической системы порождает, – считает Пригожин, – принципиальное различие «между тем что можно назвать теперь» – индивидуальной системой, поведение которое мы можем предсказать, используя наше современное и прошлое знание, и «потом» – эволюцией, которая... не допускает описания в терминах индивидуального описания, а только в терминах вероятностного описания» [14, с. 72]. вероятностное описание необходимо для всех хаотических систем, каким бы ни было начальное состояние, если системы характеризуются одним и тем же хаотическим аттрактором – фракталом. Пригожин считает, что развитие – объективно и не связано «ни с каким практическим ограничением и не устанавливает точности наших измерений» [14, с. 72]. И далее – фундаментально: «Существование временного горизонта придает решающее значение всякому ограничению, обусловленного каким-либо измерением или описанием» [14, с. 72]. Последнее – ярко у Л.С. Выготского, который писал что само присутствие и активность наблюдателя принципиально изменяет процесс развития, главным образом, из-за знака [3, т. 3]. Пригожин считает, что это есть определение хаоса «через отрицание как препятствие мешающего предсказанию индивидуального поведения при любом уровне нашего знания» [14, с. 72]. Трудно переоценить значение изложенного для психологии. Оно не решает проблемы, но ставит их по-новому и правильно (пол Л.С. Выготскому – правильная постановка проблемы это самое главное [4]). Например, ситуация выбора – известно, как она трактуется в психологии и что мы советуем делать людям. Но при этом остается вероятным и когнитивный диссонанс, и последствия, и фрустрация,

и закон Зейгарник etc. Т.е. мы – не решаем проблему. Теперь рассмотрим ее иначе. Выбор внутренне есть точка бифуркации: равновесная и, значит, предсказуемая, система начинает движение к аттрактору (фракталу). Превращается в хаотическую систему, которую нельзя просчитать до того момента, когда она соединится с аттрактором и получится новый фрактал, на какую-то часть времени – равновесный. Если психолог знает этот механизм, он совершенно по-другому увидит, поймет и попытается работать с этой системой, учитывая обязательно горизонт времени. Совершенно необходимо знание начального состояния системы. Интересно, что так (конечно, без «терминов») объясняет волевой выбор Л. С. Выготский (по этому пути, увы, никто не пошел). Рассматривается два этапа «волевого выбора». Первый – есть два противоположных желания (Л.С. Выготский назвал это аффектами, понимая под этим много разнообразных энергетически заряженных внутренних стимулов). Каждый из них стремится стать мотивом. Человек не может решить и ищет средство (наипростейшее – жребий) и решает, что если выпадет «орел», он сделает так, ну и т.д. Это – первый совершенно невидимый этап. А второй (тот о котором пишут учебники как о «волевом действии») это уже реализация, т.е. все, что мы называем волей, происходит, на самом деле, интрапсихически (внутренне). А теперь – переведите это на язык Пригожина и убедитесь в гениальности предвидений Л. С. Выготского. Но, главное, теперь стает ясно что, когда и как делать...

С этой точки зрения, кстати, бихевиоризм, конечно, не психология и не наука. Это – жизненная практика, которая имеет исключительно внешнюю ориентацию и вообще ничего научно не изучает (одни догадки и «слова, слова»...).

На простейшем, казалось, бы примере колебания маятника, И. Пригожин показывает как равновесная изначально («теперь») система, живущая в рамках детерминистических, постепенно проходя ряд бифуркаций, превращается в систему хаотическую («потом»), подчиняясь уже совершенно другим законам и, приходя к аттрактору (а здесь таковым есть точка), умирает как система. При этом «забывается» прошлое бифуркации, система случайно переходит от одного состояния к другому, оставаясь очень чувствительной к начальным условиям. И. Пригожин справедливо отмечает, что хаос не касается только микромира. Хаотических систем в природе очень много, и это «вынуждает нас вносить

соответствующие изменения в понятие предсказуемости и вероятностного описания» [14, с. 74]. Вероятности, вообще-то, выражают степень нашего незнания – «слишком много факторов вступает в игру, когда разыгрывается данное событие» [14, с. 74]. Если понимать психологию человека как мегасистему психологической жизни (СДС + организм) можно смело сказать, что мы ее не знаем. Эта совокупность систем («ансамбль систем», – по выражению А. Энштейна), в котором не просто каждая отдельная система живет по вероятностным законам хаоса, но между ними непрерывно устанавливаются и разрушаются все новые связи. Главное, в отличие от систем физико-химических, мегасистема психологической жизни человека испытывает на себе не только внешние влияния (остановить, или, раскачать маятник), но и влияние самого человека... Влияния, которые являются частичными и весьма парадоксальными, как показано будет ниже. Мы согласны с И. Пригожиным, что в этом случае в центр помещается явление случайности, но не в классическом ее понимании. Когда мы имеем дело с вероятностным явлением, речь надо вести не о случайности, подчиняющейся все же логике детерминизма, а значит, и предсказуемой. Необходимо иметь дело с «истинной случайностью» и, считает Пригожин, следует «научиться распознавать различные типы непредсказуемого поведения» [14, с. 75]. Речь здесь о хаотическом режиме, порожденном разными видами аттрактора. Доказывается (и показывается!), что хаотический режим, определяемый относительно простыми аттракторами («точка», «линия», «объем») может, в принципе быть рассчитан, а значит, жизнь системы в этом можно хотя бы частично прогнозировать (кстати, это было бы полезно сделать в психологии). Но вот режим, определяемый «странным аттрактором» (фракталом) в существующей классической логике описать (а тем более, объяснить и спрогнозировать) невозможно. Пригожин ставит проблему распознавания хаотического режима, порождаемого фракталом т.е. фактически, – психологическую проблему. Путь решения: обычно строятся предположения, «оснащаются» математическим аппаратом, чтобы узнать, как изменяются во времени выделенные переменные. В этом же случае так идти нельзя: «мы начинаем с временного ряда наблюдений, и используем эту информацию для реконструкции

уравнений, порождающих такой ряд» [14, с. 76]. Если временной ряд порождается самым настоящим случайным процессом (фракталом), эволюция системы должна описываться бесконечно сложными величинами, т.е. мы имеем дело с бесконечно сложным явлением. А между тем, И. Пригожин пишет: «Априори у нас нет способов, позволяющих судить о том, что просто и что сложно» [14, с. 77]. Более того, в системе может возникнуть «неожиданная простота», и «неожиданная сложность». Прервемся, чтобы еще раз обратить внимание – И. Пригожин удачно пытается изучать реальную жизнь систем, пытаясь понять их логику, а не навязывать свою. Об этом предельно точно сказал еще великий Гете:

«Во всем подслушать жизнь стремясь
Спешат явления обездушить,
Забыв что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать» (Гете, 1997)

Вот эта «одушевляющая связь» интересует Пригожина (как метафора), она же вела Выготского и Фрейда, и она же оказалась выброшенной за ненадобностью «научной» психологией. Она сейчас всплыла в психотерапии (там без этой «связи» вообще делать нечего), кстати, именно это предвидел Л. С. Выготский [4]. Но... всплыла и применяется на уровне житейском, т.к. наука не умеет ее изучить и объяснить. Эта проблема – истинный мотив создания этого текста – нам кажется что Пригожин (с другой стороны, чем Фрейд и Выготский) «ухватывает» эту живительную связь (вспомним – Выготский назвал предметом психологии психологическую жизнь, а не какие-никакие закономерности).

Очень важно и справедливо, что и Пригожин и другие исследователи видят и подтверждают хаотичность не только в микромире, но и во всем мире (в том числе и в макромире). Если мир существует по «правилам» неустойчивых (диссипативных) систем – это не означает, что он неупорядочен. Он – вероятностен, и упорядоченность может быть только случаем, одним из многих других. Это еще значит, что решающую роль в существовании

мира начинает играть время, становясь не фоном (const), а одной из главных переменных. И это также значит, что причинная (линейная) логика не поможет нам: это изобретение человеческого ума, пригодно для организации культуры, но не для ее объяснения, и не для объяснения мира. «Именно квантовый хаос, а не акт наблюдения, опосредствует наш доступ к природе» [14, с. 9].

Исследование, на основе изложенной теоретико-методологической концепции, сейчас проводятся во многих областях науки (кроме психологии, насколько мы осведомлены). Приведем здесь два примера, которые использует Пригожин, с попыткой психологической интерпретации. В области биологии мозга было установлено, что в стадии сна в активности мозга «обнаруживается детерминистический хаос с фрактальным аттрактором в пятимерном пространстве (пять независимых переменных)» [14, с. 78]. Т.е. речь идет о пяти разных фракталах. В то же время в стадии бодрствования конечный фрактал не был установлен (так бесконечно много их оказалось). Тут, мы согласны с Пригожиным, мы имеем дело с бесконечной (истинной) случайностью. Пригожин делает вывод: «Когда мозг взаимодействует с внешней средой, ее активность вряд ли может соответствовать динамически самогенерирующей системе» [14, с. 78]. Т.е. мозг в состоянии активности есть ансамбль диссипативных систем, и это ведет к необходимости пересмотра всей психологической жизни человека.

Другой пример отчасти парадоксален (для классической психологии и психиатрии). Оказывается, при эпилепсии эксперименты показывают существование фрактального аттрактора очень малой размерности (размерность 2). Т.е. психическая болезнь не приводит к хаотичности, а наоборот, коррелирует с порядком, который подчиняется причинности. Парадокс состоит в том, что на поведенческом уровне мы наблюдаем полный хаос и непредсказуемость. Физик И. Пригожин, объясняет это так: «Можно утверждать, что «умственный порядок» патологичен или, как писал французский поэт Поль Валери, «мозг – это сама нестабильность» [14, с. 78]. «Разумеется, – продолжает Пригожин, – такая неустойчивость головного мозга отнюдь не случайна, она следует из той роли, которая биологическая эволюция отвела нашей центральной нервной системе, нашему наиболее чувствительному «интерфейсу» с внешним миром» [14, с. 78]. После анализа

понятия «интерфейс» мы попробуем сделать первоначальный (пробный) психологический анализ того ракурса проблемы, который описывает «теория Выготского-Пригожина». Сам же Пригожин завершает анализируемый раздел следующим образом: «Теперь мы находимся очень далеко от предсказуемого мира, управляемого точечными аттракторами, которые доминировали в равновесной физике» [14, с. 78]. Одна и та же система может быть и предсказуемой и непредсказуемой. «Что же касается живых систем, то они полностью используют это разнообразие» [14, с. 78]. Благодаря такому пониманию, «наш подход к миру становится не столько обобщенным, сколько разведующим» [14, с. 78]. Активность мозга связана исключительно с хаотическими аттракторами (фракталами). И это – тот «звоночек», который пока не хочет слушать психология. Таким образом, уже одноединственное живое существо воплощает в себе контраст хаоса и порядка, и уже одно это создает то, что мы называем гармонией. Этот контраст (скорее парадокс) Пригожин здесь демонстрирует такими примерами: движение Земли вокруг Солнца можно предсказать причинно, прогнозирование климата Земли требует уже вероятностного подхода и учета 7 фрактальных аттракторов, а для прогнозирования климата какого-то региона Земли требуется уже 6 000000 аттракторов и погрешность предсказания удваивается каждые 3 дня! Как еще ярче обрисовать бессилие классической науки?! А ведь речь идет о климате, а не о живом человеке! Отметим, что наука обнаружила, что даже кристаллы (этот извечный символ постоянства) содержат в своей жизни моменты диссипативности т.е. атомы в «узлах» кристалла «склонны» к хаотическому движению, хотя, конечно, здесь «работают» простейшие аттракторы. Но в этом плане наш интерес вызывает направленность физико-химических наук на изучение истории становления кристалла. И в вот этой истории наблюдаются описанные уже хаотические процессы. Важно, что ученые согласны с тем, что суть кристалла может быть понятна только через вероятностное изучение истории его возникновения. Этот историзм (вовсе не детерминантный, а «аттракторный») настойчиво проводил в своей теории и практике Выготский («нет истории, нет развития – нет науки») [9].

Нам представляется, что мы, в общем, очертили теоретический подход Пригожина. Однако для того, чтобы сделать шаг в сторону психологии, необходимо еще ознакомиться с пониманием в этой концепции роли информации, времени и функционированием «ансамбля систем».

Информация, справедливо считает Пригожин – по определению хаотична. Задачу он видит в том «как определить те связи – синтаксические, грамматические или какие-нибудь иные, – которые позволили бы нам опознавать текст, сколь бы «сумасшедшим» не было бы его содержание» [14, с. 81, выделено нами, авт.]. Отмечается как неверный подход к определению сути (смысла) информации с той точки зрения, что он там обязательно есть. Пригожин считает, что в определенных сферах это возможно, но далеко не во всех (и уж точно, не в психологии, добавим мы, хотя сейчас в ней реализуется этот подход, – нарратив). Диссипативный хаос должен играть важную роль в различных сценариях, артикулирующих информацию, т.е. «в сценариях о «генезисе» информации и ситуации, в которых информация играет существенную роль» (т.е. обязательно – в психологических ситуациях – авт.) [14, с. 82]. Сейчас в психологии это не учитывается вовсе, даже в семиотике и психолингвистике.

«Причудливый характер поведения диссипативных поведенческих систем порождает элемент неожиданности, ... сильно неравновесные связи существенно ограничивают разнообразие этого поведения, по сравнению с априорной равновесной вероятностью всех возможных режимов» [14, с. 82]. Вот физик Пригожин и решил указанный нами парадокс – почему при сильном диссипатическом хаосе «внутри» мы имеем вполне определяемую область (упорядоченную) поведения «снаружи». Очень важна следующая мысль Пригожина: «Для того, чтобы хаос мог играть какую-то роль в «генезисе» информации, необходим механизм, позволяющий хаотической активности оставлять по себе «память» в веществе» [14, с. 82]. Выготский нашел (и в этом его величие) этот механизм в психологической жизни человека, и мы попробуем ниже изложить свое понимание этого открытия.

Решение этого вопроса в физике Пригожин связывает с изучением необратимости хаоса, говоря (очень важно!) о ее конструктивной роли. Резюме Пригожина: «без необратимых процессов

невозможно описывать окружающий нас мир» [14, с. 83]. С категорией времени произошла принципиальная метаморфоза. Пригожин пишет, что мир нельзя описать без учета конструктивной роли времени. Но еще от Бергсона сохранялась и работала идея, что «физика обречена на отрицание времени, на сведение становления к повторению одного и того же» [14, с. 84]. Добавим, что «обречена» была не только физика... это длилось (как считает Пригожин) до 60-х годов XX века. Здесь мы вынуждены привести большую цитату, т.к. она еще и весьма поучительна. В 1986 г. Джеймс Лайтхилл, президент Международного союза теоретической и прикладной механики сделал значимое заявление: «Здесь я должен остановиться и снова выступить от имени широкого всемирного братства тех, кто занимается механикой. Мы все глубоко осознаем сегодня, что энтузиазм наших предшественников по поводу великолепных достижений ньютоновской механики побудил их к обобщениям в этой области предсказуемости, в которые до 1960 г. мы все охотно верили, но которые, как мы теперь понимаем, были ложными. Нас не покидает коллективное желание признать свою вину за то, что мы вводили в заблуждение широкие круги образованных людей, распространяя идеи о детерминизме систем, удовлетворяющих законом движения Ньютона – идеи, которые, как выяснилось после 1960 года, оказались неправильными» [14, с. 85, выделено нами – авт.]. Высказанное уже не имеет характера взрыва сейчас (уже все образованные люди это знают). Отметим следующее – как мы указывали, еще в 20–30 гг. XX ст. В. И. Вернадский предсказал то, что стало ясно после 1960 года (т.е., физике тоже свойственна некоторая инертность мышления, а не одной только психологии). И второе – дождется ли психология такого фундаментального и, в то же время, деликатного извинения за нас за всех?

Во всяком случае, сейчас мы должны найти мужество признать: если мир устроен не так, как думали до середины XX века, то и человек как часть этого мира «устроен» совершенно иначе, чем кажется психологии. Именно это признание и его глубокая рефлексия, позволит нашей науке сделать решительный шаг... Признание редкое, что и говорить. Пригожин пишет, что лишь « в весьма редких случаях эксперты признают, что на

протяжении трех веков заблуждались... и что «детерминизм применим... «только в весьма ограниченном круге ситуаций» [14, с.85]. Быть может в психологии ситуация даже в какой-то мере лучше. Л.С. Выготский подметил это стремление самых мощных течений (психоанализ, бихевиоризм, гештальттеория etc) к всеобщности, но здесь так, как у Ньютона не получается – есть конкуренция, а значит движение и, значит, надежда. И одно должно насторожить: представители практически каждого из направлений (в т.ч. и современных) подходили к попытке прогнозировать поведение и переживания (опять таки, кроме Выготского и Фрейда) и все они заканчивались неудачей. Уже это должно показать – психологическая жизнь человека не совершается по законам детерминизма.

Нас, в контексте последних задач анализа, интересует, как это ни покажется странным, возникновения хаоса на микроскопическом динамическом уровне («странность эту мы объясним ниже).

С помощью специальных идеализированных систем микромира, показано, что поведение отдельных систем хаотично и поддается только вероятностному описанию. В то же время, поведения ансамбля систем – детерминировано, а значит упорядочено. Для психологии это имеет огромное значение. Следует отметить также то, что касается метода исследования. Пригожин: «в случае хаотических систем понятие точки и детерминистической траектории становятся «незаконными» идеализациями. Начальные состояния возникают из наблюдения или в результате специального приготовления и всегда заданы с конечной точностью. Следовательно, мы задали начальное состояние системы, в некоторой конечной области» [14, с. 96]. Мы понимаем это так, что в психологии мы всегда искусственно создаем состояния системы, чуждое ей, а задавая его, мы уже имплицитно намечаем детерминистически возможные движения системы. Точность в ходе процесса постоянно уменьшается, и мы приходим (или не приходим) к результату своего ожидания. Т.е. жизнь психологической системы как таковая остается неизвестной. Иначе говоря, получается метафора, которую использует Пригожин: волокно (предмет исследования = психологическая система) на самом деле растягивается и все его точки имеют разное будущее. В исследовании же мы создаем условия (чуждую системе), когда

волокно сжимается и все точки приходят к одному будущему, – одному из тех, которое мы уже заранее «нарисовали» детерминистически. Это, конечно, говорит о полной неадекватности метода и объекта как такового. Кроме того, мы исследовали системы, которые Пригожин называет отображенными, и основная особенность их – дискретность во времени (т.е. мы просто вырываем из потока времени отдельные длениа). На самом же деле, психол. Системы не являются отображенными, в них время действует непрерывно, и фундаментальную роль здесь играют неустойчивость и хаос.

В терминологии синергетики, речь может идти об интегрируемых и неинтегрируемых системах. Первые исключают взаимодействие, и они, собственно есть модели, которые мы изучаем в психологии. Психологические системы (если их понимать по Выготскому) относятся к неинтегрированным. В них взаимодействие играет решающую роль, причем как показал сам Выготский и взаимодействие это постоянно изменяется и «пространственно» и содержательно. Также системы могут описываться только вероятностно... Сейчас в психологии (даже в ее наиновейших вариациях, как герменевтика) осуществляется именно детерминистический подход (мы делаем предсказание и встречаемся со своей мыслью в конце). При этом не учитывается параметр времени, а сами события фактически отождествляются с производимыми нами измерениями, т.е. – изучается наблюдатель. Задача состоит в том, чтобы сменить позицию и изучить собственные значения психологических реальностей. Сама психология сделать это не в состоянии, именно поэтому (повторимся в который раз) мы обратились к науке, которая это сделала! Пусть не смущает читателя тот навязчивый (скорее навязанный) факт, что физическая (телесная) и психическая (идеальная) реальности уже так далеки друг от друга, что ни о каком серьезном объединении наук не может быть и речи. Это – примитивный механизм, за который удобно прятаться. Мы докажем это фактически (т.е. эмпирически) чуть позже.

Психология, увы, не знает вероятностных описаний, поэтому приходится «переводить» из физики. И. Пригожин – «мы приходим к необходимости применения «принципиально вероятностных описаний, т.е. вероятностных описаний, не сводимых к описанию в

терминах отдельных траекторий» [14, с. 100]. Выражение «отдельные траектории» в психологии, нам кажется, может означать следующее: в психологической системе нет такого, что каждый процесс, каждая точка движется сама по себе (по своей траектории). Полемика Л. С. Выготского с К. Левиным очень показательна в этом смысле (это была последняя работа Л.С. Выготского). Левин выдвинул гипотезу, что умственная отсталость детей обусловлена не недоразвитием собственно мышления, а недоразвитием сферы мотивационной (желание, цель, интерес – все это в то время именовалось одним словом – аффект). И К. Левин получил подтверждение своей гипотезы в целой серии экспериментов. Т.е. мы можем сказать сейчас, что Левин подошел очень близко к тому, что в психике нет отдельных, четко определенных траекторий: на выходе (в поведении) мы видим умственную отсталость, а определяется она вовсе не слабостью ума. Выготского привлекли эти эксперименты (он был очень дружен с К. Левиным), он повторил их, несколько модернизировав. Результаты были блестяще интерпретированы: Л. С. Выготский показал, что у умственно отсталых отношение интеллекта и аффекта, действительно строятся по Левину. Но (!) они не остаются стабильными и могут меняться. Поскольку это было доказано эмпирически, мы можем смело говорить о том, что Выготский первым осуществил переход, который мы здесь так тщательно и долго описываем: он показал, что МПС – сложно объединенная система диссипативной природы, и в ней нет того, что мы ищем – отдельной траектории. (отдельного движения), жестко выходящего на поведение. Справедливости ради, следует отметить, что Выготский показал это и раньше, в «Мышлении и речи», когда (опять таки, строго научно) показал, что значения слов изменяются. Глубину этого открытия чувствовал, видимо только сам Выготский, который в совершенно не свойственной ему манере, в нескольких местах написал, что это изменения – главное открытие, которое сделал он и его сотрудники. Увы, мы до сих пор не понимаем, что это и действительно гениальное открытие, и как много могут дать исследования проводимые в этом направлении (исключение – опять таки А. Р. Лурия, который это реализовал в психопатологии мозга, но и его работы как-то не хотят использовать для изучения нормы).

Итак, вероятностный строго научный подход к описанию жизни психологических систем был все же открыт и реализован (К. Левин, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия [13]). Но это был лишь первый шаг, не имевший продолжения.

Итак, психологические системы относятся к неинтегрированным. Что это нам дает? Принципиально, это значит, что МПС (а в целом – мегасистема – психологическая жизнь человека) эволюционирует вероятностно и с нарушением симметрии во времени. Это, в свою очередь, означает, что мы должны изменить свое мышление по отношению к изучению психологических систем. И изменения это кардинально, и вот почему: И. Пригожин приводит мысль П. Дэвиса: «... Проблемы физики очень малого и очень большого трудны, но, быть может именно здесь проходит граница – своего рода интерфейс между духом и материей – граница, которая окажется наиболее многообещающим достоянием Новой Физики [14, с. 112]. Тут мы подошли к такого уровня важности и сущности проблемы, которого честно говоря, не ожидали. Это ведь основной философско-религиозно-научный узел! Это – подоплека того, на чем настаивал Спиноза. Граница ведь эта – не пропасть – это условная линия, условно соединяющая и разделяющая одно и то же. И ведь речь – о духе и материи! Этот переход предвидел авторитетный диалектик А.Ф. Лосев, когда написал: «непосредственная данность (материя– авт.), если вы хотите ее осознать, превращается в некую абстрактную структуру, представляющую собой полную параллель ощущаемого предмета, но в то же время данную в некоей осознанной и логически обоснованной форме (дух – автор) [12, с. 25]. Итак, вот переход как предмет психологии. Переход, соединяющий две формы одной реальности. Уже приводилась фраза Выготского: «Как наглядный образ превращается в смысл?». Значит, переход не один. Это, нам кажется, вообще – общенаучная и общепсихологическая проблема. Физика научно пришла к открытию интерфейса, чем фундаментально подтвердила монизм Спинозы: если возможен переход – перед нами две разные формы одного и того же, а не два разных... Но это касается не только физики – психология вся посвящена этому (см. вопрос Л.С. Выготского). Есть еще и третья сторона: вся наука и вся наша жизнь такова – мы познаем только благодаря процессу перехода и, на самом деле, только этот

процесс и делает возможным познание (переход материальной формы в идеальную и обратно). Но нам, видимо не дано познать материальное как таковое без перехода (да есть ли в нем, что познавать). Открытие интерфейса дает новое направление – надо осознать само свое сознание («теория стекла» Выготского). Поэтому, сама постановка проблемы интерфейса в центр познания (как реального объекта познания) есть достояние не только «Новой Физики», но должно стать достоянием «Новой Психологии».

Пригожин логично «связывает» интерфейс с проблемой познания вообще и проблемой времени в частности.

«Интерфейс между духом и истерией» лежит также в самом центре парадокса времени. Если стрела времени должна быть связана с нашей человеческой точкой зрения на мир, управляемый симметричными во времени законами, то сама возможность познания становится парадоксальной, поскольку любой акт измерения означает необратимое воздействие с миром» [14, с. 112]. Оказывается, что если мы хотим что-то узнать об обратимом, т.е. – реально происходящим процессом, то это возможно только через обратимый процесс. В связи с этим, в физике, в свое время возник «свой» агностицизм. Так, Паули, написал: «нечто реальное происходит только в том случае, когда производится наблюдение... Между наблюдениями вообще ничего не происходит» [14, с. 113]. А во время наблюдения мы как бы искусственно прерываем (или заменяем) естественный ход процесса, т.е. изучаем не то, что хотели. Конечно, обычный житейский опыт указывает на неправду Паули, однако проблема все же есть. Нам кажется, что Пригожину удастся прийти к ее решению: сама наша логика, сам подход должен соответствовать логике объекта (об этом не раз писал и Выготский), а последнее говорит об асимметричности, обратимости времени, о хаосе и аттракторах, фракталах, etc. Конечно, эта задача трудная и, мы бы сказали, больше психологическая. Пригожин решает ее в области физики, непроизвольно заставляя нас изменять логику воззрения на мир: неопределенный, неравновесный, ассиметричный, индeterminированный и событийный. Но, значит, такова и наша психика. Поэтому мы считаем правильным полностью перенести на психологию следующую мысль Пригожина: «микромир, как впрочем, и макромир, всегда находятся в становлении, а становление

немыслимо без события... и именно через событие мы получаем доступ к макроскопическому миру» [14, с. 113].

Здесь все – про психику человека. И последнее, что нам осталось, это обосновать гипотезу, что психологическая жизнь человека и есть «интерфейс» (переход) материи и духа. Для этого нужно предположить, что в действительности психологическая жизнь человека протекает на микроуровне (1) и что материальное (телесное) есть обязательным участником этой жизни. (2) Поведение во всей его полноте (включая и вызванное специально организованной интервенцией) есть лишь внешнее видимое становление, которое, однако, таковым не является, поскольку подчинено законам детерминизма.

Методы мышления, задаваемые синергетикой (а в свое время, в другом виде – Выготским) «первоначально предложенные для решения парадокса времени, затрагивают как концептуальные, так и технические аспекты... Они позволяют в значительной мере исключить концептуальные проблемы, поскольку приводят к реалистической теории, не апеллирующей к «наблюдателю», и кроме того, позволяет распространить квантомеханические методы на более широкий круг динамических проблем» [14, с. 115].

Основной задачей квантовой теории сейчас является изучение собственных значений, а не проверка изначальных предположений. Но ведь это – и задача психологии – описать и изучить то, что происходит на самом деле, а не найти подтверждение (опровержение) собственных или общепринятых предположений. И в психологии (как и в квантовой физике) это будет определение вероятности, что «означает «встречу» двух времен: одного, идущего из прошлого, с другим, идущим из будущего» [14, с.119]. Вероятности, полученные таким путем, характеризуются нарушенной симметрией во времени. Для рассмотрения хаотических систем необходимо перейти к «более общему пространству», которое определяется и направляется такими неопределенными аттракторами как фракталы. В общем, мы получаем, вроде бы, описание жизни диссипативной системы. Но остаются еще проблемы, связанные с реальностью, ведь система наблюдается и в ней происходят события. И то и другое является внешним для системы. Т.е., все же, является ли система такой как есть во время наблюдения, и детерминирует ли ее

событие? И. Пригожин справедливо считает, что «возвращение к реализму не означает возвращение к детерминизму» [14, с. 135]. Приводится мысль К. Поппера: «Весьма вероятно, что мир оставался бы таким же индетерминистичным, какой он есть, даже в том случае, если бы не было «наблюдающих» субъектов которые экспериментировали бы и взаимодействовали с ним» [14, с. 135]. Пригожин добавляет: «события происходили бы, даже если бы наблюдающего субъекта не было» [14, с. 135]. Эти мысли доказываются эмпирически точными экспериментами и расчетами, и мы вправе их взять в психологию уже по той простой логике, которую не раз уже упоминали – психика человека в основных своих узлах такова же, как и весь мир, частью которого она является. Это значит, она тоже индетерминирована, событийна и фрактально направляема. Так что трудность, казавшаяся долгие годы (столетия) неразрешимой – устраняется. Фактически, решается не только физическая, а общенаучная задача Гейзенберга на изучение собственных значений систем в их динамике вопреки поиску ответов на свои умозаключения, к тому же имеющие явно детерминистскую природу... Для этого был введен термин «ансамбль систем» (он, как мы видим достаточно точно описывает психологическую жизнь человека, определяемую не только системой, и не простой их совокупностью, а именно ансамблем, т.е. гармонизированной мегасистемой). Гармонизация ансамбля систем человека (МПС), считал Выготский, достигается тем, что МПС объединена смыслом, отсюда его последний научный термин – смысловая динамическая система (СДС).

Однако, пользуясь понятием ансамбля, можно описать поведение лишь интегрированных систем, в которых можно пренебречь взаимодействием отдельных составляющих, и которые могут прийти в состояние равновесия и подчиняются, тем самым, детерминистическим законам, как показывает опыт, психологические системы этим двум параметрам не удовлетворяют. По крайней мере, так считал Выготский, если анализировать его теорию психологических систем. МПС – неинтегрированные системы, причем, дело усложняется тем, что их жизнь проходит так, что мы не можем игнорировать не только взаимодействие частиц системы, но и постоянное взаимодействие между системами при постоянном же изменении качества самих

связей (как между элементами, так и между системами). Кроме того, фрактал является здесь не только аттрактором, но и узловой содержательной единицей МПС.

В физике решен вопрос изучения неинтегрированных систем, хотя и не такой сложности. Нам необходимо использовать этот опыт. И. Пригожин придает особое значение этому решению, говоря об общей формулировке законов природы (а, значит, и психологической жизни). Это – вероятностное описание, которое остается в силе при любых временах. Имеется ввиду описание хаотических систем. Хаотическими он называет все системы, которые приводят к несводимому представлению в терминах вероятности [14, с. 163]. Несводимым является описание, которое не приводит к константе, вытекающей из детерминистских законов. Отметим, что таковы все описания в психологии, если на них смотреть объективно, а не подчиняясь заранее принятым детерминистским рамкам. Динамические системы микромира являются хаотическими (в них, повторимся, состояние хаоса и упорядоченности сменяют друг друга, подчиняясь собственным законам, в рамках описанных уже параметров). И. Пригожин называет три основных ключевых момента, которые необходимо учесть: высокая чувствительность к начальным условиям, особенно, к слабым воздействиям; нарушение симметрии во времени и необратимость (Пригожин отмечает двоякую роль времени – во-первых, отмеривание определенных промежутков и, во-вторых, различие между прошлым и будущим); наконец, существование непрекращающегося взаимодействия, которое является основным условием существования и описания данных систем (хаотических).

Итак, хаотическая система может быть описана только в несводимых вероятностных представлениях. Мы считаем важным для психологии то, что роль «прибора», благодаря усилиям физики, перестала быть решающей: мир следует одним и тем же законам с измерениями и без измерений. Особенно это важно для психологии, где «прибор» – такой же человек, а значит с ним происходит то же, что и с испытуемым. Но это далеко от старинной интроспекции – мы говорим об объективно протекающих процессах. Пригожин пишет: «вокруг нас простирается мир, в котором есть место порядку и беспорядку, одни части которого

находятся в равновесии, а другие далеки от равновесия... хаос является исходным пунктом физического реализма» [14, с. 184]... и психического, добавим мы, поскольку психологическая жизнь человека – часть этого мира.

Очень важным мы считаем взгляд автора на начало развития жизни системы. Рассматривая это на примере мегасистем, Пригожин приходит снова к идее сингулярности и особой важности показателей времени и неустойчивости. Началом является, собственно, не некая точка, с неимоверно высокой плотностью, в которой происходит Большой взрыв. Началом есть неустойчивость, в которой рождается время, т.е. – начинается жизнь системы. Применение этой теории в психологии по-новому объясняет не только онтогенез: мы начинаем понимать и актуалгенез, ведь такие периоды особенно высокой неустойчивости МПС сопровождают всю жизнь человека. Но и это не главное – ведь Выготский доказал, что именно возрастной кризис (т.е. – период наивысшей неустойчивости систем) фактически запускает новый период генеза – жизни. Главное для нас здесь то, чему в психологии вообще не уделяется внимания: краткий период сингулярности (наивысшей плотности и неустойчивости) – это период, когда рождается время. «Рождается» здесь следует понимать в самом прямом смысле: человеческая психика рождает время и его протяженность... Этот период, в котором различия (расстояния) между пространством и временем равно нулю (отсутствует) есть то, что называют событием. Как сказал поэт: «Времени не было, – это было любовью. Только перед нею оно останавливается»... (Н. Кашпуров). Мы теперь можем сказать, что фраза эта не столь уж и метафорична, как думалось раньше. Это – важнейший момент, кстати, предсказанный диалектиком А. Ф. Лосевым. Пригожин удачно назвал это направление «вторжением времени в область науки» [14, с. 191].

Пригожин пишет: «в какой бы временной шкале мы не измеряли возраст тех или иных событий, существование некоего начального или первичного события, знаменующего рождение нашей Вселенной (рождение времени – авт.)... принадлежит к числу наиболее неожиданных результатов, когда-либо полученных наукой» [14, с. 192]. Но разве начало есть принадлежность только физического мира? Разве нет начала у психологической жизни

человека, и что, собственно, мы об этом знаем? Это, во-первых. Во-вторых, диалектика (в отличии от физики и других наук) отвергает константность: если было начало, значит оно откуда-то взялось, значит было еще что-то до начала, что-то такое, что дало начало... об этом пока не говорит никто. И, наконец, в третьих, излагаем здесь научные данные и выводы, кроме того, что они отображают объективное положение вещей, разве не есть при этом продуктом психологической жизни? И если вдуматься, здесь мы опять преодолеваем метафоричность выражения «человек – средоточие всей Вселенной». Это – буквально. Ведь познать нечто можно только с помощью того, что выше, более развито, чем нечто.

Однако именно в физике установлена очень важная закономерность, касающаяся всех систем (а, значит, и МПС): равновесие наступает в результате хаоса, неустойчивости. Значит, мысль (упорядоченная уравновешенность) возникает из хаоса и уже одно это может сильно смутить психологов... а ведь это – объективная истина (а человек, писали мы, и его психологическая жизнь есть частью этого мира, его жизни. Значит объективные законы касаются и его... Все дело в том, что Проблема времени, так или иначе, выходит на первый план. И именно она приводит нас к абсолютно неожиданному и поразительному выводу. Анализируя космологическую проблематику, Пригожин приводит следующие цифры. Рождение нашей Вселенной (начало) состоялось примерно 15 миллиардов лет назад. Это, сравнительно небольшой срок, считает Пригожин, «если вспомнить, что в атоме водорода электрон совершает в секунду (!) около десяти тысяч миллиардов оборотов вокруг ядра» [14, с. 192]. Мы обращаем внимание читателя на то, какова же должна быть скорость этого электрона!? Современная физика может изучать частицы, которые появляются через 10 секунды после рождения Вселенной, и мы опять обращаем внимание на скорость. Модель, представленная Пригожиным, не связана с так называемым Большим взрывом. Вселенная не рождается из «ничего», «квантовый вакуум – отнюдь не ничто [14, с. 203]. « стрела времени уже существует в нем (в вакууме – авт.) в латентной форме, но проявляется, только когда неустойчивость приводит к рождению новой Вселенной» [14, с. 204]. Итак, появлению вселенной (организованной системы)

предшествует время и неустойчивость. Достижение максимальной неустойчивости во времени рождает систему. Энергия переходит в материю. Нам могут возразить, что это не имеет отношения к психологическому, поскольку, поскольку ее объект нематериален. Мы постараемся показать, что описанные события и процессы, напротив, имеют самое прямое отношение к нашей науке. Неустойчивость развития системы приводит к необратимости, а значит, к нарушению симметрии времени. Именно это очень важно для нас сейчас. Пригожин совершенно справедливо считает, что «формулировка законов природы как несводимых вероятностных представлений влечет за собой поразительные следствия» [14, с. 210]. В частности, «вместо посылок дедуктивного вывода, мы можем надеяться обрести принципы согласованного повествования, из которых следовали бы не только законы, но и события, что придавало бы смысл вероятностному возникновению новых форм как регулярного поведения, так и неустойчивости» [14, с. 210]. Как отмечал С. Хокинг, если бы такая теория развилась основательно, то ученые из всех областей науки и даже простые люди смогли бы ответить на вопрос, почему произошло так, что существуем мы и существует Вселенная. «И если будет найден ответ на такой вопрос, это будет полным триумфом человеческого разума, ибо тогда нам станет понятен замысел Бога» [14, с. 211].

Мы живем во временном мире, где неравновесность приходит к самоорганизации, которая в свою очередь ведет к новой (не прежней!) неравновесности. «Вторжение» времени в физику, считает Пригожин, приводит к совершенно новым подходам и открытиям. И не только в физике...

Через понимание временного горизонта неустойчивости стала рассматриваться как ограничение, вызванное чувствительностью и начальным условием. «Теперь мы вышли за рамки негативных утверждений, и пришли к формулировке законов природы, охватывающих хаос и стрелу времени» [14, с. 213]. Далее подчеркивается, что преобразование самого смысла хаоса «от препятствия на пути к познанию до нового объекта познания является наиболее фундаментальным и неожиданным решением проблемы парадокса времени» [14, с. 213]. В связи с этим трактуется понятие благоприятной возможности (возможности исследования) как

происходящий во времени диалог, в котором «оперирующее символами мышление играет существенную роль» [14, с. 213]. Раньше мы это считали помехой. На самом деле, по Пригожину (и по Л.С. Выготскому), «символьное мышление создает мир, который в одно и тоже время, беднее и упрощеннее, богаче и интенсивнее» [14, с. 213]. В этом смысле воплощенную в символах мысль Пригожин сравнивает с произведением искусства (с этого начинал и этим закончил Выготский). «Подобно производству искусства она имеет свои ограничения. Она возбуждает и чувства восхищения и чувство неудовлетворенности. Она бросает нам вызов, побуждая идти вперед» [14, с. 213]. В общем, как видно, это вполне совместимо Л.С. Выготским. Но Пригожин заменяет их «совместную» идею на проблему времени: «Время не может возникнуть из вне времени. Вневременные законы нельзя считать окончательной истиной, ибо такая истина делает нас чужими в этом мире и сводит к простой видимости многообразие наблюдаемых явлений» [14, с. 213].

...Так физик Пригожин пришел к тому, что современной физике, чтобы идти дальше, нужна адекватная психология...

Это подчеркивается в приводимом автором высказывании Р. Пенроуза: «Наше сегодняшнее непонимание фундаментальных законов физики не позволяет нам схватить понятие «разум» в физических или логических терминах» [14, с. 213]. И далее очень важно: «...наша физическая картина мира в той своей части, что касается природы времени, чревата серьезными потрясениями, еще более сильными, чем те, что были вызваны теорией относительности и квантовой механикой» [14, с. 213]. И конечно, прав автор, что нам необходимо новое понимание этих фундаментальных законов. Это понимание приводит к возможности решения трех главных парадоксов науки: парадокса времени, квантового парадокса и «до некоторой степени космологического парадокса» [14, с. 214]. Тут физика подходит к необходимости изучения феноменологических законов нарушения симметрии во времени.

Пригожин справедливо считает, что «именно к ... феноменологическому уровню относятся описания жизни» [14, с. 124]. Пригожин считает, что «Здесь мы снова встречаемся с традиционным декартовским дуализмом между материей, характеризуемой

протяженностью, и человеческим духом с его способностью мыслить» [14, с. 214]. И в этом смысле, мир оказывается действительно непознаваемым (и человек, как часть мира), и правы организаторы Нобелевской конференции, что мы подошли к «концу науки» [14, с. 215].

Оставим на время текст Пригожина и рискнем отметить: в последних цитатах он, незаметно для себя, высказал две чисто психологические грандиозные фундаментальные проблемы. Во-первых, чтобы наука развивалась дальше, нужно совершенно новое, построенное на последних ее достижениях, изучение «разума», т.е. – психологической жизни человека. И исходным здесь является принятие того факта, что, поскольку эта психологическая жизнь протекает в мире и есть его частью, в ней действует, в конечном счете открытые закономерности. Это – кардинальная (для кого-то – катастрофическая) перестройка мышления исследователя. Во-вторых, следует в конце концов искоренить (выбросить из себя) совершенно извращенную мысль Декарта о дуализме (конечно, отдав ему должное – четыреста лет она, эта мысль, правит миром). Надо вспомнить, что рядом с Декартом стоял (и до сих пор стоит) Спиноза, который высказал совершенно трезвую мысль, что нет никаких двух субстанций, а есть всего одна, и имя ей – Природа. И значит она живет по единым законам! А то, что она содержит в себе два атрибута (тело и разум) означает только то, что кроме общих законов жизни есть и свои собственные законы у каждого атрибута, но, хотя они и разные, - в сути свое они представляют единство. Это, конечно, принять труднее, чем «элементаризм» Декарта, но принять необходимо – иначе мы так и не узнаем человека, а значит – действительно конец науки.

Сам Пригожин пишет об этом. По его мнению, мы пришли не к концу науки, а «к концу представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистических законов, открытием бытия за рамками становления» [14, с. 215]. Иными словами, мы в этом случае, минуя описания процесса, приходим к своим же ожиданиям, созданным еще до исследования. Пригожин пишет про это: «слеп был бы тотрабовладелец, который считал бы, что он понимает своих рабов, поскольку они подчиняются его приказу и следуют установленным им правилам»

[14, с. 215]. (А не так ли мы «понимаем» своих учеников, друзей, самих себя, наконец?). Это и есть точка, на которой уже, считай полтысячи лет стоит психология. Она стоит над самой бездной. И вот здесь (в отличии от физиков, которые смогли-таки изменить свое мышление) действительно возможен конец! И он уже «начался» бурным проникновением в психологии всего не значит, анти-психологического (в смысле – антинаучного). Ведь на чем это стоит? Пригожин остроумно пишет: «Мы отказались бы признать настоящей кошку, поведение которой всегда было бы непредсказуемым» [14, с. 215]. В. Набоков более основателен: «То, что полностью контролируемо, никогда не бывает вполне реальным. То, что реально, никогда не бывает вполне контролируемым» [14, с. 215]. Вот эти две фразы – и оказалось, что карточный домик под красивым названием «психология», полностью развалился: Мы совсем не изучаем процесс, мы забыли заповедь Л.С. Выготского, что только изучение процесса даст нам реальное знание [3, Т. 3]. А процесс здесь в сути своей – процесс (жизнь) природных систем, идущей в рамках установленных физикой микромира – он адетерминичен, асимметричен во времени, неравновесен, нелинеен, несводим, неинтегрирован etc. И задача здесь – также задача Гейзенберга – описать процесс в его собственных значениях (а не в наших придумках и ожиданиях!). Для этого, считает Пригожин, необходим даже в физике на данном уровне развития – открытый и незаангажированный диалог с природой. А как же он необходим в психологии...

Главное: полученные несводимые законы, учитывающие асимметрию времени и неинтегрированность диссипативных систем. Установлено, что «смысл хаоса состоит не в том, что он ставит предел нашему знанию – хаос позволяет по-новому сформулировать то, что нам надлежит познать» [14, с. 217]. Установлено, что «не существует конечной аксиоматической системы, в рамках которой были бы разрешены все проблемы» [14, с. 218]. Поэтому, считает Пригожин, отношения между проблемами и средствами их решения – процесс открытый и творческий, «способный служить великолепной иллюстрацией творческого созидания человеком смысла, свободного, и в то же время, ограниченного решаемой задачей» [14, с. 218]. Роль времени неопределима: «неустойчивые хаотические системы ассоциируются с

понятием вероятностного времени, подразумевающего нарушение симметрии между прошлым и будущим» [14, с. 218].

Вопрос целостного подхода Пригожин намечает метафорически: «С возрастом мы стареем, но этот процесс затрагивает не отдельные атомы и молекулы, а отношения между ними» [14, с. 218]. Это уже просто фраза Выготского.

Сам процесс творчества оказывается «обусловлен тем, что мы погружены в разделяемый многими мир значений, проблем и отношений» [14, с. 219].

Современная физика избегает парадокса, низводящего время до иллюзий, относя человеческий опыт к некоторой субъективности, лежащей вне природы. Показано, что этот парадокс надуман (Декарт, Ньютон) с целью получить, якобы абсолютно «чистые» законы природы. Итак, Пригожин сам уходит и уводит науку от навязанного дуализма.

Резюмируется роль аттракторов (фракталов), когда система находится вдали от равновесия. Подчеркивается роль слабых воздействий, кроме того, Пригожин подчеркивает: «Только через исследование нелинейных динамических систем мы можем постичь объединяющий элемент в неисчерпаемом разнообразии ситуаций... от беспорядочного излучения абсолютно черного тела, до таких высокоорганизованных систем как живые существа» [14, с. 220].

И, наконец: «Покуда мы требовали, чтобы все динамические системы подчинялись одним и тем же законам, хаос был препятствием на пути к познанию. В замкнутом мире классической рациональности поиск знания мог легко приводить к интеллектуальному снобизму и высокомерию. В открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге» [14, с. 221]. Нам кажется, что классическая рациональность, которая охватывает сейчас все официально признанные исследования в психологии – это и есть ее конец. Ведь не только исследование, но и многочисленные психологические практики (за исключением психотерапии и консультирования), увы, воплощают в себе и своей деятельности все тот детерминистский снобизм. Все «самое новое» ложится на детерминистское мышление исследователя и практика (мы хотим найти «объективные»

упорядоченные детерминистские законы, т.е. встретиться в конце со своей же мыслью). А реальность (жизненный опыт, философия, непосредственно созерцаемая природа, естественные науки), оказывается неупорядоченной и асимметричной во времени. А на самом деле, мы без всякой науки видим, что внутренний мир человека и его поведение (в том числе и самого психолога) детерминизму не подчиняется. Именно потому, что мы видим и чувствуем это, следует говорить не о конце психологии, а о вызове внутреннего мира человека нам, психологам. Можем ли мы ответить на этот вызов? Можем. Для этого надо вспомнить пророчество Выготского, высказанное почти 100 лет назад о том, что только реальная философия и основанная на ней практика (Выготский не зря ввел положение, что психология – это практическая философия) могут дать реальную и адекватную психологию [3, т. 1].

«Философией» для психологии мы считаем изложенную здесь теорию Пригожина (обоснуем это ниже). Есть вид практики, которая «работает» не с наукой, а с реальным объективным внутренним миром человека. Мы говорим о психотерапии. Проблема в том, что в большинстве своем эта (бесценная для науки) практика основывается или на очень мелкой, явно плохой теории (философии) или вообще на чисто жизненном опыте (Пезешкиан). Терапевты, помимо того, что реально изменяются сами (часто, увы, становясь «нарциссами») реально способствуют изменению клиентов, помимо этого, набирают ту информацию (собственное значение, – Гейзенберг), которая бесценна для науки, а наука, детерминистская по определению, не может и не хочет эту информацию брать. Это и есть главный парадокс, сама суть вызова. Может ли он быть решен? Сейчас очень острый момент – или мы его решим и тогда психология наконец станет реальной наукой (как современная физика), или не решим – и тогда психология обречена (ибо она – детерминистична, а значит – не про то, о чем заявляет). Увы, могут сбыться слова Выготского: психология или наука, или нет вообще никакой психологии. А детерминистская психология – не наука о психологической жизни человека.

Итак, психологии еще только предстоит, живя в открытом адереминированном мире, «отделить чистое объективное знание от области субъективного» [14, с. 222] и заранее предсказуемого.

Однако Пригожин видит здесь парадокс (и мы с ним согласны). Абсолютно случайный мир не может быть также, как он не может быть абсолютно детерминирован. В обоих этих случаях человек отчуждается от мира и не может его познать. Это, кстати по поводу постмодернизма вообще и проповедуемого хаоса в мире людей (в частности, в нашей стране). Хаос должен помочь познанию и заявление об абсолютном хаосе явно нелепы, т.к. мир этот – в становлении, и в нем хаос и упорядоченность по своим (анедетерминистским политическим законам) сменяют друг друга. Да, это непрогнозировано, с точки зрения детерминизма – так ведь так и должно быть.

Между этими двумя крайностями Пригожин ищет «узкую тропинку» и находит ее. В общем, про это вся его книга, как и все другие работы автора. Он задает целую сетку параметров, которые помогают не предугадать, а описать поведение и его механизмы как на мега- так и на микро-уровне. Подходит ли эта тропинка психологии? Если психология все же – наука (или, по крайней мере – хочет ею стать), «тропинка», найдена Пригожиным – ее единственная надежда. Во-первых, надо открыться друг другу (психологам). Пригожие пишет: «Наука – дело коллективное. Решение научной проблемы, чтобы оно было приемлемым, должно удовлетворять точным критериям и требованиям. Однако эти ограничения не исключают творческого начала, но, напротив, бросают ему вызов» [14, с. 223]. Добавить следует мысль В. И. Вернадского об огромной роли меньшинства (а, иногда, и одного ученого) в решении реальных проблем [2]. Главное резюме Пригожина отличается изящной и деликатной тонкостью. Конструирование и изучение парадокса времени (открытие его асимметричности и отказ от представлений о «стреле времени»), превращение хаоса из «помехи» в реальный предмет исследования и открытие диссипативных систем, – все это, фантастично и сейчас, но оно было не придумано и потому доказано. Это было сначала получено в реальных эмпирических исследованиях – природа вела себя не по Ньютону и Декарту, не детерминистично. Нужны были люди, которые поверили новым фактам и продолжали работать, ломая «детерминизм в себе», ибо все мы, все-таки, детерминистичны в обыденной жизни. Нужна была зрелость, чтобы верить в то, что полученное – не фантастика.

И, наконец, нужно было «найти тропинку» между Сциллой детерминизма и Харибдой полного беспорядка и случайностей. Все это было сделано, и этим людям надо отдать должное. Именно в этом смысле мы назвали «реальной философией» конкретной психологии человека теорию Пригожина.

Нам есть на что опереться, кроме физики. В истории психологии был такой же шанс как у Пригожина и других в физике, и он был связан с именами Фрейда и Выготского. Не «трогая» пока Фрейда, обратимся к Выготскому. Кстати, наше обращение вполне оправданно: мы не хотим создать новую методологию психологии, но сознаем, что находимся в ее пространстве и вынужденно колеблем кое-что казалось бы незыблимое. А в этом случае не грех прислушаться к интересной мысли: «Будущее новой методологии во многом зависит от того, насколько внимательна и аккуратна она обращается с опытом ее предшественников» [3, т. 1]. Так вот, в истории группы Выготского, по свидетельству документов и воспоминаний сотрудников, был период, аналогичный тому, который мы «ухватили» в подтексте работ Пригожина. Факты, получаемые Выготским «никак не хотели» вписываться в существующие тогда теории и концепции. Выготский поверил фактам и себе, и... изменил основные взгляды на психику, те устои, которые уже были сформулированы. Выготский почувствовал, как это трудно и.. ввел на какой-то период, как сам он пишет, «монастырский режим» – обговаривались только свои факты и идеи. Надо было «забыть» на время все остальное. Это было и правда трудно, и не всем доступно (как знать, может именно из-за этого «откололся» от группы Леонтьев). Но история свидетельствует – режим был оправдан: эрудиция сотрудников не пострадала, и была создана новая (принципиально новая) психология. Она, в случае адекватной ее реализации, может выступить ответом на вызов, т.к. в сути своей не была детерминистской (и это надо видеть за опубликованными текстами Выготского, ведь во времена большевизма отказ ученого от детерминизма квалифицировался очень просто – «враг народа»). Выготский категорически настаивал на том, что понять психологию человека можно только как противоречивое и высоко неустойчивое единство организма, натуральных психологических функций (НПФ), высших психических функций (ВПФ) и культурного окружения (во всяком случае, эта

мысль пронизывает всю «Историю развития высших психических функций», «Педологию подростка» и многие другие произведения. Понять это можно только описав их взаимодействие, т.е. как систему, родился еще один термин – межфункциональные психологические системы (МПС). Но как понять взаимодействие столь разных и сложных структур? И вот здесь явно не «хватало» Пригожина и его понятийного аппарата. Но идея, главная идея о том что система (которая есть то, что мы называем психологической жизнью человека) включает в себя, даже основывается на взаимопереходах материи (организм) с нематерией (собственно, психикой и культурой). Представляется, что это было главным, это было торжеством Спинозы (любимого философа Выготского). Но это надо было изучить и описать научно, а об этом нечего было тогда и думать. Хотя именно тогда авторитетный философ А. Ф. Лосев написал: «Много развелось в философии всяких шарлатанов и мерзавцев, и абстрактная диалектика, не понимающая тела и его сокровенного смысла, да будет изничтожена наряду с холерными и тифозными бациллами. Когда я говорю в своей книге о сущности, об энергии, об имени и т.д мною везде руководит только один реализм, и свою философию имени я с полным правом и окончательной убежденностью мог бы также назвать и философией тела. «Кто имеет тело, способное ко многому, тот имеет душу, наибольшая часть которой вечна» (Спиноза) [12, с. 24].

Выготский мог заниматься «телом» в те времена только с дефективными детьми и животными. Он в последние годы действительно работал как практик с дефективными детьми. Именно этому посвящен весь 5-й том сочинений и здесь (плюс две последние статьи) была создана совершенно особая и ни на что не похожая теория психологических систем (сейчас эта теория сливается в одно с теорией Пригожина). Выготский мечтал в последние месяцы жизни пожить в сухумском заповеднике и повторить на животных опыты Келлера, которые начали его чем-то смущать. И все таки главным, по нашему мнению был переход «материальное – психическое», «психическое – культурное». В то же время А. Ф. Лосев (много лет за это отсидевший в лагере строил Беломор-канал) написал «Диалектику мифа», в которой предвидел все, что описал и изучил Пригожин. Только шли они разными путями и методы у них были разные

(Пригожин изучал, как из хаоса, т.е. из «ничего», из «не-материи» появляется материя, а Лосев размышлял о том, как из материи появляется «не-материя», «дух»).

Итак, основная проблема, в которую упирается научная психология, может вполне быть сформулирована в стиле задачи Гейзенберга – изучение собственных значений психологических систем, а не свои взгляды на них. Но психика – идеальна, а чтобы решить поставленную задачу нужен объект, т.е. нечто вполне осязаемое и материальное. Как быть с этим? В Общем виде это противоречие решает диалектика: «для диалектики не существует никакого духа, который был бы бесплотен, никакой идеи, которая не была бы вещью» [12, с. 23]. (тем кто хочет убедиться в правильности приведенной мысли можно только посочувствовать и изучить-таки философию начиная от античности, а уже потом подходить к психологии). Эта мысль Лосева жестко и четко выводит психологию за грань диалектики и никакими мудрствованиями дело не спасешь. Мы считаем, что психология должна начинаться с этого: с диалектики отношений материального и идеального (но, конечно, не с «диамата», который есть просто карикатурой на вполне грамотную диалектику Мариса).

Почему мы так считаем? Исходное, конечно – монизм Спинозы. Но, главное, сейчас, благодаря физикам, этот монизм самым неожиданным образом обрел реальную почву. Вспомни понятие интерфейса, с которым работал Пригожин. На микроуровне (с его запредельными скоростями и нелинейностями), время не возникает из не-времени и материя не возникает из не-материи. Хаос, энергия, время и разрозненные кванты при достижении высокого уровня неупорядоченности и неустойчивости (это происходит на границе, т.е. в зоне интерфейса) обретает вполне материальную форму. Но и само движение к интерфейсу подчиняется законам синергетики, т.е. неупорядоченная не-материя (идеальное) на какой-то период может самоорганизоваться. Итак, интерфейс – зона сверх высоких скоростей, асимметричного времени, зона, где нематериальное (которое, напомним, не есть ничто) «переходя границу», становится на какое-то время вполне материальным. А теперь обернем ситуацию, т.е. прокомментируем «обратную сторону» эмпирически доказанной теории Пригожина. На уровне микромира материя

живет по законам диссипативных систем (т.е. они реально есть, эти системы). Микромир – это не только очень маленькие размеры, но это еще и асимметричное время, запредельно высокие скорости и колоссальная энергия... то, что мы опишем сейчас, доказано вполне надежно в физике, но предсказано в 30-х годах XX века философами. Вот на этом и остановимся. А. Ф. Лосев много интересно и содержательно писал о времени (можно констатировать, что, увы, его работы у нас забыты и не используются вовсе. А ведь он – крупный философ!).

«Было бы просто глупо, – пишет Лосев, – понимание времени... как однородного и бесконечного, пустого и темного времени. Можно поручиться что... и теперь – никто и никогда так не переживает время» [12, с. 84]. Если вы хотите, – пишет А.Ф. говорить о подлинно реальном времени, то оно, конечно, всегда неоднородно, сжимаемо и расширяемо, совершенно относительно и условно» [12, с. 84]. (А ведь до открытий Пригожина оставалось еще несколько десятков лет, часть из которых Лосев строил Беломорканал). Мы изложим позицию Лосева, иногда приводя точные цитаты, иногда – его мысли с нашими «вариациями».

Время, как и пространство имеет складки и прорывы. Во времени иногда бывают сотрясения. «Время, наконец, в каком-то смысле, обратимо» [12, с. 85]. Приводится пример религиозного экстаза, когда время сжимается в «одну неделимую настоящую точку» (аттрактор?). «Космос, – пишет Лосев, – вообще бесконечно разнообразен по своей временной структуре. Лосев настаивает на отказе эпитетов «субъективное» и «объективное» по отношению ко времени. Приводится сравнения времени жизни человека и насекомого-однодневки и доказывается – если бы насекомое было сознательным, его жизнь не показалась бы такой уж до смешного короткой. Лосев пишет: «времен очень много они сжимаемы и расширяемы, они имеют свое фигурное строение [12, с. 85]. (выделено А.Ф.). «Ребенок, проживший три года, отнюдь не меньше прожил, чем 90-летний старец» [12, с. 85]. Их жизнь – одинакова перед лицом вечности, только наполнена разным содержанием. Времен столько, сколько вещей, а вещей, вернее их родов столько, сколько смыслов и идей» [12, с. 85]. И снова мы «натываемся» на

проблему интерфейса: время, вроде бы, нематериально, по определению, но, оказывается, оно не просто связано с вещью (материей), но и есть сама эта вещь и понять можно, допустив лишь, что эта связь образуется, благодаря идее – особому пласту реальности, в котором с громадными скоростями и по своим законам возникают и исчезают разные виды материи (т.е. Нематерии, чего-то вовсе бестелесного в мире просто нет). Вот этот слой, эта грань с кривизной и провалами (но вполне материальная) и есть то, что мы называем психикой. В этом смысле (осмелимся продолжить мысль Лосева), любая вещь от идеи до табуретки) – психична (1) и любая психика – вещественна: 1-е, потому что мы все вещи наделяем психикой (персонифицируем), 2-е уже доказано выше. Даже в речи, мы говорим о взаимоотношениях, взаимодействии с природой, и уже наделяем всю эту Природу душевности... И еще, логика требует признать, что конфигурация времени и пространства очень ярко индивидуальна. И это задает направление и объект психологии – каждый отдельный человек (может, по этому Выготский и назвал свою, увы, несостоявшуюся книгу «Конкретная психология человека»).

Поскольку Лосев рассматривает относительно времени важные вопросы, которых не касался Пригожин, последуем за его рассуждениями. Лосев считает, что «время не есть только время, т.е. чистая длительность» [12, с. 85]. Поскольку время никогда не кончается, оно есть вечность: «т.е. время плюс нечто иное – невременное» [12, с. 87]. Речь идет, на наш взгляд о духе: но время не есть вечность, которая, считает Лосев, есть неподвижность, а время всегда подвижно, оно – в становлении. «Поэтому время есть алогическое становление вечности, подобно тому, как сама вечность есть алогическое становление вне-временной идеи» [12, с. 86].

«Но становиться может только, что есть нечто, и, след. (так У Лосева) в каждом моменте времени его вечное содержание присутствует целиком и нераздельно, нероздроблено» [12, с. 86]. Вот эта мысль, появление на сцене понятия момента (мига), является, на наш взгляд, одним из ключевых в будущей психологии. Миг, который нельзя измерить ибо он меньше того, что может измерять современная наука (он меньше, чем 10-35 сек), – по Лосеву весь мир (значит, и весь человеческий мир, и этот

последний следует понимать не как часть мира, а как мир в мире). Так и получается, что диалектика приходит к пониманию человека как «мира в мире». Это – богатое на идеи понимание, мы лишь зафиксируем (кстати, так считал А. Бергсон, и предлагал изучать человека и, тем самым, изучать мир. Но человека оказалось труднее, чем мир, и наука поэтому пошла путем Пригожина, а не Бергсона).

Относительно времени, мы получаем антиномию: время одновременно и вечность (точка, и вечное дление, становление). Лосев решает эту антиномию. «Но если время есть не просто время, но всегда и вечность, а вечность есть не просто вечность, но и время, то возникающая в этом синтезе актуальная бесконечность должна обеспечить как безграничность становления, так и его границу. Диалектически необходимо, чтобы время имело конец. Но как это возможно? Что же будет после этого конца? Не опять ли время?» [12, с. 86]. Выход Лосев видит в следующем: «время должно стать по повелительной диалектической необходимости неоднородным... а именно, выйти из времени можно, когда разные времена сжаты в какое-нибудь одно время... Время может быть в разной степени вечным, как оно и должно быть по диалектике, определяющей время на алогичное становление вечности. [12, с. 87]. Алогичность означает нелинейность и смену хаоса и упорядоченности. Именно поэтому мы не можем управлять временем и жизнью в целом в детерминистической логике. Можно говорить о времени как о «странном аттракторе» – фрактале. И, наконец, мы должны проанализировать каким образом Лосев связывает свои рассуждения с открытием современной для него физики, и что это дает нам. «Как же мыслить себе физически разные степень вечности? К счастью, современная наука возвращает нам эту давно утерянную мифическую идею и делает ее мыслимой как математически, так и физически» [12, с. 87]. (Далее мы изложим точку зрения Лосева стараясь избежать большого количества цитат. Интересующиеся могут обратиться к первоисточнику). Рассматривается три категории, связанные между собой в прочное, но противоречивое единство: время, движение, физическое тело (материя). Время проявляется в физическом теле как движение (теперь мы знаем, что проявляется оно асимметрично, со всеми вытекающими последствиями). Чем быстрее движется тело, тем

расстояние между его предельными точками становится меньше (микромир). Вычислено, что если тело движется со скоростью света, то объем его равен нулю (но мы уже знаем, что при этом оно (тело) не становится не-материей) Лосев пишет: «определенная выявленность времени уже приводит тело к полной деформации, не переставая по смыслу своему быть телом... [12, с. 87]. Диалектика допускает (в отличии от физики), что тело может двигаться со скоростью большей, чем скорость света. Тогда объем его будет обозначаться мнимой величиной, и мы получаем мир как бы «вывернутый наизнанку» [12, с. 87]. Мы получаем ИНОЕ, ИНО-бытие, но и сейчас не перестающее быть материей, только – другой материей, которой мы не знаем. Философия допускает, что тело может двигаться с бесконечно большой скоростью. «Это будет значить, что оно находится сразу и везде (ибо в один миг оно охватывает всю бесконечность, скорость его бесконечна) и нигде (ибо оно непрерывно движется и нигде не остается и не застревает)». Это, – пишет Лосев, – и есть «вечность идей, – да, да этих самых платиновых идей и... идеальность которой физически мыслима только лишь как тело, все то же самое обыкновенное земное тело, но движущееся с бесконечной скоростью [12, с. 87]. И поэтому замечает Лосев, платонизм есть просто отдел физики или физика есть отдел платонизма [12, с. 87].

Мир, по Лосеву, представляет собой систему разных уплотненностей времени. И необходимо, чтобы «время сжималось в вечность именно на границе мира» [12, с. 87]. Только тогда силою самого времени, т.е. самого бытия, «нельзя будет выйти за пределы мира» [12, с. 87]. Если мы приближаемся к пространственной границе мира (скорость света), где наше тело, по своему объему, превращается «уже в нуль, и мы начинаем вращаться уже со всем небосводом, не выходя за пределы времени» [12, с. 88]. Вернее, мы и тогда продолжаем быть во времени, «но это время есть протекание и жизнь уже внутри самой вечности, внутри той или иной ее иерархической сферы, так что никакое становление и протекание не расслаивает бытия, а уже само по себе ограничивает его вечным вращением вокруг него же самого» [12, с. 88]. Это бытие тела, бытие с бесконечной скоростью, Лосев называет «личностным слоем бытия». И

доказывает, что этот слой доступен не только человеку, но любому телу.

Мысли Лосева чрезвычайно важны для нас, т.к. они, в соединении с достижениями современной науки, позволяют сформировать реалистичный (а значит, диалектический) взгляд на предмет психологии, как психологическую жизнь человека. Учет теории МПС (СДС) Выготского позволит завершить картину ибо он и только он позволяет понять неупорядочено-упорядоченную жизнь мегасистемы «человек». Мы добавим еще только то, как Лосев понимает материализм (а значит, механический детерминизм) вообще, и в частности – диалектический материализм. Это важно для отстранения от этих «въевшихся» в наше сознание догматов.

Собственно, диалектика – логика давно известная, и мы сделаем краткий анализ лишь по той причине, что в психологии он, почему-то не приживается. И речь идет не о пространственных теоретизированных работах, а о реальной логике мышления исследователя. Лосев рассматривает проблему материализма именно в контексте познания. Знание, считает философ, «логически предполагает вне-логическое противостояние знающего и знаемого» [12, с. 108]. И поэтому материализм делает ложное предположение о том, что знания нет без ощущения. Лосев доказывает нечто другое: «С диалектической необходимостью вытекает только субстанционально-вещественное противостояние субъекта и объекта и вне-логичность подобного противостояния» [12, с. 109]. «Вне-логичность» становится ясной позже, когда Лосев доказывает это, как нет субъекта познания без объекта, так нет и объекта без субъекта. «О характере же самого объекта или вещи... равно нет никакой речи. Какая это вещь, чувственная или сверхчувственная – равно ничего не говорится. И таким образом, – чувственное ощущение тут возможно только как вид ощущения и восприятия вообще: диалектически возможно и сверхчувственное восприятие [12, с. 109].

Итак, нас опять возвращают к упорядоченной разделенности мира на материю и не-материю. Дальше, если четче, и нам необходимо все же серьезно задуматься: психика (идеальное) – это форма существования материи (в особых условиях микромир) – и тогда она реально есть, или это нечто совсем нематериальное, и тогда его нет. Но что же понимать под материей? В процессе очень

несложных, но диалектически строгих рассуждений (поучительное чтение – авт.), Лосев приходит к следующему:» Итак, материя не есть 1) ни материальная вещь, 2) ни их совокупность, 3) ни внешний мир как целое. Что же еще остается говорить материалистам? Они говорят вот что. Материя есть 4) то, что мы воспринимаем внешними чувствами» [12, с. 110]. Это Лосев характеризует как «спасение при помощи субъективизма» [12, с. 110], добавляя, что еще и релятивизм, «упование на случайность и барахтанье в ползучем и слепом эмпиризме» [12, с. 110]. «Внешними чувствами, – считает философ, – мы воспринимаем не материю, но материальные вещи» [12, с. 110]. Материю мы совершенно абстрактно отвлекаем от вещей: «невозможно видеть, слышать, осязать материю как таковую. Это – абстрактное понятие. Материю можно только мыслить». Лосев указывает на беспомощность материализма, когда материя объявляется принципом реальности. На примере физики: «Изучение истории физики как раз и показывает, что в материализме дело вовсе не в научной теории материи ибо таких теорий – целые десятки и они летят одна за другой как однодневные мотыльки. На этом хаосе совсем нельзя обосновать тот упор и напор, который обнаруживают материалисты в своем нападении на людей» [12, с. 111]. Из этого ясно, что материя есть абстрактное понятие, и «материализм есть абсолютизация абстрактного понятия, т.е. типичная абстрактная метафизика» [12, с. 111]. Но если Лосев прав (а он прав!) и материя есть абстракция, то значит она, как раз не-материя. И применение этой абстракции в психологии приводит к полному бедламу и выхолащиванию самой жизни: «Мертвое и слепое вселенское чудище – вот вся личность, вот все живое и вот вся история живой личности, на которую только и способен материализм» [12, с. 114]. Такую же жестокую и правдивую характеристику получает позитивизм: «Научный позитивизм и эмпиризм как и все это глупое превознесение науки в качестве абсолютно свободного и ни от чего не зависящего знания есть... обалдение духа. Этот паршивый мелкий скряга хочет покорить мир своему ничтожному мелкому капризу. Для этого он и мыслит себе мир как некую бездушную, механически движущуюся скотину (иной мир он не посмел бы себе присваивать); и для этого он и мыслит себя как хорошего банкира, который путем одних математических вычислений овладевает

живыми людьми и живым трудом (иное представление о себе самом не позволило бы быть человеку материалистом)» [12, с. 115–116].

На самом деле, жизнь и сознание происходят, исходят от материи, «но они не исходят из материальных законов, из самих материальных вещей. Жизнь и сознание исходят из материи, но не выводятся из нее» [12, с. 118]. Если убрать жесткую публицистичность, мы получаем вполне реалистичную картину развития естественных наук во времена Лосева, и психологии – сейчас.

Как решается противоречие? Лосев ставит в центр проблемы движение как атрибут всего в мире и показывает, что диалектика признает не только то, что «все движется под влиянием всего», это – не круг. Он пишет, что во всем этом Космосе есть субстанция, которая не ждет толчка, а движется сама, т.е. «движет само себя. Но то, что движет само себя всегда самодвижущее и есть душа» [12, с. 123]. Следовательно «иди вы проповедуете абсолютный агностиизм и не знаете, как объяснить движение вещи или вы знаете, как объяснить данное движение, но тогда где-то когда-то и как-то вы признали существование души. Отрицание существования души есть, таким образом, просто диалектическое недомыслие» [12, с. 123], потому как – если мир движется, значит он одушевлен. Конечно, интереснейшая работа Лосева очень многое ставит «на свои места», но здесь нам достаточно полученного.

Что получится, если сделать синтез теории МПС Выготского, теории Пригожина и философских идей Лосева? Что это даст психологии? То, что их объединить можно – бесспорно, т.к. все они своим основанием имеют диалектический монизм Спинозы. В стиле Пригожина, мы считаем, что психологии брошен вызов, на который давно пора отвечать. И мы попытаемся здесь что-то сделать. Но, в начале, необходимо развеять некий миф, который до сих пор «витают» над творчеством Выготского. Мы имеем в виду иллюзорное представление, что творчество Выготского – сугубо детерминистское и основано на философии марксизма, конкретнее – исторического материализма. Изданный в 80-х годах шеститомник и, особенно, великолепное издание Е. Завершневой и Ван дер Веера записных книжек Выготского – напрочь разрушают эту иллюзию. Во-первых, стало, наконец, понятно, что теория

Выготского – это вовсе не «теория интериоризации» и вовсе не «основание теории деятельности» как нас учили. По ходу, разрушим еще один миф: якобы Выготский «хватался» за разное, оставлял там свои жемчужинки – идеи, но единой теории так и не успел создать. Успех, как это понятно сейчас. И это – не теория интериоризации – это теория психологической жизни человека.

Выготский показал значение и, главное, механизм перехода культурного в индивидуально-психологическое, но он не стоял на позиции исторического материализма, уже начиная с раннего «Гамлета». Миф рожден вот чем: в одной из своих замечательных работ Э. В. Ильенков, анализируя творчество Спинозы, написал, что надо изучать не то, что и какими словами писал философ (это дань времени и стилю), а то, «на что его мысль натолкнулась реально» (Ильенков). Так вот, мысль Выготского реально натолкнулась на проблему того, что человек – а) единое существо, которое создает (мир и себя) и б) человек единое существо, которое может поступить абсурдно-нелогично (т.е.ю – как ему хочется). Воспитанный с детства религиозно, а затем – на философии Спинозы, Выготский и создал свой взгляд. Это был взгляд методолога, который прямо написал в «ИСПК» – наша психология – не марксистская [3, т. 1]. Но не потому, что марксизм плохая философия, а потому что никакая психология напрямую, минуя методологию и теорию, не может непосредственно опираться на философию. И это есть правда. Что бывает, если это случается, мы видим сейчас: чудовищное громадьё парадигм с громкими именами великих философов, которые в основе своей имеют чисто житейские взгляды и интерпретации на самую свободную тему (одна из излюбленных советов терапевтов – «работайте со своим бессознательным» вводит в шок. Простите, с КЕМ, с ЧЕМ работать!?). На самом деле, теория Выготского начиналась (так же как и теория Пригожина) с фактов, которые необходимо было тщательно описать и объяснить. Философская основа была, и это – философия Спинозы, который был диалектиком, монистом, но не был детерминистом (в чем легко убедиться тот, кто прочитает и понять этого великого старца). Для Выготского было ясно с самого начала, что человек лишь иногда может детерминироваться, но это, скорее исключение. В плоскости реального экспериментирования

Выготский первым показал, что все (без исключения) методики основаны на схеме S-R, а значит – железно-детерминированы, и заговорил об автостимуляции т.е. о поиске того, как же в действительности строится поведение человека. И это было главным (глазами Пригожина тут можно увидеть полную аналогию с саморазвивающимися диссипативными системами). Выготский решил эту задачу в самом конце жизни, создав теорию МПС и «замкнув» свои построения на переживании как единице личности. И, пожалуй, главный для нас и для Выготского тезис: «Центральная проблема всей психологии – свобода» [9, с. 156]. Эту мысль запомним: она конгруэнтна понятию «неравновесная система», но не тождественна ему. Чтобы стать свободным, надо вначале стать человеком. И поэтому, реально, изучалась психология онтогенеза. Но как изучалась? Выготский создает метод, который вскрывает сам механизм развития и называет его генетико-моделирующим. И тщательно объясняет его суть и детали [см. Т. 3]. главное – создать ситуацию, предлагающую ребенку множество разных развивающих действий. Одно дело предложить и создать метод, и совсем другое – его реализовать. Последнее сделал лишь сам Выготский – без последователей!. Объясним это: «Развивающее обучение», которое до сих пор считают именно вариантом метода Выготского, является, на самом деле его полной противоположностью. Суть метода Выготского равна сути подхода Пригожина – если искусственно (реально физически или мысленно) детерминировать самоорганизующуюся неравновесную систему, она на какое-то время перестает жить своей жизнью (т.е. самостоятельно идти к аттрактору, сменяя хаос и упорядоченность). Она, эта жизнь системы нарушается, но лишь на какое-то время (время эксперимента). Данные, полученные в это время, не будут действительными показателями, а будут лишь подтверждать либо отрицать наши познавательные ожидания. Поэтому Выготский зная об этом, но считая имплицитно психику такой системой, предлагал не детерминировать, а создать для нее свободу выбора аттрактора, тем самым обеспечив системе на какое-то время, подобие ее реальной жизни. Что же делают в так называемом формирующем эксперименте? Здесь не только жестко детерминируют активность ребенка, но еще и лишают выбора, оставляя для решения задания лишь один-единственный путь (узкий

коридор) ответа. Т.е. реальная жизнь системы на время эксперимента просто прекращается. Получен ли результат? – Да, но какой это результат? Частичный, искусственный и весьма далекий от реальной жизни системы. Это, кажется, понял В. В. Давыдов и даже написал (публично признал) в последней своей большой книге. Мы не будем здесь анализировать рефлексия Давыдова, хотя она очень поучительна для современных исследователей, многие из которых просто не могут вдруг осознать, что они были неправы в чем-то. И, наверное, не зря сравнительные данные, полученные на больших выборках показывают, что разница в развитии детей обучающихся в «нормальных» и экспериментальных условиях – отсутствует. Сейчас можно очень легко доказать, что психологическая жизнь человека – есть, фактически, жизнь ансамбля отдельных систем (МПС), и что жизнь эта осуществляется по законам, открытым в физике Пригожина, т.е. – по законам самоорганизующихся диссипативных систем, которые могут жить своей жизнью только в не детерминационно (вспомним: кошка, делающая только то, что от нее ждут – не настоящая кошка). Другими словами, эти системы живут свободно, и к ним (и их описанию и понимаю) применимы все вышеперечисленные параметры Пригожина (мы покажем это ниже на примере). Выготский это понимал, но понимал он и другое: чтобы там жить, системы и их ансамбль должны сформироваться, иначе будет один хаос или, наоборот, одна детерминация (как это и есть при тяжелых патологиях и у животных).

Психика ни в коем случае не отражает мир (часть мира ну никак не может отражать весь мир). Она, если и отражает, то лишь самое себя В мир... Именно это есть сутью знаменитого выражения Выготского: «Человек превращается из человека в себе в человека для себя, предъявляя себя другим. Это и есть путь становления личности» [3, т. 3].

Нет смысла воспроизводить хрестоматийное учение Выготского о развитии, знаковом опосредствовании и возникновении сознания (хотя, может быть, такой смысл и есть, ибо современная наука как-то «проскакивает» мимо этих важнейших механизмов, рождая неких монстров типа «возможность непосредственного общения сознаний»). Но это – в другой раз. Здесь нам нужно, скорее, не решить, а поставить две основные проблемы. Во-

первых, показать что ВПФ человека в своей совокупности представляют собой ансамбль разных систем (МПС), каждая из которых, и все они вместе, живут по законам жизни самоорганизующихся диссипативных нелинейных и неравновесных систем, которые являются, к тому же, неинтегрированными. И показать это надо, идя не от своих убеждений и поиска ответа на них, а от самой жизни, деликатно (закон Гейзенберга). Так как делали это Выготский и Пригожин. Во-вторых, необходимо-таки поставить вопрос о природе психики: это – дух, идея (и тогда она не подлежит никакому познанию), или это нечто другое.

Наконец, мы с необходимостью выйдем на проблему смысла и СДС, но об этом только упомянем. Если система самоорганизующаяся и нелинейная, она, по уже ставшим классическим законам, должна жить своей собственной жизнью, не детерминируясь, а «притягиваясь», «привлекаясь» аттрактором (т.е. ее будущим состоянием). В эту жизнь, если говорить о физике, изредка вмешивается грубая детерминация, которая нарушает жизнь системы, но лишь на короткое время. Аттракторы здесь «простые» – точка (смерть системы), прямая или плоскость. Но это – в физике. Живое существо (в особенности такое сложное, как человек), конечно, подчиняется названным законам, но здесь все сложнее. Прежде всего, гораздо больше случаев, а значит, и влияния, – детерминации, идущей с разных сторон: детерминируют потребности (они, пока неудовлетворены, нарушают естественную жизнь ансамбля систем. С другой стороны, детерминируют внешние факторы). Естественная жизнь живого существа будет возможна только при наличии механизма, убегающего от массы детерминирующих факторов. Таким механизмом (всеобщим для всего живого) является то, что Выготский назвал натуральными психическими функциями (НПФ). Его, Выгосткого, рассуждения о психике как «воронке», через которую проходят далеко не все (значительно меньшая часть) детерминирующие факторы, подтверждают сказанное. Именно наличие НПФ дает возможность живой системе существовать как самоорганизующейся. И это происходит благодаря аттракторам. Мы можем показать это, изменив нашу логику: у растения нет потребности в солнечном свете, но оно тянется, движется к нему. Вот этот свет и является аттрактором. Общим для всего живого есть аттрактор оставления потомства и совсем

простой, «точечный» аттрактор – физическая смерть системы. В общем, это, конечно, азбука, на которой мы пробуем новую логику.

Вернемся к человеку и его психической жизни. Сейчас уже не надо доказывать, что система НПФ складывается задолго до физического рождения и ее задача двойственно противоположна. С одной стороны, она контролирует детерминистские интервенции, и тем самым, с другой стороны, дает возможность развиваться как самоорганизующейся системе. Кардинальное отличие человеческого ребенка (которое нашел Выготский) состоит в наличии совершенно уникального, непревзойденного по сложности аттрактора (фрактала). Этот фрактал Выготский назвал «идеальная форма». «В среде существует идеальная форма... или конечная форма, которая взаимодействует с начальной формой ребенка, и в результате приводит к тому, что известная форма деятельности становится внутренним достоянием самого ребенка, функцией его личности.» В сути своей, идеальная форма как фрактал есть некое телесно-культурное будущее, которое «притягивает» каждого ребенка. Оно образовано культурной микросредой и выполняет роль фрактала. Уникальным есть то, что человек в процессе жизни и общения сам создает очередной, новый, еще более сложный фрактал, как аттрактор следующих поколений. В целом это означает, что психологическая жизнь человека как МПС притягивается и направляется будущим, а не прошлым. И она именно притягивается, а не детерминируется. И ничего здесь не отражается, скорее конструируется новый фрактал во внутреннем и внешнем мире. Так мы идем к гармонии. Таким образом, «продираясь» через биологические детерминанты и «условия ценности» (К. Роджерс), т.е. – табу социальные, человек развивается как ансамбль психических функций, которые становятся высшими именно благодаря движению к фракталу, который имеет знаково-смысловую природу. И так, собственно, возникает то, что мы называем смысловой динамикой, т.е. – сознанием.

Ансамбль ВПФ живет, в целом, типичной жизнью неравновесной диссипативной системы, т.е. периоды хаоса и упорядоченности сменяют друг друга. Выготский проследил генез возникновения МПС, который, как совершенно правильно констатируют Е. Завершнева и Ван дер Веер имеет три этапа по уровню

устанавливающихся в мегасистеме связей: первичные связи – природные, «обусловлены врожденной координацией психических процессов, вторичные связи – социокультурные – возникают в ситуации когда в работу психики вмешивается знак, позволяющий завязать новые отношения между функциями» и третичные связи – «личностные – формируют систему, где возможен гибкий сознательный контроль за поведением» [9, с. 167]. Следует добавить еще высказывание Выготского: «Нет абсолютных неизменных отношений! Это к дальнейшему: ключ ко всем проблемам» [9, с. 257], «Нет единой формулы для всех отношений» [9, с. 257]. Мы видим, таким образом, что Выготский интуитивно «чувствовал» психику человека как ансамбль систем (МПС). Но вот в одном поторопились издатели работы «Записные книжки Л.С. Выготского»: они не видят жесткого противоречия, с которым столкнулся Выготский (может, издателям не так уж и нужно его видеть): с одной стороны, для Выготского «главная проблема психологии – свобода», а с другой, вдруг – контроль (сам Выготский этого слова не употреблял, однако противоречие все же существует). Свобода – есть жизнь самоорганизующейся системы по ее собственным правилам, контроль есть нарушение свободы, детерминирование. Выготский, судя по текстам, видел выгоду в том, что система сама себя контролирует, но прямо об этом не писал. Но если это так (а это, конечно, так) то можно смело говорить о том, что для Выготского психологическая жизнь человека есть жизнь самоорганизующейся системы. Другое дело понять – как она саморегулируется, проходя через частокол детерминант?

И еще одно. Из текстов Л.С. Выготского и его комментаторов непонятно, какие же связи образуются в первичном, вторичном и третичном варианте, и, главное, как они, эти уровни взаимодействуют между собой? Создается, хочешь-не хочешь, представление об иерархии (живо подхваченное Леонтьевым), но сам Выготский неоднократно пишет, что прежние связи не исчезают, и что, на самом деле, здесь нет иерархии. Если добавить его высказывание о постоянном изменении содержания и динамики отношений (связей), мы получим систему, где буквально «все связано со всем» и эти связи постоянно меняются... это есть жизнь МПС. И нет здесь никакой иерархии – система едина и все ее

уровни – равноправны. Загадка этой жизни (психологической жизни человека), на наш взгляд, в том, что человек осознает ее и нечто загадочное (дух) есть им немислимым ни в каких других системах, аттрактором которых, наряду с фракталом влечет систему к будущему... Анализ текстов Выготского показывает, что его логика именно такова, и что если бы он успел написать вторую часть книги об эмоциях, он пришел бы именно к такому выводу (конечно не в этой современной терминологии). Человек свободен, значит МПС «работает по правилам» неравновесной диссипативной системы. Он несвободен когда система не работает, а отвечает на детерминанту. И главную роль здесь, безусловно, играют эмоции. И эта точка, дальше которой мы не пойдём – природа эмоций остается невыясненной и, кажется, таковой и останется, во всяком случае, еще на долгий период: человеку нельзя знать эту природу сейчас, ибо он таков, что тут же использует это знание и создаст «чудище в чулане и страшилки на стене» [], как он сделал после познания атомной энергии и генной инженерии. По крайней мере, есть надежда, что когда дело дойдет до открытия природы эмоций психологическая жизнь человека изменит свою жесткую направленность на утилитаризм. Мы можем теперь высказать некоторые соображения относительно самой природы психического – что это – дух непознаваемый, вне материальный или нечто другое? Нам понадобится синтез теорий Пригожина и Выготского, а также диалектика Лосева. Мы приходим к удивительному, совершенно неожиданному предположению...

По Выготскому, психология – наука, а значит и предмет совершенно реален (материален) а, в принципе, познаваем. Мы придерживаемся этой позиции.

Пригожин открывает интерфейс как некую границу между материей и духом. Границу, открывающуюся только в микромире, т.е., в мире невообразимых скоростей, недоступных сознанию малых промежутков времени и совершенно невозможном для познания человеком, не имеющим соответствующих органов чувств. Выготский настаивает на необходимости НПФ (тоже – психических)... Все это «положим» на диалектику Лосева и поглядим что получится. А получается снова древняя, как сам мир, антиномия: психологическую жизнь другого человека мы

наблюдать непосредственно не можем – нет соответствующих сенсорных структур и механизмов. Мы можем ее придумать, интерпретируя различные проявления активности, которые «улавливаются» нашими органами чувств. Отсюда – сверхчеловеческое непостижимое, в общем, познавательный тупик (в который некий диспетчер загнал «поезд жизни» и ... забыл про него. Так он там и стоит, в тупике...). Но не надо забывать, что антиномия потому и антиномия, что в ней есть обратная, противоположная сторона, о которой забыл уже не «диспетчер», а мы сами. А забыли мы, что каждый из нас вполне адекватно (без кавычек) видит, осязает, ощущает, чувствует, осмысливает, осознает и переживает свою собственную психологическую жизнь. И при этом, это настолько естественно и просто, что мы «проскакиваем» это, вообще не обращая внимания на такую очевидность. Но если каждый, именно каждый на это способен, значит эта жизнь – есть. Значит, это не Божий промысел и не Дух Святой, а вполне реальная реальность, которая, именно как таковая (без излишних разглагольствований и фантазий) имеет право и даже должна стать именно как таковая, а не проинтерпретированная, действительным предметом науки. Исходя из теории Пригожина и диалектики решение антиномии (ее снятие) лежит в области микромира, где все, еще раз подчеркнем, невероятно мало, быстродвижущееся и несущее огромные запасы энергии. Психика это то, что лежит за интерфейсом, и вот здесь, видимо, действительно Божий промысел... Объяснимся, оперируя не собственной фантазией, а данными физики и диалектикой. Тело, разгоняющееся до скорости света, уменьшается в объеме и в это время мы можем его наблюдать непосредственно (конечно, с помощью существующих уже приборов). Достигнув скорости света тело теряет объем, т.е. для наблюдателя оно исчезает как тело, но существует как нечто реальное. Скорость света это и есть загадочный интерфейс. За ним (при скоростях выше световой) тело не перестает существовать реально во времени, но оно как бы расплывается, охватывая собой все возможное пространство. Пригожин, как мы помним, показал, что и в этом случае материя не исчезает, она изменяет способ существования («материя не возникает из не-материи», «время не возникает из не-времени»). Особость этой формы существования заключается в том, что оно

есть одновременно и хаос и упорядоченность. При чем время переходов ничтожно мало (10–35 сек это то, что научились измерять физики, но признавая, что это не предел). С физической точки зрения это – поток фотонов, квантов, которые проходя этапы хаоса и гармонии, могут «приостановиться» и тогда станут доступными человеческим органам чувств (пусть и вооруженных специальной техникой). Вот эта точка, это МИГ порождает реально видимую активность человека и присутствуя при этом во всей ее целостности одновременно. Время здесь существует в макропоказателях, затем этот миг уходит за интерфейс и там доступен для наблюдения, только этого данного человека. То, что находится за интерфейсом, т.е. движется с немыслимыми скоростями и существует одновременно во всем, это и есть психика. И она необходимо телесна (материальна), только иная телесность... нам представляется, что современная физика ликвидировала (к сожалению, без помощи психологов) еще одну вечную проблему, которую мы называем «психофизической». Такой проблемы просто нет. А есть разумные формы и способы жизни самоорганизующихся и вполне реальных неравновесных диссипативных систем. Может возникнуть вопрос – что, на самом деле, дает науке такая постановка проблемы?

1. Становится понятным, что действительной «единицей» изучения психологии человека является не отдельное явление или их совокупность, а ВПФ как отдельная система в системе же МПС. Причем эта система с необходимостью включает в себя все три описанных уровня связей плюс систему телесного. Таким образом, само противостояние «НПФ-ВПФ» оказывается ненужным, лишним, тавтологией. Любая психологическая система человека уже только своей принадлежностью к нему, является по определению, высшей. Вне системы психики просто нет, значит, и изучать нечего.

2. Мы знаем теперь, какие это системы и какой жизнью они живут. Мы понимаем, что же такое саморазвитие и самоорганизация. Система проходит точки бифуркации, где хаос достигает высшего уровня, парадоксально превращаясь здесь в новый, высший уровень упорядоченности. В этих точках система наиболее чувствительна детерминистским интервенциям, особенно слабым. Это описание по смыслу точно соответствует описанию Выготским

возрастных кризисов, которым предшествует литический период с наименьшим уровнем хаоса, но и с наименьшими изменениями в развитии. Наше понимание ставит вопрос получения эмпирических данных, но уже и дает инструмент влияния на жизнь систем, в том числе и в случае актуалгенеза. Мысль есть высшая упорядоченность, но она возникает из высочайшего беспорядка (хаоса), и должна в него опять перейти, чтобы остаться актуальной (открытой аттрактору) и восприимчивой для нового опыта, иначе она превращается в догму, т.е. – детерминанту, которая в конечном итоге, тормозит жизнь системы и может ее разрушить (в поведении это проявляется в ригидности, вязкости, педантичности – вплоть до психического заболевания, при котором, как было показано, хаос минимален, а поведение наоборот максимально хаотично).

Мы, наконец, поняли, что развитие психики не детерминировано противоречиями (см. любой учебник). Противоречия действительно возникают и преодолеваются системой, но само развитие есть движение к аттрактору, и только сама система «знает» этот (отдельный и неповторимый для каждой системы аттрактор). Высшим по сложности и неупорядоченной гармоничности аттрактором ВПФ есть фрактал. У человека он назван Выготским «идеальной формой». В психологии, кроме Выгоского, на самом деле есть учение которое придерживается подобной точки зрения. Назовем здесь К. Г. Юнга, для которого развитие есть движение к аттрактору, названного им «самость», а само движение, не развитием, а индивидуацией. Подобный взгляд был у К. Роджерса, который тоже был весьма далек от детерминизма, полагая, что такая детерминация как «условие ценности» лишь извращает процесс развития. И, в целом, психологической жизни человека.

3. Мы понимаем (или, нам кажется, что понимаем) как на уровне механизма работает система ВПФ. Перед нами открывается удивительная картина. Человек – единственное существо, в котором гармонично-дисгармонично сосуществуют разные формы материи. Ему дано (он, правда, об этом не знает) ощущать за пределами высокие скорости, и невероятно малые промежутки времени. Он может их приостанавливать и собирать в одном МИГЕ все пространство и время мира. Он может вновь разворачивать этот миг. Но главное, чудесное, то, что все это он непосредственно ощущает и чувствует. Вот мысленный эксперимент: человек «рождает» мысль. Что это значит реально?

Система движется к точке бифуркации все увеличивая скорость и степень хаоса. Человек это чувствует и воспринимает, как желание понять, а для этого надо что-то вспомнить, создать несколько вариантов, т.е. – задействуется вся МПС. И вот мысль возникла. Это значит, хаос перешел все верхние пределы и превратился в новую упорядоченность. Мысль это – МИГ, времени здесь нет, нет и обычной («до-интерфейса») телесности. Но что дальше? И тут вступает в действие то великое и действительно непонятное, что мы все, вслед за Выготским, называем «знаком», «значением», «смыслом», наконец. Мысль возникла и первым ее понял я сам и то не до конца. Ее, этот миг, необходимо развернуть, чтобы познать. А для этого необходима знаковая система (речь в широком смысле) и Другой (пусть и воображаемый). Это – труднейший момент. Реальность, скрытая за этими словами – это те же неравновесные системы, но они, пока не попадают в пространство психологической жизни человека – застывшие, мертвые (так «мертвым» является, например, латинский язык). Такого нет в физике. Фрактал (идеальная форма), есть культурно зафиксированная система знаков, т.е. – вполне реальных и «протяженных» образований. Они оживают только тогда, когда человек к ним прикасается. Тогда они начинают жить жизнью диссипативных систем со всеми их параметрами и особенностями. Они приобретают для человека значение, которое, кстати не есть константной величиной a , как убедительно показал Выготский, изменяются с течением жизни человека. Итак, мысль о-значивается человеком (заработала новая система) и это приводит к тому, что она охватывает всю МПС, но охватывает точно, то, что ей необходимо. Возникает новая, временная система и возникает потребность ее, мысль, высказать. Фактически, человек развернул миг в дление (запомним это). И все явления, возникшие в сознании, благодаря этой знаково оформленной мысли Выготский назвал смыслом. Так мы приходим к пониманию еще одного уровня системы – сознанию. Предположим, у человека возникает желание высказать эту мысль (это желание зависит от фрактала и специфики жизни систем этого человека). Желание эмоционально всегда (как, впрочем, и сама мысль). Эмоция как бы охватывает, завершает и напрягает систему (вся тайна эмоции, этой «золушки психологии» в этом и состоит). У человека есть два пути высказать мысль себе (внутренняя или эгоцентричная речь) и Другому: это

точка бифуркации. Рассмотрим вариант высказывания Другому (система пошла по этому пути). Я разворачиваю систему, замедляю ее, переводя во вполне материально ощутимую знаковую форму, охваченную и пронизанную эмоцией. Почему нам нелегко бывает понять другого, почему для меня «мысль изреченная есть ложь»? сейчас мы можем объяснить это так. «Замедление» жизни систем, введение детерминанты (причем не одной) делает систему очень восприимчивой и как бы оборачивает время – оно движется назад – от высшего порядка (мысли) к более низкому уровню хаоса. Именно в этом проблема. Другой, слушая меня, (если он хочет услышать), неосознанно ориентируется не на звуки и даже не на значения, он старается ухватить смысл. Поэтому его МПС сворачивает слушаемое материальное в точку, миг, выводя его «за» интерфейс, чем безмерно увеличивает скорость, хаос и новый порядок. Эта собранная точка рождает в нем смысл, миг, охватывающий центры всего сознания. Он «ловит» смысл. Но, как правило, этот смысл несколько не похож на мой. Дальше все известно, мы просто хотели показать механизм.

Чтобы показать, как близко подошел Выготский к подобному взгляду, приведем его мысль из «Записных книжек»: «идея, представление, etc, включаясь в психологию личности, подчиняется иным закономерностям движения... ergo есть особые психологические закономерности (не био + социо), и не смесь и не сверхопытные. Но не субъективно-методологически – т.е. особая точка зрения на те же вещи, – а объективно-методологически: есть новый тип связей + отношений = новые закономерности объективного порядка, иная система движения иного порядка и иной природы. Совершенно [новые, иные] связи, но вполне реальные: их мы называем (поскольку они необходимы) психологическими закономерностями, и их познания – психологическими законами.

Ergo:

специальная установка на вскрытие и исследование этих связей, которые... делают высшую психическую функцию тем, чем она есть и психологические функции человека – [высшими, специфически человеческими]» [9, с. 168–169].

Нам

понадобилась большая выдержка из Выготского потому, что в ней все, о чем мы хотим сказать. Как предвидение.

Чтобы проверить, имеет ли какой-либо объяснительный потенциал все здесь изложенное, обратимся к чудесной, красивой

и содержательной метафоре Л. С. Выготского, с помощью которой он объясняет переход мысли в слово. Напомним, Л. С. Выготский создает образ дождевой тучи, готовой пролиться дождем (туча – мысль, капельки дождя – слова) [5, т. 2]. Эта метафора используется, слава Богу, достаточно часто, но нас она интересует с несколько другой стороны. Итак, мысль (облако) не выражается в слове (капелька), а совершается, испаряется в нем, переходя в «свое другое» и изменяя саму мысль. Выготский добавляет «ветер» как мотив, приведший к этому процессу и тем самым «закрывает» метафору, отмечая, что мотив (в той терминологии – «аффект») – это и есть самое главное и самое неизученное. Гениальная метафора действительно объяснила психологический процесс, но почему-то (несмотря на упоминания) реально использована в психологии не была (слишком сложно, что ли?). Зато была (возможно неосознанно, параллельно) использована в технике, и мы получили интернет и мобильную связь. Но вернемся к метафоре Выготского. Сейчас (не тогда), она вызывает ряд вопросов и стимулирует поиск. Какова природа облака (мысли)? Как оно возникает? Откуда берется ветер? Как осуществляется переход облака в капли? Почему иногда идет дождь (слабый или сильный), иногда – град, иногда – снег, а иногда – ничего – повисит-повисит и уплывает? Эти, «детские» вопросы, на самом деле являются узловыми. На все эти вопросы (об облаке и дожде) четко ответит любой грамотный гидролог (метеоролог), но ответит он в стиле детерминизма, что нас теперь не устраивает, и еще больше не устраивает потому, что мы ведь хотим про психологию.

И мы можем сказать следующее: облако есть не только мысль, но вся психика, причем, это – системное образование. Она (система) образовалась как этап жизни всей системы Универсума, и следовательно, мы имеем дело с вероятностным, но не детерминистическим процессом. Этот МИГ (в мегаизмерении), когда мы его видим, но не осязаем (и сквозь него может, например, пролететь самолет или птица), есть миг интерфейса – когда частицы уже разгоняются до предельных скоростей, но тело еще есть и еще не теряет объем. Для психологии – это точка бифуркации, когда перед системой выбор: выпасть дождем или быть перемещенным или разметенным ветром. Любая

детерминанта вызовет флуктуацию и система пойдет к определенному аттрактору, но после преодоления детерминистского воздействия. (Я могу мысль высказать, скрыть, забыть, высказать «мягко» (дождь), «жестко» (град) и т.д.). И здесь тоже нет детерминизма – идет движение к фракталу – от моей системы смыслов (фрактал 1) к другим системам (фрактал 2). Интересно, что на самом деле я всегда говорю себе, т.е. фрактал 2 – это лишь промежуточная станция. Момент отрыва капли (совершение мысли в слове) это важнейший момент, который мы уже описали: высший порядок (доступный только мне) проходит через хаос, как бы в обратном направлении. Скорость замедляется до того, что мы можем воспринимать телесно-естественное – видеть, слышать и т.д. Есть и еще серьезный момент. Идет дождь, а не одна капля. Т.е. мы имеем дело с повествованием, а не с отдельным словом и действие всех параметров систем психики резко усложняется, хотя принципиально природа их не нарушается. Итак, перед нами неравновесная диссипативная система, аттрактором в которой есть фрактал (смысл). Но остается еще один «детский» вопрос – как образуется облако? Как возникает мысль? Т.е. речь идет об еще одном переходе. И тут мы снова понимаем что в рамках причинно-следственных вопрос не решается, а превращается в парадокс (или – антиномию, кому что больше нравится). Мысль может возникнуть или не возникнуть, и, если возникла, это может быть, в принципе, любая мысль. И этому причины нет. Есть этап жизни диссипативной системы. Облако, что хорошо известно, возникает в результате испарения ранее выпавшей влаги и разницы температур на поверхности Земли и в небе. Однако, это вовсе не обязательный, не жестко детерминированный процесс – часть влаги, или вся она впитывается почвой, растениями, etc. Система сама приходит в состояние, когда скорости увеличиваются и возникает интерфейс (облако). Как это «перевести» на язык психологии?

Информация (значение), которую мы воспринимаем и храним, не рассеяна в хаотическом беспорядке в мозге (психике). Она ведь сразу попадает в какие-то ВПФ, динамика которых не прекращается ни на миг и движение это разнонаправлено но идет всегда к аттракторам – смыслам. Это движение, конечно есть за пределами быстрого движения материальных частиц и ощущаю его только я сам (см. выше). Но вот наступает этап, когда большинство систем

подходят к одной точке (я думаю о чем-то одном). Движение изменяется, хаос увеличивается (и чем дольше и интенсивней я думаю о чем-то, или чувствую нечто) тем выше хаотичность. И венцом этого хаоса является новый порядок (мысль) и, далее все по метафоре Выготского. Кстати, нам кажется, что эти рассуждения сейчас уже могут проверить и физики и нейробиологи.

...Нам осталось подвести некоторые итоги, которые, конечно, будут предварительными и открытыми для критики, которую мы очень ждем. Мы старались сформировать взгляд на психологическую жизнь человека, которую, если применить высказывания Выготского, основывается не на нашей субъективно-методологической позиции, а на изучении и попытке понимания объективно существующих реальных процессов жизни. Полученные (и давно известные) факты оказалось возможным обобщить, (использовав диалектическую логику) в методологическом альянсе теории МПС Выготского и теории неравновесных самоорганизующихся диссипативных систем Пригожина. В результате мы считаем возможным сформировать следующее.

Психологическая жизнь человека является реальным объектом психологии (а вовсе не психика как дух). Эта жизнь процессуально представляет собой жизнь ансамбля МПС, протекающего по законам неравновесных систем. Она не детерминируется, движется к аттрактору, сменяя состояние хаоса и порядка. Это – главное для исследователя: подход к изучению психологической жизни человека в рамках причинно-следственного мышления никогда не даст достоверно научных знаний. Наш подход согласуется с теорией Выготского в области развития психики (в частности, с возрастными кризисами). Однако он позволяет глубже понять кризис как ответ, по определению, а-детерминистской системы на биологические и социальные детерминирующие факторы.

Нам представляется ключевым в познании природы психического парадокс, состоящий в том, что свое психическое дано непосредственно познать и пережить данному человеку, но ему не дано непосредственно познать психологическую жизнь других людей. Мы считаем, опираясь на представления Пригожина об интерфейсе как «границей между материей и духом», что этот парадокс не задан, предопределен какой-то высшей силой. Его существование объясняется с привлечением понятий «время»,

«скорость», «пространство». Психологическая жизнь каждого протекает как движение неравновесной системы на сверхсветовых скоростях, когда тело «разлито» по всему пространству и время существования отдельных структур исчисляется величинами менее, чем 10–35 сек. Каждый при этом может ощущать свое, но не может – другого, и это связано с телесностью. В принципе, такая постановка вопроса позволяет реализовать монизм диалектической философии: противостояние «материя – дух» просто нет, потому что дух это просто очень быстро движущиеся материальные структуры, которые, к тому же как структуры существуют неимоверно малое количество времени. Описанное происходит как во всем Универсуме, так и у каждого человека. Мы несем в себе весь мир потому что несем системы, движущиеся с такой скоростью. Тем самым выражение «мысль (= вся психика) – материальна» теряет свою метафоричность и должна восприниматься буквально. Также и теорию В. И. Вернадского о вечности жизни должна восприниматься буквально, а не как гипотеза. Впервые в центр психологии попадает время как реальный предмет познания, как обратимый поток, который управляет всеми процессами.

В общем, мы понимаем, что есть много вопросов. Но считаем, что уже сам взгляд на психику человека как на его психологическую жизнь достоин внимания. И то, что она есть жизнь системы неравновесной, недоступной причинному изучению, и то, что сам детерминизм трудно преодолевается и «переживается» системой, и то, что психика есть особая форма (а не свойство чего-то там), – это все заслуживает внимания. Нам осталось затронуть еще один важный и весьма деликатный вопрос: есть ли в изложенном место для Высшего, Божьего в жизни человека? Нам представляется, что здесь достаточным будет такой ответ. Фрактал как сложнейший неупорядоченно гармоничный аттрактор, к которому движется система, есть, как отмечалось, смысл. Высший смысл – вера, любовь, красота, истина, доброта – это своеобразные и необходимые оттенки – составляющие этого фрактала. Вот, вопрос, откуда и зачем возникает фрактал – это вопрос вечный и вопрос ко Всевышнему... Науке на такой вопрос не ответить никогда.

Литература:

1. Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Смысл, 2000.

2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.
3. Выготский Л. С. Л. С. Выготский. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. – М., 2015. С. 132–148.
4. Выготский Л.С. Вопрос теории и истории психологии: собр. соч, Т. 1. – М.: Педология, 1982.
5. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии: собр. соч. Т. 4. С. 243–385.
6. Выготский Л. С. Лурия А. Р. Этюды по психологии поведения (Обезьяна. Примитив. Ребенок). – М., 1929.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь: собр. соч. Т. 1. С. 291–436. – М.: Педагогика, 1982.
8. Выготский Л. С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2003.
9. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под общей ред. Е. Завершневой и Рене ван дер Веера. – М.: Канон, 2017.
10. Князева Е. Н., Курдюмов С. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. № 12. С. 3–20.
11. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. – 617[7] с.
12. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Изд.-во МГУ, 1990
13. Лурия В. Р. Основы нейропсихологии. – М.: МГУ, 1973.
14. Пригожин И. Конец определенности. – М., 1997.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. К решению парадокса времени – М.: Едиториал УРСС, 2003.
16. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Спб.: Минск, 2002.

ОЧЕРК IV. ИДЕЯ ПЕРЕХОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. С. ВЫГОТСКОГО

Идею самодвижения психологической жизни человека смело можно считать центральной образующей всего творчества Л. С. Выготского если следовать мысли Э. В. Ильенкова, согласно которой главным является не то, как пишет учёный (ибо здесь работает множество внешних факторов), а то, во что упёрлась его мысль, можно смело сказать – мысль Л.С. Выготского, может, поначалу и не осознанная им самим, с юношеских лет упёрлась в проблему, как из чего-то одного получилось нечто другое то есть – переход. А значит – механизм. И в этом смысле, не целесообразно разделять творчество Л.С. Выготского на какие-то «этапы». Конструкт «переход» имплицитно связал в единство уже студенческий реферат о Гамлете, и потом жёстко выстраивал все работы Л. С. Выготского. Эксплицитно, прямо он выступает в двух фразах из «Записных книжек»: «Как наглядный образ становится смыслом?» и «Психология – наука о психологической жизни человека» [5]. Это писалось в разное время. Наиболее четко этот конструкт определяет последние работы о психологических системах и проблемах возраста особенно ярко проявляется в последних лекциях, прочитанных за два месяца до смерти студентам ЛГПИ.

Начать, однако, следует со... Спинозы. (то, что Л. С. Выготский яркий Спинозист, и что он – один из немногих сумел философские тезисы, через создание методологии, реализовать в конкретно научных исследованиях, – не требует доказательств, особенно после выхода в свет «Записных книжек»).

Это очень важно!

Вне всякого сомнения, Л. С. Выготским охвачена центральная проблема существования мироздания вообще (совсем не зря многие считают его не столько психологом, сколько мыслителем) [8]. Мы попробуем показать здесь, что Л. С. Выготский и решил эту фундаментальнейшую из проблем, решил в области психологии – а, значит, решил вообще. Однако, этого решения «не видят» (не хотят видеть?) И топчутся на месте, измышляя при этом массу всего красивого и умного, но ни на йоту не приближаясь даже к самой постановке центральной проблемы. Один из любимых

тезисов Л. С. Выготского заимствован им у Спинозы: проблема не решается, так как она неверно поставлена.

Как из непсихического возникает психическое (Леонтьев)? Как как из низшего психического возникает высшее? И т. п. – в таком виде ответов получить нельзя, ибо сама постановка предполагает наличие двух и даже, – трёх различных субстанций (Декарт), а это неверно, в принципе, и по самому большому счёту.

Между тем, пока не решится вопрос перехода (механизма жизни психического) наука будет стоять на месте. Но для того, чтобы изучить, как «одно нечто» переходит в «другое нечто» (т.е., фактически, становится своим другим) надо иметь ясное представление об этом «нечто». Так, по крайней мере, кажется, если логика наша линейна, то есть формальна. Проблема становится очень сложной. Она, заметим, многократно сложнее, так как природа и жизнь существует по совсем другой логике – нелинейной, собственно, диалектической. Оказывается, что в привычной, формальной логике отвечать на поставленный вопрос нет смысла, так как переходы настолько многочисленны и разнонаправленные, что для того чтобы что-то всё-таки понять в этой логике, необходимо нечто третье, нечто высшего порядка, которое этим всем хаосом как-то (как-не понять никогда), управляет. А поскольку человек, по складу своему, не может жить постоянно в хаосе, а может только – в упорядоченном, предсказуемо в мире, появляется идея Бога (Декарт, Мамардашвили). Именно он наводит порядок, и поддерживает его что-то создавая и разрушая, кого-то наказывая, а кого-то поощряя.

Как и зачем он это делает – не наше дело, нам дано (разрешено) получать иллюзию понимания самого примитивного простого, теша (обманывая) себя.

Здесь мы сталкиваемся с интереснейшим для психолога явлением. То, что я состою из двух отдельных частей (субстанций) – души (психики) и тела (сомы), что их существование и взаимодействие лишь отчасти можно объяснить в рамках формальной логики, как всем настолько ясно, по причинно-следственным связям. Но еще Аристотель говорил, что человек – единственное непредсказуемое существо. Вот это – и есть главное – непредсказуем, значит не понятен в детерминистской дуалистической системе. Вот тут и понадобился Всевышний,

понадобилось некое загадочное «Я», которое вообще закономерности игнорирует, понадобилось еще более загадочное Id, которое их (закономерности) просто не замечает... Психология оказалась в тупике, ибо научно т. е. вне вмешательства сверхъестественного, или не-естественного понять и объяснить психологию невозможно.

Интересно то, что этот декартов дуализм за 400 лет стал как бы архетипом и все мы (в том числе и ученые, и даже ученые-психологи – так живём и так думаем). Между тем, в философии и гносеологии эту проблему решил современник Декарта, Бенедикт Спиноза, а в психологии – наш современник и соотечественник Л. С. Выготский. Он не придумывал третьего звена (Бог, Id, самость), но он его нашёл, следуя Спинозе и создал соответствующую методологию психологии.

Итак, немного о Спинозе.⁹ Мы будем делать краткий анализ, опираясь на труды Э. В. Ильенкова, А. Ф. Лосева, Вл. Соловьёва, В. В. Соколова, Ж. Делёза, самого Л. С. Выготского, т. к. анализ текста самого философа – слишком сложный и долгий процесс, который пока никем не совершён до конца, настолько сложно устроен и выстроен этот текст. Еще одно соображение (точнее, факт) делает необходимым такой анализ: чудесным образом в наисовременнейшей физике микро- и мега- мира эмпирически доказана правота Спинозы: мир устроен не дуалистически и не детерминистски. Психология ещё этого не знает...

Реально, фундаментальная проблема взаимоотношения души (мышления) и тела в психологии не решена. Э.В. Ильенков пишет следующее: «Спинозе удалось найти единственно точную для своего века формулировку той действительной проблемы, которая остаётся огромной проблемой и в наши дни» [6, с. 28].

На самом деле, – говорит Спиноза, такого положения просто нет. «Есть не два разных изначально противоположных предмета исследования – тело и мышление, а всего-навсего один единственный предмет – мыслящее тело живого, реального человека,

⁹ Мы вынуждены делать этот долгий экскурс, поскольку хотим помочь читателю преодолеть, разрушить впитанный с молоком матери архетип ложного дуализма Декарта. Мы, с другой стороны, вовсе не посягаем на Всевышнего, а хотим показать, что новый подход позволил Л.С. Выготскому и позволит нам сделать серьёзный шаг, не беспокоя Его «всуе»... По себе знаем, как это трудно... Но Л.С. Выготский прошёл этот же путь.

рассматриваемое под двумя разными и даже, противоположными аспектами или углами зрения» [6, с. 28]. Т. е. живой конкретный человек не состоит из двух декартовых половинок, из «лишённой тела души и из лишённого души и тела». «По отношению к реальному человеку и то и другое – одинаково ложные абстракции. А из двух одинаково ложных абстракций уж конечно не слепишь реально мыслящего человека» [6, с. 29].

(Заметим, в скобках, что именно эта идея Спинозы закладывалась, на наш взгляд, в ненаписанную рукопись Л. С. Выготского «Конкретная психология человека»).

Э. В. Ильенков резюмирует: «В этом и заключается подлинный «краеугольный камень», очень простая истина, которую в целом очень легко понять» [6, с. 29]. Безусловно, это – монизм, и столь же безусловно – материализм. Последнее дискуссионно, впрочем, совершенно правильно, заостряет Ж. Делёз, когда пишет, что Спиноза единственный, кто предложил философам в качестве модели – тело [4].

И Спиноза опять оказался прав: мы уже писали, что по данным современной физики при скоростях, превышающей скорость света, тело в долю секунды обволакивает всё пространство (становится идеей не-телом = духом), а потом, в те же доли секунды может собраться в тело. Так что имеем вполне научное подтверждение, что понимание тела и духа (мышления) как разных субстанций оказалось неверным: это два разных атрибута (свойства, проявления) одной субстанции – мыслящего тела живого человека. То есть, философия, а за ней и психология пришли к рубежу кардинального изменения исходных позиций. Э. В. Ильенков пишет: «Мыслит не особая душа, вселяемая Богом в человеческое тело как во временное жилище... а самое тело человека. Мышление – такое же свойство, такой же способ существования тела, как и его протяжённость, т. е. как его пространственная конфигурация и положение среди других тел [6, с. 29].

Коль скоро это – атрибуты одной субстанции, они должны как-то взаимодействовать и быть в чём-то сходными между собой и в чём-то различными... На все эти, больше практическо-психологические чем философские вопросы, Спиноза даёт ответы, и мы их анализируем. Но в начале об ошеломляющем как для своего,

так и для нашего времени положении. Если в каждом случае мы имеем два атрибута, два противоположных способа существования и при этом существование это достаточно упорядочено, то, с необходимостью возникает предположение, что это два способа существования чего-то третьего – всеобщей субстанции. «Что же это за «третье»? Реальная бесконечная природа, отвечает Спиноза. Именно она и простирается в пространстве, и мыслит» [6, с. 29]. Эта природа имеет не только физические («геометрические», – говорит Спиноза) измерения, но и измерения мыслимо воображаемые. «Протяжённость как таковая как раз и существует только в воображении, только в мышлении» [6, с. 29]. Без этого её (по Декарту) можно мыслить только как пустоту, т. е. чисто негативно как полное отсутствие всякой определенной формы. «Приписывая природе только пространственно-геометрические свойства, «её мыслят не совершенным образом», как выражается Спиноза, т. е. заранее отрицают за нею одно из её собственных совершенств» [6, с. 29]. А потом, добавим, ищут, каким бы способом эти совершенство к ней присоединить...

Тоже самое относится и к мышлению. «Мышление как такое – такая же ложная абстракция, как и пустота» [6, с. 29]. На деле, она лишь свойство, предикат, атрибут того же самого тела, которому принадлежит и пространственные определения.

«Иными словами, – пишет Ильенков, – о мышлении как таком, можно сказать лишь очень немногое: она не самостоятельно и отдельно от тел существующая реальность, а лишь способ их существования. Реально существует не мышление и протяженность сами по себе, а только тела природы, увязанные цепями взаимодействия в безмерное и безграничное целое, обладающие и тем, и другим» [6, с. 30].

Это действительно ошеломляет, но об этом чуть ниже. А здесь пойдём «за Ильенковым» и отметим, что очень простым и изящным оборотом мысли, что называется, походя, Спиноза взял, да и разрубил гордиев узел «психофизической проблемы», до сих пор мучающую своей мистической неразрешимость массу теоретиков и школ» [6, с. 30]. Спиноза показал, что такой проблемы просто нет. «...Человек и природа как раз самоочевидным образом и совершают то самое действие, которое мы привыкли называть мышлением. В человеке, в его лице мыслит сама природа, а вовсе

не какое-то особое, извне вселяющееся в него существо, начало или принцип [Ильенков, 1984, с. 30]. В человеке природа мыслит самое себя, осознает самое себя (тут можно добавить также психологические термины, которые являются лишь модификациями («модусами», – Спиноза) мышления... Кстати, термин «мышление» Спиноза трактует несколько непривычно для нас...

Теперь – об ошеломлении. В одно и тоже время жили два гениальных философа – Рене Декарт и Бенедикт (Барух) Спиноза. Каждый, повторим, был гением. Декарт выяснил, что человек состоит из двух субстанций, совершенно разных, каким-то чудом (это знает лишь Бог) на время соединяющимися. Также устроен весь Мир – Материя и Божественный Дух. И Декарту поверили, и верят до сих пор (житейски, и мы с вами). То, что он, при этом закрыл путь науке, оставив ей какие-то там факты, никого почему-то не возмутило.

Спиноза, напротив установил, что человек в своем мышлении (Духе) и теле – един, что это – одна субстанция, имеющая два атрибута, и что эти атрибуты не то, что как-то так соединяются кем-то (вдуваются), а существовать друг без друга не могут, как этот текст без ручки. И это, вроде так очевидно – не надо никакой науки, чтобы знать, что думание без его субъекта (тела человека) это смешной нонсенс... И Спиноза, как и Декарт, замахнулся на весь мир и сказал, что он – един, и мыслящий и материальный и другим быть не может, и ничего, вроде Духа Святого для его существования исследования просто не нужно... Это было столь привычно и очевидно, что Спинозе... не поверили. И только в XX веке поняли, что по словам одного философа, «старик Спиноза оказался прав...» Когда В. И. Вернадский со стороны науки строго доказательно пришёл к необходимости понятия ноосферы (сферы разума), и гипотезе вечности жизни, он подтвердил догадку, великое озарение Спинозы – Вселенная (природа) – разумна, а разум – вселенский атрибут.

К тому же самому, и в тоже время, неожиданно – со стороны теологии пришёл Тейяр де Шарден.

А монизм, т.е. условность разделения на материальное и нематериальное вполне достоверно показала квантовая механика и теория самоорганизующихся систем И. Пригожина.

Спиноза-угадал!? (Но почему-то его и сейчас весьма неохотно вспоминают... это, и правда, загадка). Но вот, Л. С. Выготский в психологии вспомнил и не скрывал этого, и задумал фундаментальную книгу о том, что получится, если выстроить научную психологию на философии Спинозы... правда, Бог дал ему только начать...

И тут уместен ещё один вопрос: может, философию Спинозы не приняли, потому что в ней не было места Всевышнему? Во все времена это было ох как важно. Но это неправда. Да, природа – единая субстанция с бесконечно разнообразными атрибутами и модусами и здесь действительно нет места Духу Святому. Но, и это признавал Спиноза, вся это невероятная субстанция как-то существует, как-то организуется и хаос в ней лишь временное явление, да и он по-своему упорядочен. Вот и место для Бога. «Бог не играет в кости». Эта фраза А. Эйнштейна стала предвестницей эмпирического доказательства отсутствия детерминизма в жизни систем, то есть вообще, в жизни.

История Спинозы и его учения (вернее, история его продолжающегося забвения) – действительно загадочна. И Л. С. Выготский тут был чуть ли и единственным счастливым исключением, правда исключением гениальным, как и сам Спиноза.

Чтобы продолжить анализ следует указать на некоторые особенности понимания Спинозой мышления. Главное здесь, как отмечает Ж. Делёз, что мышление философ понимает глубже и шире, чем сознание. К последнему, у Спинозы, вообще более чем критическое отношение. Сознание не находит существенного, а питается лишь «эффектами», и, поэтому, вместо сущности получает и оперирует собственными иллюзиями. Мышление имеет значительный пласт бессознательного (за 300 лет до Фрейда) и только поэтому является действительным атрибутом субстанции, поскольку это позволяет ему постигать истинный смысл. С учетом современного понятийного аппарата, можно, видимо считать, что мышление Спиноза отождествляет со всей высшей психикой человека об этом, в частности говорят его же пояснения [9]. При этом речь не идет о мышлении вообще. Мышление каждого конкретного человека – не атрибут, а лишь модус, то есть частичное проявление. Мышление же вообще это атрибут всей Природы, её субстанция, как и противоположная ей протяженность. По поводу отношения Спинозы к сознанию, уместно здесь привести

мысль Ж. Делёза: «модель тела, по Спинозе, поддерживает не просто обесценивание сознания в отношении протяжённости, но, что более важно обесценивание сознания в отношении мышления: открытие бессознательного, бессознательного в мышлении, столь же глубоко, сколь и непознанное в теле» [9].

Монизм и закономерно приводит Спинозу к пониманию того, что между атрибутами, модусами и внутри них не существует причинно-следственных связей. Если мышление есть действие природного тела, то оно есть действие, выраженное и пространственно. «Именно поэтому, – замечает Э. И. Ильенков, – между мышлением и телесным действием нет и не может быть причинно-следственного отношения, которое искали картезианцы» [6, с. 30]. Опять неверно поставлена проблема – искали то, чего просто нет (сколько же таких проблем в современной психологии). Его не может быть, опять-таки потому, что мышление и тело вовсе не две разные вещи, а одна и та же вещь, выраженная разными способами.

«Между телом и мышлением существует не отношения причины- следствия, а отношение органа (т. е. пространственно-организованного тела) со способом его собственного действия» [6, с. 30]. И далее. «Мыслящее тело не может вызывать изменений в мышлении, не может воздействовать на мышление, ибо его существование в качестве мыслящего и есть мышление» [6, с. 31]. Э.В. Ильенков замечает, что если мыслящее тело бездействует, то оно уже не мыслящее тело, а просто тело. Если же оно действует, то никак не на мышление «ибо само его действия представляет собой мышление... Мышление не продукт действия, а самое действие, рассматриваемое в момент его совершения» [6, с. 31].

Мы так подробно остановились на анализе Э. В. Ильенкова, потому что он важен не только тем, что помогает нам бороться со вбитым веками архетипом дуализма, но еще решает (точнее, обозначает начало и направления решения двух вопросов, один из которых, слава Богу, уже решен и отменен историей, хотя сейчас переживает ренессанс, в связи с многочисленными серьезнейшие открытиями в области биологии мозга). Этот вопрос о вульгарном материализме. С этим вопросом в психологии опять беда. Казалось бы, и философия Спинозы и других философов, и научные данные, и просто жизненный опыт давно закрыли вопрос – если тело и

мышление – одна вещь, а не две, то ни одна из них не может быть не причиной не функции другой. И всё-таки, очень хочется объяснить мышление как функцию мозга (мозгу почему-то «не повезло» хотя есть и альтернативы – психика – функция сердца, а у Декарта – шишковидной железы и т. п.). Мозг, получается выделяет мышление как печень желчь... И чем больше мы думаем о мозге, тем больше и больше кажется, что вот-вот и мы откроем вековую тайну души... Но, увы... Никто и не возражает против связи (два атрибута одного). Но вопрос опять неверно поставлен. Если мы хотим узнать суть ходьбы, мы можем изучать ноги до молекул и атомов, изучать механизмы, но что такое ходьба человека, мы не узнаем (см. Н. А. Бернштейна о живом движении). Именно потому, что психика и тело – одно, мы не найдем тайну половинки в другой половинке. Хотя узнаем много полезного, безусловно.

Итак, критика спинозизма ни сверху (теология), ни снизу (вульгарный материализм) продуктивной не является.

Есть, как мы сказали и другое, очень важное, которая затронул Э. В. Ильенков, но лишь затронул, потому что было «нельзя». В объяснении мыслящего тело не работает причинно-следственная логика. То есть не годится детерминизм, и за это очень не любили Спинозу – было просто очень рано и далеко до логики диалектической предполагающей вероятностность (Э. В. Ильенков, наверняка, знал об успехах квантовой механики и теории самоорганизующихся систем, так как был не только прекрасным философом, но и широко эрудированным человеком... Однако, было конкретно «нельзя», так как официальная идеология считала детерминизм не только фундаментальным принципом философии, но и любой науке вообще, и особенно психологии).

Вредоносность детерминизма содержится в нем самом. Да, действительно, очень много в жизни человека происходит в причинно-следственной логике... Но еще Аристотель говорил, что человек – единственное существо, поведение которого нельзя предсказать в этой логике. Спиноза видел проблему в том, что причинная связь поведения с низшими аффектами, причиной которых является «несовершенная» жизнь характерны для «несовершенных людей», несвободных, наслаждающихся своей зависимостью.

Л.С. Выготский много сил отдал на преодоление детерминизма в психологии, в частности, экспериментальной. Его требования к тому, чтобы эксперимент вызывал аутостимуляцию, а не работал по схеме S-R было центральным и термин «психологическая детерминация» – это его термин. Однако все это оказалось прочно забытым... И всё-таки, достижения передовых наук медленно, но проникают в психологию, и мы уже писали, что индетерминизм является, на самом деле, действительным принципом нашей науки. Иными словами, если Спиноза (а за ним Л. С. Выготский) отрицают возможности причинно-следственного объяснения жизни мыслящего тела (психологической жизни – Л. С. Выготский), это не значит, что она, эта жизнь не упорядочена. Это значит, что нужна другая нелинейная, вероятностная логика. Именно её применение может привести к познанию истины, а не к заблуждению. Главную загадку мыслящего тела можно сформулировать очень просто: как получается, что предмет, действующей на нас, воспринимается как внешний предмет, а не как изменения, вызванные этим воздействием в нас самих (предельно просто: в результате восприятия возникает образ предмета (это – азбука, вопрос – что же я вижу – предмет или образ – на него автору ещё не ответил никто. Э. В. Ильенков формулирует это несколько раз (стиль Выготского) и завершает: «трудно, а с точки зрения чисто физических (в эпоху Спинозы даже «чисто» механических, геометрических) понятий даже невозможно объяснить, как и почему мыслящее тело испытывает и воспринимает вызванное внешним телом действия внутри самого себя как внешнее тело, как его, а не свою собственную форму конфигурацию и положение в пространстве» [6, с. 33]. Её не решили и сейчас, а Спиноза нашёл это решение, хотя лишь как общетеоретическое. Он хорошо понимал, что решить проблему окончательно можно, лишь изучив вполне реальные конкретные механизмы, с помощью которых мыслящее тело умудряется производить воистину мистический непонятный с точки зрения формальных понятий фокус [6, с. 33]. Однако оно такой фокус производит – видит вещь, а не те связи в частицах, которые внутри него эта вещь своим воздействием вызвала – факт несомненный. Факт, требующий принципиального объяснения, в общей форме

намечающего дальнейшие пути более конкретного изучения [Ильенков, 1984, с. 34].

...Здесь мы прервем наш анализ и отметим одну очень важную черту и Спинозы, и Э. И. Ильенкова: факт, о котором идёт речь, известен всем как общее место. Спинозу он... удивил. Вот этого удивления нам-то и не хватает. И ещё, этим поворотом, Спиноза заявил о необходимости исследования такого рода фактов философски, сообщив, тем самым философии впервые и в последний раз статус науки, имеющей свой предмет. Не теологические мудрствования, не позитивистское сведение философии к функции каких-то там обобщенных фактов, полученных в настоящих науках, а собственно науки. И Он решает этот вопрос научно-философски.

Повторим, Спиноза отчётливо понимал что перед ним не очередной досужий вопрос, требующий «философствования» и мудрствования лукавого, а... совершенно точный, практический вопрос, который другая наука, без предварительного философского решения, даже рассматривать не может. Уже тогда на поставленный вопрос можно было давать два мудрых ответа.

Первый, в стиле Декарта – то, что мы видим, мы видим в душе и благодаря душе, а следовательно, понять не сможем вообще, ибо это – от Бога. Второй ответ немного позже сформулировал Маркс: идеальное, это материальное, пересаженное в человеческую голову. Метафора «пересаженная» – хитрая метафора... Но на самом деле, легко открывается – в «голову» пересаживается материальное тело и там происходят материальные же процессы, и когда-то мы их увидим (электронный микроскоп был еще очень далеко), а пока само строение систем рецепторов приводит к появлению материальных изменений где-то в мозге – ну и т. д. Т. е., ответ Маркса, который долго считался чуть ли не откровением диалектики, на самом деле всё запутал до невероятности, будучи чисто вульгарно материалистическим (это ведь Я, а не какая-то душа, вижу вот этот шкаф, «не пересаживая» его в голову с помощью сверх запутанных материальных механизмов). Это, кстати очень похоже на то, как Ньютон создал искусственно целый набор разнообразных призм и колбочек, взял, да и получил радугу и имел неинтеллигентность заявить, что так-де происходит и в природе.

Итак, оба ответа не подходят. Есть ли третий? Есть, отвечает Спиноза. Но для этого необходимо сделать три уточнения, причём, не «из головы» а учесть саму жизнь.

Первое – два атрибута протяженность и мышление единой субстанции – это то, что мы знаем. Субстанция, веско доказывает Спиноза, имеет бесконечное число атрибутов, о которых мы пока ничего не знаем, но это не значит, что нам вообще не дано этого знать.

Второе. Субстанция – это не один конкретный человек (мыслящее тело), а вся природа вообще. Человек – лишь один из модусов и его самое тщательное изучение никогда не даст ответ на общий вопрос (вопрос этот мы сформулировали). Однако, изучение это, необходимо (но уже конкретно научное) ибо может дать ответ на существенный отличительный признак этого модуса и, тем самым, подвести к ответу на глобальный вопрос. И Спиноза делает третье абсолютно верное (потому как очевидное) допущение: человек (мыслящая протяжённость) строит орбиту своего движения жизни с учётом свойства, орбиты движения и внутреннего состояния (мышление или его отсутствие) всех других тел. Оно, это тело таким способом отражает систему взаимодействия, в которую включены не только перечисленные признаки в других тел, но и свои собственные. Нам кажется, что образованные таким образом сложнейшей системы есть третий атрибут субстанции (но не последний, конечно), который позволяет ответить на вопрос. Кстати, таким третьем считал системы Л. С. Выготский (записи в «Записных книжках» [Записные книжки..., 2017]). Я вижу вас, вижу этот шкаф потому, что я и вы (я и он) – единая система, а не набор разных не связанных между собой тел или свойств. Познание не будет полным, но оно может значительно расшириться и улучшиться с учетом сказанного (примером тому – достижения физики и потенциал культурно-исторической теории Л.С. Выготского).

Таким образом, в философии Спинозы обнаруживается три важнейших для любой науки (особенно, психологии) методологемы – монизм, индетерминизм, системность. Но это как оказывается ещё не всё.

Может ли быть, на основании этих трёх методологем, найдена истина (и что такое истина)?

Так или иначе, центральной в философии Спинозы является категория субстанции. Значит, чтобы «работать» в рамках этой философии необходимо определиться с её конкретным содержанием. Анализ показывает, что Спиноза не только синонимизирует термин, но и в ходе своих рассуждений, всё же даёт конкретику.

Синонимизация сама по себе ничего не даёт: для Спинозы субстанции = Природа = Бог, как единое сложное образование = Мир. Это, повторим, не проясняет картину. Однако более тщательный анализ позволяет несколько определиться почему это важно для психологов. Ясно, как день: перед нами перемешанная и «затушеванная» загадка: как происходит так, что человек (мыслящее тело) видит реальный предмет и даже может вскрыть его существенные (не данные в непосредственном восприятии качества), а не те внутренние, внутриклеточные, внутримолекулярные процессы, которые вызываются раздражением, идущим от предмета? Это загадка (опять-таки, тщательно затушеванная всегда стояла перед бихевиоризмом: все они, начиная от Уотсона и Бехтерева с Павловым были очень умными людьми и видели, и понимали, что человек, в отличие от животных не прямо отвечает на раздражение, а через паузу, во время которой он размышляет. Вот, что же и как происходит во время этой паузы – никто из нас не знает (ну, конечно если не считать знанием умные словечки, типа «инсайт» и т. д.) Спиноза это прекрасно понимал, как и то, что внутри самого мышления (в клетках и молекулах) ответа не найти. Он понимал, как считает Э.В. Ильенков, что для решения проблемы надо «выйти за пределы рассмотрения того, что и как происходит внутри мыслящего тела (будь то мозг человека к или даже человек в целом, обладающий мозгом) [6, с. 42] и рассматривать ту реальную систему, внутри которой эта функция осуществляется – «систему отношений: мыслящее тело и его предмет [6, с. 42] Причём, имеется в виду, не конкретный случай, а любой предмет вообще, по отношению к которому возможно умное действие.

Понять мышление можно только через исследование способа его действия в системе: мыслящее тело – природа в целом (у Спинозы – она же субстанция, она же Бог). Только так – сначала понять целое и определить, чтобы потом любой частный случай изучать с исходной философско-методологической позиции, а не наоборот!

Итак, субстанция – есть нечто, а именно постоянно изменяющаяся и движущаяся система разнообразных отношений между протяженностью (материей, телесность) и непротяжённостью мышления, вообще, в целом. И последнее очень важно. Именно: необходимо, полагает Спиноза, понять мышление вообще, мышление как универсальный способ отношения мыслящих тел (возможно, не только людей) с мыслящими же телами и просто с телами, шире – с телесностью, протяжённостью, геометрией в том числе – изучением полем, «эфиром» etc. Необходимо «ухватить» суть. Для Спинозы она такова: «мышление как «атрибут» субстанции, не как «модус», не как частный случай... Единственной системой, внутри которой мышление имеет место с необходимостью, а не по случаю, является не единичное тело, и даже не сколь угодно широкий круг таких же тел, а только единственно природа в целом» [6, с. 43]. Мы уже обращали внимание и обратим ещё раз – Природа в целом (т. е – ВСЁ) обязательным свойством (атрибутом) имеет мышление (более гуманистической философии мы не знаем, и при этом – никаких сверхъестественных сил).

И в тоже время, на уровне отдельных тел («модусов») мышление не является необходимым свойством. Оно, считает Спиноза, скорее, случайно, и человек – далеко не единственный модус, им обладающий (и то, как видно, не всегда, и не каждый)¹⁰.

«Так что отдельное тела – даже человеческое – обладает мышлением вовсе не с необходимостью», – замечает Э.В. Ильенков [6, с. 43].

Получается, что в человеке мыслит та же самая материя, которая в других случаях только простирается; мыслит самое себя (не здесь ли тайна самосознания и рефлексии, – и снова ничего сверхъестественного).

Итак субстанция – не нечто застывшее, а бесконечная и бесконечно меняющаяся система отношений... Мы согласны с Э.В. Ильенковым, который пишет, что познанию этих бесконечных отношений и посвящена вся философия Спинозы. Здесь, кстати,

¹⁰ Кстати, все эти детали Спиноза тщательнейшим образом анализирует в «Этике», которую мы склонны считать вообще, лучшим учебником по психологии всех времен.

даже на терминологического уровне, видно, что Л.С. Выготский в своей теории реализует философию Спинозы в полном её объёме. Так, оказывается не зря Л.С. Выготский все психологические явления называет психологическими функциями, а в одной из последних записей определяет психологию как науку «о психологической жизни человека». И не зря опять же, Л.С. Выготский упорно проводит сочетание «психология человека», «конкретная психология человека», тем самым точно следует за Спинозой – речь о мыслящем теле как модуса: это есть область исследования конкретной науки, а вовсе не какая-то психология вообще, психология неизвестно кого, это уже претензия на изучение субстанции ее атрибутов, что в общем, составляет предмет философии, и просто, по определению не может изучаться любой другой наукой – естественной ли или гуманитарной.

Но необходимо еще раз вернуться к Спинозе, чтобы понять как он на своём, философском уровне, объясняет особенности мыслящего тела как модуса (здесь необходимо отметить: искать ответ на поставленный вопрос можно только реально «держа в голове» ту истину, что объяснение будет в любом случае частичным (редуцированным) ибо истинная загадка мышления – в понимании его не как модуса, а как атрибута, что нынешней науке вообще не по силам, только философии.

Итак, ответ Спинозы (приводим по тексту Э.В. Ильенкова): «Человек – мыслящее тело – строит своё движение по форме любого другого тела. Он не дожидается пока неодолимое сопротивление других тел заставит его свернуть с пути: мыслящее тело стремится обойти любое препятствие самой сложной формы. Способность активно строить своё собственное действие по форме любого другого тела, согласовывать форму своего движения в пространстве с формой и расположением всех других тел Спиноза и считает отличительным признаком мыслящего тела, специфической чертой того действия называется мышлением, разумом» [6, с. 39].

Отметим, прежде всего, как бы побочный для нас здесь, но важный по существу момент: Спиноза говорит о том, что нет резко отличительной черты человека от животных, поскольку все они

(особенно, высшие) обладают такой способностью, правда в менее развитой форме...

Далее, Спиноза всё дальше уходит от дуализма и Святого Духа (души), строя объяснение системы взаимодействия мыслящих тел (людей) между собой и с телами немыслящими. На первый взгляд, интерпретация Э.В. Ильенкова несколько упрощена и лишает нас возможности восхититься разуму человека. Она функциональна, это правда. Но она точна как изложение мыслей Спинозы и, на самом деле – глубока, это, во-первых, а во-вторых, выступает общей методологией для психологии (конечно, как науки). В ней заложены также необходимые составляющие мыслящего тела (человека) как внутренний мир, универсальность, свобода.

Покажем это, пока тезисно. Отметим здесь как «общее место»: с точки зрения философии, Спиноза, как никто другой из его великих коллег (за исключением, пожалуй, Гёте) – предельно конкретен и научен. Но с точки зрения конкретно-научной психологии (как и всех других конкретных наук), он, конечно, предельно метафоричен (как собственно, все философы)... О чём реально идёт речь? Прежде всего, Спиноза чисто диалектически (а, значит, верно) решает пресловутый вопрос о том, что было в начале. Он, нам представляется, неверным и «убогим» считает сам поиск этого «начала». Нельзя говорить о том, что мыслящее тело ещё до живого движения, живого взаимодействия рождает мысль, которая потом выражается, воплощается во взаимодействии, действии, слове etc. С другой стороны, мыслящее тело (человек) любое своё действие, любую физическую или внутреннюю активность совершает уже только как мыслящее тело. Т.е., в этом смысле модус устроен по закону устройства всей субстанции, которая, напомним, и есть действительное всеобщее мыслящее тело. Спиноза жёстко говорит своё нет дуализму, метафизике, современному (нам) позитивизму: формальная логика, в которой уместен вопрос о начале, здесь, относительно мыслящего тела, не работает, она здесь неуместна: просто, надо по-другому думать: человек есть мыслящее тело всегда, и жизнь не отделяет одно от другого, а является фактически процессом их бесконечно сложных и постоянно меняющихся отношений. И тогда становится понятным, что «размышление как раз и есть такое внешне никак не

выраженное действие, которое направлено на перестройку самих схем преобразования исходных воздействий в ответную реакцию. Здесь тело имеет предметом своих действий самого себя» [6, с. 40]. Мы бы несколько изменили тезис Э.В. Ильенкова: тело формирует, размышляя, не ответ, не ре-акцию, а акцию, активное действие (не обязательно физическое) на окружающие тела, с учётом их форм и траекторий. Так мы приходим к внутреннему миру человека, где и совершается это размышление.

Между прочим, Л.С. Выготский следовал этой диалектической логике во всех своих работах. Логике, которая делает ненужным, действительно, «убогим» и недопустимым дуализм. И в тоже время требует признания как совершенно реального, ощущаемого внутреннего мир в мыслящем теле. И для Л.С. Выготского это началось не в 25-ом году, как думают аналитики, а гораздо раньше, еще в студенческом реферате о шекспировском Гамлете. Том самом Гамлете, которого не поняли и не понимают сейчас многие великие, а Л. Толстой просто поиздевался и назвал это величайшее произведение самой плохой пьесой Шекспира. Так вот Л.С. Выготский понял Гамлета¹¹ [Выготский, 2015]. Гамлет – размышляет, как преобразовать ситуацию, многое учитывает, пытается всё сделать правильно и справедливо... и, возможно, так, как закончилось, так и должно быть... Эта внутренняя работа в последней лекции Л.С. Выготского названа уже не размышлением, а – переживанием, понятием, в котором Л.С. Выготский решает проблему единства аффекта и интеллекта. Решает, опять-таки, в стиле Спинозы... А Гамлет ищет возможность поступить свободно (т. е., по-своему, согласно Спинозе), а не под действием стимулов – эмоций, страстей, потребностей. И Шекспир это показал (тоже, корни Спинозы), а Выготский понял.

Спиноза, в связи с этим, обращает внимание на принципиальную универсальность мыслящего тела (человека). В размышлении происходит изучение и анализ бесчисленных ситуаций и схем, поскольку количество тел с их особенностями и орбитами действительно бесконечно (конкретно бесконечно, это – не «дурная бесконечность» Гегеля как абстракция, а сама реальная жизнь каждого из нас). В этом плане мыслящее тело, чтобы оставаться таковым, не может быть узкоспециализированным (как неживые

¹¹ В свое время мы проведем анализ этой работы Л.С. Выготского.

тела, растения и животные). Жизнь требует универсальности и не просто готовности, а если хотите, любви к изменениям и проблемам. Человек способен решить, в принципе, любую проблему тем или иным способом, один или в сообществе. Т. е., по Спинозе – человек существо универсальное, а не специализированное. В этом смысле, в плане конкретном можно отметить две вещи: одни животные очень ловко лазают по деревьям, другие быстро бегают, птицы летают... На таком уровне человек уступает им, но зато, он может всё это, только другим способом, и совершенно неясно пока, что же ещё может человек? Спиноза, похоже, склонялся к тому, чтобы ответить – всё!

Другая сторона проблемы. Философия Спинозы практически и конкретно (а не абстрактно-терминологически) доказывает ещё 400 лет назад, что человек уникален и никакая машина (компьютер) никогда не станет человеком, потому что она специализирована самим человеком. Компьютер может быстрее и точнее считать, запоминать бездну информации, но... Программу для него делает человек, который способен намного больше. Становится ясна мысль Спинозы: «никто не знает, на что способно тело» (теперь мы понимаем, что речь идет о мыслящем теле (Л.С. Выготский далеко не случайно взял эту мысль Спинозы эпиграфом к «Психологии искусства»). В человека нельзя вложить какую-либо программу или схему и заставить его её выполнять. Мы подчеркиваем слово нельзя, имея в виду, что в тех случаях, когда это, вроде бы, возможно, перед нами уже – не мыслящее тело. Но человек сам может поставить любую цель (любую – как абсолютно любую) сообразуясь со свойствами и орбитами окружающих тел. Как? Спиноза не отвечает, но настойчиво употребляет при описании мыслящего тела слово «система» (а за ним это делает и Л.С. Выготский). Но до открытия синергетики – ещё долгих 300 лет, зато сейчас мы можем сказать вот он мостик – психология человека (никаких духов) – диссипативные природные системы и процессы. Это тот уровень строения и функций мыслящих тел, который предсказал Спиноза – именно системы, самоорганизуясь, взламывают вековечный и навязший дуализм Декарта и воочию показывают – протяжённость и мышление, это – одно на микроуровне, а значит и на любых других уровнях в том числе и макроуровне.

И ещё, мышление Спиноза понимает специфически – вроде бы как философскую категорию (он не любил, критиковал и не употреблял в позитивном смысле термин «сознание»). В этом плане, мышление есть синоним души (психики) и включает в себя все известные и неизвестные психологические явления («Функции», – говорит Спиноза, а за ним Л.С. Выготский). С другой стороны, Ж. Делёз правильно называет философию Спинозы «практической философией», т.к. Спиноза не «играет» абстрактными терминами, как его коллеги и сейчас, а опирается на совершенно реальные жизненные, конкретные факты. И становится понятным необходимость термина «система»: чтобы универсально выстроить своё движение, мыслящее тело задействует каждый раз всю совокупность психологических функций, от ощущения до целеполагания (а значит, самосознания, рефлексии и смысла). Совершенно отдельно звучит мотив аффекта.¹² Спиноза довольно скупо определяет его, как то, что повышает или понижает жизнедеятельность мыслящего тела, т.е. речь идёт о мотивации. Сейчас мы можем объяснить и это с точки зрения диссипативных систем.

Мыслящее тело, чтобы жить в сложнейшей и вечно изменяющейся системе других тел, должно обладать возможностью совершить свободные действия. Это требует анализа. Понятие свободы, свободного действия все исследователи считают центром философии Спинозы. И совершенно справедливо. (Отметим, кстати фразу Л.С. Выготского в записных книжках: «Центральной проблемой всей психологии есть проблема свободы» [5]).

Некоторые аналитики считают, что проблему эту Спиноза решает в стиле своего века – механистически – материалистически. Нам представляется эта точка зрения неверной: истоки её все в той же конкретно практической манере Спинозы решать проблемы не понятийно-категориальным словоблудием, а реально идя от жизни человека. Получается, что антиномии «свобода – необходимость», «свобода – зависимость»

¹² Термин «аффект» от времен Спинозы до времен Л.С. Выготского был не совсем ясным, но в большей мере, как показывает анализ, связан не с эмоциями (как теперь), а с целеполаганием, волей и мотивацией. Эмоциональные явления Спиноза предпочитал называть страстями.

неразрешимы в системе формальной логики (как и, вообще говоря, любые антиномии). Грубо-упрощенно говоря диалектика требует решения не в плоскости «или-или», а в плоскости «и-и». В общем виде: свободное действие мыслящего тела подчинено собственной цели данного, вот именно этого тела и никакого другого. Цель полагается (в логике Спинозы, на наш взгляд, правильнее употребить этот термин, а не термин «ставится» – см. работы Ю.М. Швалба [10]) с учётом знания особенностей и траекторий всех других тел и знания своего тела как мыслящего тела; т. е. – своего внутреннего мира (выражение Спинозой не употребляется, хотя на самом деле, вся его философия, и особенно «Этика», – об этом). Чем достовернее знания, тем больше вероятность того, что цель и само действия будут свободны. Иными словами, Спиноза жёстко, однозначно (и правильно!) связывает свободу со знанием. Так появляется его знаменитая проблема истины и заблуждения. Чем больше, глубже и правильней будет знание человеком других мыслящих (и, просто) тел и их траекторий, тем более истинным будет его знание и тем вероятнее совершение свободного действия. Но в полном объёме истина никогда не будет добыта, в силу неограниченности (бесконечности) в пространстве и времени субстанции, для которой, напомним, мышление и протяженность есть только атрибутами (известными в настоящее время), а мыслящее тело (человек) – лишь модусом. Спиноза объясняет причину возникновения заблуждения. Она – в узости охвата человеком объема субстанции – чем меньше мыслящих и просто тел знает человек, чем меньше изучил он «траектории» движения тел (фактически, общения), тем более замкнут его мир и тем более его заблуждение. Но человеку, замечает Спиноза, свойственна самоуверенность – он верит, что то, что он знает и видит (чувственное познание) и есть истина – это самая печальная сторона заблуждения. Здесь Спиноза глубоко прав и прозорлив не только как философ и психолог, но и как «просто» человек. Познание не ограничивается чувственными данными и актуализацией опыта, а должно ухватывать суть вещей и явлений. Спиноза считает, что это возможно не в плане «книжном», а в реальном процессе взаимодействия с миром. Это он называет интуитивным познанием, имея в виду вовсе не то, что вложено в слово сейчас, а способность «вычерпать» суть. Такое познание и

есть, глобально, мышление, и Спиноза предпочитает этот термин термину «сознание», поскольку, как уже говорилось, правильно считал, что вычерпать суть можно только с помощью бессознательного, а сознание довольствуется иллюзиями (не отсюда ли растут психоаналитические теории, и не отсюда ли такое внимание и уважение, которое выражал Л.С. Выготский З. Фрейду, несмотря на критику, что, в общем, есть нормой научного поиска).

Итак, существует (и констатируется Спинозой) прямая связь свободно полагаемой цели и свободного действия мыслящего тела (модуса) с широтой и глубиной познания доступной части субстанции (в том числе, и внутри тела существующей). Против этого тезиса возразить нечего, а полемика до сих пор существует по поводу другой антиномии: «свобода-необходимость». Но и она оказывается уже решена (эти маленькие «чудеса» постоянно встречаются у Спинозы). Всех смущает жёсткая прямота фразы Маркса: «Свобода есть познанная необходимость». Между тем, это фраза Спинозы, и она вовсе не такая уже прямая и простая.

Спиноза вынужден вводить словосочетание «свобода воли», т.к. оно было как бы знаком, что перед нами – философ. Но «Под волей Спиноза понимает умное, разумное влечение или стремление тела человека, которое согласуется с общим порядком и связью тел (как других людей, так и вещей) окружающего мира» [6, с. 106]. В этот порядок мыслящее тело вплетено изначально, этот порядок и есть та часть субстанции, которая нам дана. Преимущество мыслящего тела «лишь в том, что оно способно с этим объективным активно считаться, корректируя свои действия и стремления в ходе их осуществления» [6, с. 107]. Или, говорит Спиноза, что ещё лучше – заранее сообразуя свои действия с необходимым и потому неодолимым порядком вещей. «Тут-то человек только и обретает действительную, а не мнимую, не вымышленную священниками и Декартом свободу» [6, с. 107]. В общем, вопрос решён в принципе (философски), но открыт пока психологически. Субстанция существует по своим законам. Мыслящее тело (человек) изначально вплетено в существование субстанции. Законы этого существования есть необходимость (не человеком придуманные, не человеку их изменять). Чем шире и глубже человек познаёт законы существования субстанции, тем

вероятнее, что его цели и действия будут испытывать наименьшее сопротивление субстанции, т.е. – будут более свободны. Всё, вопрос закрыт, никаких сверхъестественных сил в этом (и только – в этом) отношении, не надо. Но... остаётся-таки проблема заблуждения. И тут уже больше психологии (настоящей, научной), чем философии. Человек может действительно поступать свободно (1), ему может казаться, что он поступает свободно (2), может казаться, что ему не дают поступать свободно (3), ему действительно не дают поступать свободно (4). Чтобы понять, как определиться в начале – как Л.С. Выготский представлял себе свободное действие... Он, как правильно и доказательно считает Е. Ю. Завершнева, называл его «зигзагообразным» и прочно связывал с мышлением. Итак, зигзаг: первое движение чисто чувственное – от мыслящего тела к раздражителю (другому телу или своей неосмысленной потребности), «ощупывающее обследование» её, и – обратное, второе движение этого сгустка не осмысленных ощущений, восприятий и эмоций – получение впечатления – неясного, туманного, эмоционально насыщенного «образа». Это – ещё не знание объекта, это эмоционально-чувственное впечатление о нём. Если на этом этапе человек (мыслящее тело) действует, это есть несвободное, а лишь необходимое действие под диктовку другого мыслящего, немыслящего тела или своей неосмысленной потребности (философски важно: антиномия «свобода-необходимость разрывается = человек не-свободен»)¹³. Третье, заключительное действие – действие собственно мыслительное, направленное на выявление сути объекта (неопределенного количества объектов). И только после этого, когда таким образом познано как можно большее количество объектов, действие человека становится свободным (конечно, всегда – относительно свободным, поскольку познать субстанцию в целом человеку не дано. Поэтому и истина всегда относительна). Мы хотим акцентировать широту охвата субстанции совокупностью таких, мыслительных действий, поскольку это касается нравственных проблем поведения. Спиноза – об этом. И не зря своё ключевые произведения он назвал «Этика». Сужать (осознанно или неосознанно своё познание) значит становится зависимым от него, т. е. – несвободным.

¹³ и он заблуждается

Поэтому, меня в частности, несколько настораживают люди негибкие, однозначные, убежденные в чем-то одном, своём – они живут не в реальном мире (не внутри субстанции), а своём вымышленном мире, часто не подозревая этого, гордясь этим (да и общественная мораль очень любит людей постоянных и целеустремленных). Если названное зиждется на максимально широком знании (осмыслении) ситуации – это положительно. Чаще, увы, это приобретает характер невроза, когда измышленная собою же закономерность знания заслоняет собой мир (исключительно важно, что это проблема сейчас вскрыта в экзистенциальном анализе (Бинсвангер и др.)).

Состояние паники (наше с вами нынешнее состояние) это и есть максимальное сужение субстанции своего внутреннего мира до одной проблемы – экзистенциальной тревоги – смерти. А она сейчас дополнена насильной изоляцией (не-свободой) и, как следствие, актуализацией ещё и тревоги одиночества (опять-таки экзистенциальной). Выход, по Спинозе, весьма прост – необходимо осмыслить ситуацию, узнать и понять её суть, и даже доказать себе, что это есть не давление, а моё личное свободное решение. Здесь завязан узел психологии вообще. Ведь Спиноза это всё прекрасно понимал и уделял большое внимание вовсе не описанному нами (для него это легко видеть, всё это – элементарно). Спиноза работал больше со страстями (так, согласно логике, он называл эмоции). Философ опять рассматривает противоречия, жестко и однозначно связывая страсти с мышлением. Мышление, а значит, и свободное действия может быть рабом страстей (и тогда оно, строго говоря, не является ни мышлением, ни свободным действиям). Или страсти – рабы мышления, но тогда это – умные человеческие страсти (именно их искал и нашёл у Спинозы Л.С. Выготский, и этому хотел посвятить вторую часть книги об эмоциях. Причем, по данным, хорошо видно что Л.С. Выготский тоже видел, что это и будет вся психология так как узел связи страсть-мышления – он успел назвать его переживанием, есть, по его любимому выражению, «альфа и омега всей психологии»). Л.С. Выготский и успел сделать в этом направлении много (особенно в подготовительных записях), но это отдельная проблема, уже глубоко исследованная Е. Ю. Завершневой и ван дер Веером [5]. Мы же ещё раз обратили

внимание на то, что узел страсть – свободные действия (мышление) скрывает саму природу страстей (эмоций), которые до сей поры назывались «золушкой» психологии. А значит, в нём, этом узле, скрыта вся природа психологического. Очень просто (как всё у Спинозы): эмоции (страсти) есть конструкт, описывающий сложнейшие и вечно изменяющиеся взаимоотношения внутри и вне тела (мыслящего и «просто тела»), которая организует и поддерживает психологическую жизнь. Это, своеобразная ткань психологической жизни. У мыслящего тела (человека) страсти могут подчиняться мышлению, но обязательно вплетены в него, как и в свободное действие. Психологическая жизнь тела (не только мыслящего) невозможна без этой соединительной ткани. Но именно эта «соединительность» и вечное изменение взаимоотношений и есть то, что можно назвать психологической природой и страсти. Она обеспечивает появление и подавление желаний (аффектов). Таким образом, мы наметили четыре методологемы в философии Спинозы, которые должны быть положены в фундамент научной психологии человека:

монизм

системность

индетерминизм

свободное действие

В настоящее время, после публикации, в частности, Е. Ю. Завершневой, мы не видим необходимости доказывать, что имплицитно (а иногда и эксплицитно) именно на этих методологемах выстроил научную психологию Л.С. Выготский. Отметим лишь следующее. Конечно, Спиноза – философ, и несмотря на то, что его философия – практическая, он лишь поставил задачу перед конкретной психологией человека. Конечно, Л.С. Выготский многое успел выстроить психологическое, исходя из философии Спинозы. Но, в целом, ясны только проблемы и отчасти некоторые пути их решения. В этом плане нам важно отметить отдельно проблему развития. Для Спинозы развитие субстанции, её атрибутов и модусов является само собой разумеющимся. Для Л.С. Выготского это проблема центральная. Можно считать, что Л.С. Выготский был уверен – познание перехода (мосточка) от «простого тела» к «мыслящему телу» и внутри этого последнего есть самый верный путь познания тайн психологической жизни человека. Он так и

пишет – то, что для Спинозы было постулатом (развитие), необходимо сделать проблемой, и изучать ее. Нет, опять же, смысла детально анализировать взгляды, подходы и конкретные действия Л.С. Выготского в этом направлении. Важно для нас следующее. В работе «Проблемы возраста» Л.С. Выготский формирует свою позицию весьма жестко и однозначно: развитие психологической жизни человека есть, на самом деле саморазвитием (1), сам этот процесс должно сделать реальным предметом исследования (2), развитие есть не только онтогенез но и актуалгенез (3), процесс развития включает в себя кризисы, во время которых и происходит переход на новый этап (4). Если иметь в виду, что Л.С. Выготским уже написаны четыре статьи, посвященные межфункциональным психологическим системам и смысловым динамическим системам, можно говорить на современном языке: мыслящее тело (человек) является модусом субстанции, но не простым, а таким, который сам себя развивает. Он представляет собой диссипативную самоорганизующуюся систему, которая имеет точки бифуркации, в которых и происходит переход к новому состоянию. Это существование есть саморазвитие, в принципе, не нуждается в детерминации, а идущие в своём развитии каждое по своей траектории к аттрактору как конечной точке существования. Этим аттрактором для человека является фрактал.

В отличие от других систем (модусов) мыслящее тело (человек) способно изначально к целеполаганию и свободному действию (зигзагообразному).

Как полагается цель? Мы не знаем. Выскажем лишь предположение. Первые два зигзага (на объект и от объекта) образуют смысловую динамическую систему посредством эмоций как соединительной ткани. После возврата (второе действие) впечатление вплетается в новую систему, центром которой является мышление (точка бифуркации). Человек каким-то образом (?) предельно узко конкретизирует ситуацию, формирует гипотезу о сути объекта (потребности) и конкретизирует оправданность третьего (уже свободного) действия. Вот это и есть цель.

В общем, на этом можно пока остановиться.

Литература

1. Бинсвангер Л. Бытие в мире. – СПб., 1999.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – С. 5-367.
3. Выготский Л.С. Трагедия о Гамлете, принце Датском, В. Шекспира // Полное собрание сочинений: в 16 т. Т.1. – М.: Левь, 2015. – С. 77-306.
4. Делёз Ж. Спиноза. Практическая философия. – М., 2017.
5. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Е.Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. – М.: Канон, 2017.
6. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. – М.: Политиздат, 1984.
7. Ильенков Э.В. К докладу о Спинозе // Ильенков Э.В. Идеальное. – М., 2018. – С. 202-218.
8. Л.С.Выготский: начало пути: Воспоминания С.Ф.Добкина о Льве Выготском [Публикация, редакция, предисловие и комментарии И.М.Фейгенберга]; Ранние статьи Л.С.Выготского. – Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996. – 108 с.
9. Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 336 с.
10. Швалб Ю.М. Психологические модели целеполагания. – К.: Стилос, 1997. – 238 с.

ОЧЕРК V. ФАКТОР ЧАСУ В ПСИХОЛОГІЧНІЙ РЕАЛЬНОСТІ

Проблема часу в психології займає зараз цілком своєрідне і самостійне місце. З одного боку, жоден з грамотних дослідників не «скидає з рахунку» час. Коли Л. С. Виготський формулює у вигляді однієї з обов'язкових вимог розробленого ним методу психологічного аналізу розглядати явище «не як річ, а як процес» – це свідчить про певне розуміння автором психічного як існуючого в часі. Дуже відмінний від Л. С. Виготського У. Джемс називає розділ своєї «Психології» не «свідомість», а «потік свідомості». І отже, У. Джемс, як і Л.С. Виготський мають на увазі існування психічного в часі (Л. С. Виготський, 1983; У. Джемс, 1991). Те саме ми легко знаходимо у великої кількості авторів – всі «мають на увазі» час, часовий вимір. Але, зіншого боку, ми не знайдемо в науковій психології робіт, в яких автор підходить до вивчення явища не

«маючи на увазі» час, а дійсно будуючи своє дослідження з точки зору часу. Ми підкреслимо дану позицію спеціально для критиків: час як охоплюючи єство існування Всесвіту, безумовно, не має «в собі» нічого психологічного. Отже вираз «психологія часу», це вираз – трюїзм, вираз безграмотний. Тож шукати щось психологічне в часі – означає просто втрачати час (нехай нас вибачать за каламбур). Можна ставити завдання на вивчення особливостей сприймання часу і таке завдання було поставлене і вирішене – принаймні ще У. Джемс довів емпірично, що «пустий час» (вираз У. Джемса), тобто час не заповнений враженнями, думками і подіями, людина сприймати свідомо не може. Нас цікавить інше: що відкривається нового в психіці, якщо вивчати її, по-перше, в часі (тобто, не «зупиняючи мить», не перериваючи потоку), а по-друге, вивчати її з точки зору часу, отже, не «маючи на увазі час», а реально включаючи його у вихідну дослідницьку позицію. Підходячи з такого кута, ми намітили кілька позицій, які виклали у публікації і наведемо зараз.

Час як спрямований потік. Будь-яка річ, організм, людина з'являючись у світ, захоплюється цим потоком: може бути зрозумілою лише з урахуванням того, що вона спрямована («стріла часу»), рухається в цьому потоці. Разом з появою будь-якої речі виникає інший вимір часу – час існування об'єкту. Він може припинятися і це означає смерть об'єкту. При цьому час в цілому, як «стріла» не зупиняється ніколи. Тому Всесвіт не має того, що ми називаємо смертю, він нескінченний.

Людина існує у різних вимірах часу – всезагальному («стріла»), фізичному (річ), біологічному (організм), психологічному (особистість), історичному і духовному.

Історія життя людини конституює всі ці виміри (за винятком «стріли») у єдиний часовий континуум або плин.

«Історичний час» на відміну від «стріли» є, по-перше, кінечним – цивілізація може загинути, її час зупиняється; по-друге, історичний час не лише є виміром частковим стріли, але й певним чином поєднаний з психологічним часом – часом особистості. Ці два «часи» складно переплітаються, сполучаються, впливаючи один на одного та залежать один від одного (те саме спостерігається у відношеннях психологічного та біологічного часу).

Істотно різні виміри часу в існуванні певного об'єкту є дуже індивідуалізованими (навіть два схожі камені можуть існувати різний час в залежності від безлічі факторів).

Час існування об'єкту розуміється тут як час існування саме цієї цілісності, і саме цього об'єкту.

Будь-яке психічне явище (йдеться про особистість як форму існування психіки людини) існує лише в часі. При цьому – і у «власному» часі, і в часі всієї особистості. Цей час може бути дуже коротким (короткочасна пам'ять, «миттєвий» образ, «миттєва» думка тощо) і доволі тривалим, таким що співвідноситься з часом існування самої особистості (психічна властивість, психічний стан – може бути і дуже тривалим і миттєвим).

Час особистості – кінцевий (він починається й закінчується) і може бути зворотнім. В цьому випадку в цих точках («распада» - рус.) час особистості стикається з «біологічним», «фізичним» і «історичним» часом (щодо останнього – особистість і після смерті існує в історії – одна довша, інша коротше).

Сприймання часу (майже нічого не знаємо про тварин, про їх сприйняття часу). Це єдиний аспект, який хоч якийсь цікавив дослідників-психологів, на ньому не зупиняємось спеціально.

Досліджувалось також як впливає дефіцит часу на особливості діяльності, прийняття рішень, емоційні явища тощо. Встановлено, що впливає. Це зроблено постулатом. Ми бачимо в цьому проблему: треба зрозуміти, як впливає, що, власне, відбувається.

За Віготським – «свідомість людини рухається завжди в плані чогось осмисленого».

Людина може прискорювати (уповільнювати) плин часу як у власне психологічному плані, так і історичному – транспорт, листи XVIII–XIX ст. і смс зараз. Це має зворотній вплив на життя особистості.

В екстремальні моменти – час ущільнюється, неначе звертається, стискується. Люди самі це роблять (мова не про сприйняття часу) а проте, що людині дано певною мірою змінювати час.

Часовий вимір властивий не лише всім психічним явищам, а й функціонуванню продуктів людської активності (мова - значення у різних формах - звичайне мовлення, мова сліпих, глухих – все це плин, історії, твори мистецтв etc.).

Людині дано навіть впливати на «стрілу» часу (якщо вірити фантастам і Біблії).

Спогад (у будь-якому «вигляді» – миттєвий чи довгий) зупиняє теперішній час життя особистості, хоча біологічний, історичний час, «стріла» при цьому діють. Спогад – своєрідний екскурс у безсвідоме, де час, безумовно, теж існує, але за абсолютно невідомими законами.

Такий же екскурс пов'язаний з майбутнім. Оскільки воно (майбутнє) детермінує рух, воно може (повинне!) бути представлено. І представлено воно не особистості, а у особистості, тобто в безсвідомому. Свідоме представництво є – мета, образ майбутнього задоволення.

Під час сну «зупиняється» власне час історичний і особистісний (залишається – «стріла», фізичний, біологічний, психічний часи).

Сон особливо цікавий:

1) чомусь (?) треба переривання особистісного часу протягом життя і дуже значне (немовля, хвора людина, стара людина) сплять дуже довго. Які процеси відбуваються? Що являють механізми? (до речі, багато спить все живе).

2) сновидіння – людина якимось чином все ж таки знаходиться у плині часу. Незрозуміло, як і якою «частиною»?

Нудно?! Структурування часу.

Ембріологія – все структурованосаме в часі. Але недоношене дитя, що відбувається психологічно (біологічно – відомо) і у різних вимірах часу.

Орієнтуватися на психодинамічні теорії (психоаналіз, дуже цікаво і неочікувано у Виготського) які, хоч і мовчазно, але будуються на підґрунті часу.

Духовне. Це є початок і кінець альфа і омега всезагального Руху. Отже, це є водночас і сам час і його породжувач. «Стріла» породжена і керована духом. Це – максима. Здається фізики це відкриють...

Час існує об'єктивно і водночас не існує об'єктивно. Адже без живої істоти, яка є ніби вміщенням всього часу з його кінцевістю-нескінченністю – ніхто і ніщо не може сказати і знати про час. Жива істота – як хронометр вміщення всього часу (ще одна максима?).

Що таке час? Аргумент древніх скептиків добре відомий: часу не існує об'єктивно, оскільки майбутнього ще не існує, минулого вже не існує, даний же момент не фіксований. І все ж кожен з нас говорить про час як про те, що існує об'єктивно; ми говоримо: щось буде, щось було, щось є в сьогодні. Навіть минуле не є ніщо. Привертає увагу той факт, що саме мовний або оповідний досвід в певній мірі є протидія тезі про відсутність часу та небуття як наслідок його відсутності. Ми говоримо про час, причому говоримо осмислено, і в цьому знаходить обґрунтування твердження про буття часу: «І коли говоримо про нього, ми, звичайно, приймаємо, що це таке; і коли про нього говорить хтось інший, ми теж розуміємо його слова» (Рикєр П., 1998. с. 16)

Час в життєвій історії. Сутністю будь-якої життєвої оповіді є часовий характер людського досвіду. Світ, який створюється в оповіді, – це завжди тимчасовий світ, або час стає людським часом в тій мірі, в якій він будується нарративним способом, і, навпаки, оповідь має цінність в тій мірі, в якій вона окреслює особливості тимчасового досвіду. Ми можемо вважати, що існує не минуле і майбутнє як такі, але як властивості часу, які можуть існувати в теперішньому наратора незалежно від того, чи існують ще чи вже ні ті речі, про які він говорить.

Оповідь передбачає пам'ять, передбачення – очікування. Що значить «пам'ятати»? Це означає мати образ минулого. Можливо, тому що образ – це відбиток подій, який сформував враження. Саме завдяки справжньому очікуванню майбутні події представляються нам як ті, що мають статися. «Передсприймання» що дозволяє нам «передвіщати» їх наперед. Очікування, таким чином, аналогічно пам'яті. Це образ, який вже існує, – в тому сенсі, що він передує буттю, яке ще не відбулося; але образ цей не є відбитком, який залишили минулі події та речі; він є «знак» або «символ» майбутнього, яке зароджується в теперішньому. Як зазначав Августин «Правильні було б, мабуть, говорити так: є три часи – теперішнє минулого, теперішнє теперішнього і теперішнє майбутнього. Деякі три часи існують в нашій душі, і ніде в іншому місці я їх не бачу» (Рикєр П., 1998. с. 18)

В психології несвідомого час являється феноменом самосвідомості (Его), разом з появою «Я» з'являється переживання лінійного часу «минуле-теперішнє-майбутнє», яке жорстко детерміновано

причинно-наслідковим зв'язком – у «Я» (Его) з'являється власна біографія, власна історія. В особистісних вимірах, що лежать «нижче порогу свідомості» панує «безвременье». Відомий вислів Фрейда, що несвідоме не керується законами часу – воно архаїчне, доісторичне, магічне, анімістичне, тобто таке, яке з точки зору свідомого «Я» грає з часом – згущає фігури минулого та теперішнього, породжує відчуття майбутнього в формі гротескних минулих подій, «звертає», розриває час, позбавляє його одновекторності. Юнгіанські протообрази психічного – архетипи, взагалі складно помислити з точки зору критичного мислення свідомого «Я», оскільки вони не мають власної історії розвитку, вони вже дані і непорушні – «над-часові», отже не підлягають каузальному принципу об'єктивного часу.

Особистість не перебуває в сьогоденні, або точніше сказати, не перебуває в цілому в теперішньому. Феноменологічний час особистості – це складне поєднання «духу минулих (історичних та доісторичних) епох», теперішніх змін (теперішнє завжди потенційно змінне) та фантазій про майбутнє. Фіксації особистісного часу, формують певний «часовий характер», який відомий нам в метафоричних висловах – «антична людина», «середньовічна людина», «людина епохи романтизму або вікторіанської епохи». Це не просто літературні образи, які підкреслюють певні сценарні напрями особистісного розвитку, це глибокі переживання конкретної особистості, які є в кожному теперішньому. Особистість – уламки різних часових уявлень з інтегруючим центром в моменті «зараз».

Час не важливий для тих, хто не помирає. Міфологічні сюжети про безсмертних богів та героїв, які воскресають і не підвладні Хроносу, не підвладні роботі часу (час рухається від впорядкування до ентропії та від ентропії до нового порядку) мають інший психологічний контекст існування. Цей контекст свободи від «кайданів часу» породжує Автора. В релігійних та космогонічних міфологічних уявленнях багатьох народів, які як відомо дуже подібні до інфантильних фантазій, є смерть особистості, але не смерть часу і тому смерть особистості не є цілковитою втратою – якщо час не руйнується – смерть стає лише етапом творчої трансформації.

Отже, вивчаючи щось психічне з урахуванням часу – означає реально вивчати плин, потік, не перериваючи його дослідницькою процедурою. А якщо й переривати, віддавати собі звіт в тому, що

ми маємо недостовірний факт, оскільки достовірне те, що рухається в часі, а не зупиняється і стає дискретним. Необхідно, з іншого боку реально враховувати й те, що початок і закінчення будь-якого психічного процесу (нехай і симультанне) є насправді не «початком» і «закінченням», а продовженням, яке супроводжується зміною форм. Власне, на рівні теоретичному, ми нічого нового не говоримо – нове буде в тому випадку, якщо вдасться розглянути психічні явища, в цілому психологічне життя людини з викладених позицій.

Згадана знахідка У. Джемса означає лише одне – вона акцентує цілісність сприймання людини. Час, як ідеальна форма, настільки міцно вплетений в ідеальні форми психічного (процеси, стани, etc), що не сприймається окремо від них. Більш того, час не сприймається у відношенні цілком матеріальних об'єктів: ми можемо бачити, що щось (хтось) змінюється з часом, але ми не сприймаємо час як такий, ми лише будуємо логічний умовивід. В цьому сенсі цікавий досвід ми отримуємо з неочікуваного боку – від військових. Йдеться про спостерігача. За попередніми даними і власним досвідом – головна проблема спостерігача – подолати нудьгу і залишити адекватним власне сприймання. За У. Джемсом, «ми починаємо відчувати нудьгу», коли внаслідок відносної бідності нашого досвіду, увага зосереджується на самому протіканні часу. Ми чекаємо нових вражень, готуємося сприйняти їх – вони не з'являються, замість них ми переживаємо майже нічим не заповнений проміжок часу» (У. Джемс, 19991, с. 185). Автор говорить далі про «нетерпимість для нас безколірності вражень» (У. Джемс, 19991, с. 185). Що психологічного відбувається? Безперервний потік нових вражень, відчуттів, etc виявляється принципово необхідним для існування динамічної міжфункціональної психологічної системи людини. Коли цей потік завмирає або дуже зменшується, система руйнується. І головна причина руйнації – виокремлення з неї часу. Виявляється, час є не просто елементом міжфункціональної психологічної системи, а її фундатором. Людина (в нашому випадку спостерігач) відчуває нудьгу і чекає вражень. Її сприймання перестає бути адекватним, з'являються численні помилки, навіть галюцинаторної природи. Те ж саме, але в більш загостреній формі спостерігаємо у випадках дуже довгого знаходження в закритому просторі (ув'язнення, тривалі космічні польоти, зимівля в Арктиці чи

Антарктиці тощо). Майже всі люди в перерахованих умовах проходять через кризу, пов'язану з руйнацією стабільної (до цього часу) міжфункціональної системи. Час виокремлюється і всі інші зв'язки між функціями руйнуються. Це є травма. Життя людини в таких умовах стає можливим лише тоді, коли їй вдається «вибудувати» нову систему з певними зв'язками, і, головне, «вбудувати» в неї нову течію часу.

Ми хотіли б підкреслити – вказане (система, її плин) стосується не лише вражень, емоцій etc. Навіть такі складні і ґрунтовні структури як поняття, включені в цю довічну течію. Л. С. Виготський писав: «Поняття – не картина, готовність. Але і не картина, а мелодія (хромогенна локалізація) – розгортання в часі – найістотніша ознака цієї структури» (Л.С. Виготський, 2017, с. 389). Що, в дійсності, означає внутрішньо і зовнішньо (в поведінці) розгортання поняття в часі – ми не знаємо. Як не знаємо і того, що означає розвиток і зміна значень слів, постійний рух сенсів. Зрозуміло одне – Л.С. Виготський привертає увагу до часового виміру свідомості в цілому, але на жаль, цим і обмежується. Проте, нам здається, що в вислові, що аналізується, принципова ідея зовсім нового для психології експерименту. Можливо, його створення і застосування, хоч якоюсь мірою позитивно вплине на рішення однієї з «довічних» проблем психології – співвідношення сталого і змінного. Отже виникає ще одна «довічна» проблема – проблема методу. У. Джемс писав: « Мені здається, що аналіз цілісних, конкретних станів свідомості, які змінюють одне одного, є єдино правильний психологічний метод, як би не було важко провести його через всі моменти дослідження... якщо цей метод правильний, виставлене мною положення про неможливість двох абсолютно однакових ідей в свідомості також є правдою» (У. Джемс, 19991, с. 62–63).

Нам здається, що У. Джемс дав вірний метод, принаймні, його не можна застосувати, не враховуючи часовий вимір. Однак в часи У. Джемса цей метод не був застосований, це, по-перше, а по-друге, пропонується варіант інтроспекції і звіту про безпосередні процеси. Тут глухий кут: адже звіт є вже опосередкуванням, і він же розриває плин часу. Нам здається, слід шукати експериментальні моделі в генетичній психології.

Дуже багато цікавих змістовних ідей стосовно переживання часу, знаходимо в екзистенційній психології (Р. Мей, Г. Ф. Еленбергер, Є. Мінковські, Е. Страус etc, *Екзистенційна психологія*, 2001). Зокрема, Е. Страус жорстко зв'язує час і переживання, зазначаючи, що майбутнє існує лише для істот, які переживають (Е. Страус, *Екзистенційна психологія*, 2001, с. 264).

Загалом, як нам здається, в екзистенційній психології переживання розглядається як безпосередній від початковий процес, розвиток якого забезпечує, власне, існування людини-в-світі. В такому тлумаченні переживання не підлягає науковому аналізу, яку б парадигму ми не використовували. Щоб стати об'єктом наукового вивчення, переживання має виявитись, а отже, стати опосередкованим. Нам здається більш продуктивним підхід до переживання Л. С. Виготського, як до одиниці аналізу особистості, що «знаходиться» на межі зовнішнього (Umwelt, Mittwelt) і внутрішнього світу (Eigewelt). Переживання існує лише в процесі свого знакового (тобто, опосередкованого) вираження. Це, власне, є час як такий. Виражаючись, переживання змінює (упорядковує) Eigenwelt і «приводить» людину в світ предметів і інших людей: воно переводить зовнішній світ в своє-живе. Ми, на жаль, не можемо зараз говорити про метод дослідження переживання (наукового дослідження), але вважаємо концепцію досить продуктивною і такою (що дуже важливо!), що не суперечить досягненням екзистенційної психології і психотерапії.

Наступною проблемою, що нас цікавить, є час в особливих станах людини (сон, наркоз, афект тощо). Тут можна лише висловлювати припущення. Зазначимо нашу вихідну тезу: людина в нормі не відображає час, вона його створює, ґрунтуючи на ньому плин життя і плин свого внутрішнього світу. Але у сні щось серйозно змінюється. Загальним місцем буде твердження про значну роль несвідомого та й не воно нас цікавить. Два питання слід мати на увазі: навіщо живому так багато сну і як це пов'язано з часом. З іншого боку, що в дійсності, відбувається з людиною, яка під час сну вільно породжує в часі? Почнемо з другого. Наважимося припустити, що питання пов'язане головним чином зі свободою. Людина звільняється від плинності повсякденності, проблем з нею пов'язаних і стає вільною. Це виявляється вкрай необхідним. Саме

з цим пов'язана відповідь на перше питання – свобода: вільне поводження з часом є абсолютно необхідним.

Ми, насправді, віддаємо собі звіт про неупорядкованість викладеного тут. Не дивячись на цю, здавалось би нелогічність і випадковість, ми бачимо (можливо, ще не можемо висловити) центральну ідею, вихідну методологічну позицію, з якої необхідно виходити у процесі вивчення часу в психології (вона вже озвучена в цьому тексті). Нам уявляється, що початком і закінченням (альфою і омегою) такого підходу є включення часу у вивчення сенсу. Ми надаємо перевагу аналізу розуміння сенсу двома, дуже далекими один від одного вченими – Л.С. Виготським та В. Франклом. Це може здатися дивним, але лише на перший погляд. Л.С. Виготський лише в самі останні місяці життя намагався повернути психологію до явища сенсу. В. Франкл, навпаки, займався цим все життя і на відміну від Л.С. Виготського, дуже багато встиг (пам'ятаємо Л.С. Виготський пішов з життя 38-річним). У цих вчених дуже різні погляди, але діалог виявляється можливим, принаймні відносно сенсу. Л.С. Виготський, на жаль, дуже мало писав про сенс, а його учні і співробітники настільки спотворили навіть цю мізерність... і багато років «ніби» спираючись на вчителя...

Лише в останній великій роботі, Л.С. Виготський, спираючись на М. Полані, дає визначення сенсу – «це упорядкована сукупність всіх подій свідомості, яка виникає відносно певного соціального об'єкту, або події» (Л.С. Виготський, 1982, с. 396). Порівняно з В. Франклом «що ж таке сенс? Розуміння цього слова тут зовсім просте: воно стосується того, що конкретна ситуація означає для даної людини» (В. Франкл, 1990, с. 167). Якщо порівняти – це про одне й те саме, тільки різними словами. Л.С. Виготський встиг ще відзначити, що сенс можна знайти лише в цілісності... то ж далі будемо виходити з аналізу думок В. Франкла. Він говорить, зокрема, що сприйняття сенсу дуже схоже зі сприйняттям гештальту, «в тім, – зазначає він, – сприйняття сенсу відрізняється від класичного сприйняття гештальту ось чим: якщо останнє зводиться до миттєвого розпізнання «фігури на тлі», то сприйняття сенсу, як на мене, можна визначити як миттєве розпізнання можливості на тлі реальності. Тож сенс виступає як знайдений кожною людиною

напрямок можливості «продовжувати жити» не дивлячись ні на що» (В. Франкл, 1990, с. 168). Відзначимо тут слово «момент». Його вживання означає, що В. Франкл пов'язує знаходження сенсу з явищем принципової зміни плину мого часу, власне, часу особистості. Як сказав поет «Времени не было. И это было любовью. Только перед ней оно останавливается» (И. Кашпуров «Осенний снег», 1989). Ці стани регулярно виникають у особистості, адже сенс конкретної ситуації доводиться знаходити доволі часто («Сенс можна знайти», «Його треба знайти», – В. Франкл, 1990). Зазнаємо, що В. Франкл розділяв поняття «сенс даної конкретної життєвої ситуації», «сенс життя», «граничний сенс». Він досить скептично ставився до можливості психологічного осягнення двох перших понять і зосередився на дослідженні сенсу конкретної ситуації. В. Франкл говорить не лише про можливість знайти сенс, а й про те, що ця можливість може пройти і зникнути. Останнє дуже істотне для нас.

В. Франкл задає своє бачення існування – людини-в-світі трьома основними методологемами. По-перше, «людина відкрита світу... людське існування характеризується подоланням меж середовища життя виду *Homo sapiens*. Людина прагне і виходить за його межі в світ і дійсно досягає його – світу, наповненого людьми і спілкуванням з ними, сенсами і їх реалізацією». По-друге, «світ містить в собі підґрунття і сенси» (В. Франкл, с., 82). По-третє, «відпочатковою, вродженою інтенцією людини є знаходження і реалізація сенсу. «Відпочатково вона (людина – автор) спрямована на здійснення сенсу і реалізацію цінностей, і лише в ході здійснення сенсу і реалізації цінностей вона здійснює і реалізує саму себе (В. Франкл, 1990, с. 73).

В. Франкл називає дві фундаментальні умови, власне, два процеси без яких не може бути знайдений сенс конкретної життєвої ситуації – це здатність людини до самодистанціювання (1), та до трансценденції. Вказані явища докладно описані, і ми не будемо відтворювати ці описи. Зазначимо лише, що це – сам описи, а не наукове розуміння явищ. Нам здається, що кроком до такого розуміння є врахування фактору часу. Коли я самодистанціююсь і трансцендентую, я виходжу за межі часу існування власної особистості. Я не виходжу поза час взагалі, а ніби потрапляю в

якийсь інший час, час як спосіб існування. Саме тут відбувається найголовніше для чого я живу – я знаходжу сенс... і тут виникає ще одна форма часу, в яку я потрапляю, та сама мить про яку вже говорилось. Але «подорож в часі» триває, адже, за В. Франклом, після знаходження сенсу, я його переживаю. Причому, переживаю цілком конкретні речі: сенс страждання, сенс допомоги, сенс любові, сенс краси etc. Переживання є плин, і це – знову плин іншого часу. Лише після цього я «повертаюся» в свій звичайний час (чи не в цьому сенс дуже популярного терміну – «буденність»?). Отже, кожна людина – не буденна, остання – лише певний, і не дуже великий, і не головний час її існування. Звичайно, тут напрошується аналогія з концепцією «вершинних переживань» А. Маслоу. Але аналіз цього – справа майбутнього.

Тут зазначимо лише дві речі. Перше. Описана «подорож в часі в пошуках сенсу» говорить про вихідну і принципову свободу кожної людини. Адже, лише вільна людина здатна на таку «подорож». Причому ця свобода дійсно коренева і задана відпочатково кожній людині. Це трагічно-яскраво показав всім своїм життям у концтаборі сам В. Франкл (життям, яке за визначенням, було спрямовано на те, щоб приборкати все людське в людині. Але люди, в більшості, залишилися людьми.

Друге. Ми впевнені, що майбутній аналіз описаного процесу, якщо він буде спиратися на фактор часу, дозволить більш продуктивно підійти до наукового розуміння структури динамічних процесів людини взагалі і того, що відбувається при пошуку сенсу, зокрема.

Література

Выготский Л. С. История развития высших психических функций: собр. соч. Т. 3. М., 1983. – 337 с.

Выготский Л. С. Записные книжки избранные. – М., 2017. – 607 с.

Джемс У. Психология. – М., 1991. – 368 с.

Элленберг Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ. – Экзистенциальная психология. – М., 2001. С. 201–230.

Минковский Ю. Случай шизофренической депрессии. – Там же. – С. 237–255.

Мэй Р. Вклад экзистенциальной психотерапии. – Там же. – С. 141–200.

Страус Э. Эстеziология и галлюцинации. – Там же. С. 251–286.

Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 368 с.

Наукове видання

**ПАПУЧА Н. В.,
МЕДВЕДЬ Е. С.**

**НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ.
ОЧЕРКИ**

Монографія

Російською мовою

Технічний редактор – І. П. Борис
Верстка, макетування – О. В. Борщ

Видання друкується за авторським редагуванням

Підписано до друку 04.01.2020 р.	Формат 60x84/16	Папір офсетний
Гарнітура Arial	Обл.-вид. арк. 9,24	Тираж 50 прим.
Замовлення № 112	Ум. друк. арк. 10,01	

Ніжинський державний університет
імені Миколи Гоголя.
м. Ніжин, вул. Воздвиженська, 3^А
(04631)7–19–72
E-mail: vidavn_ndu@ukr.net
www.ndu.edu.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 2137 від 29.03.05 р.